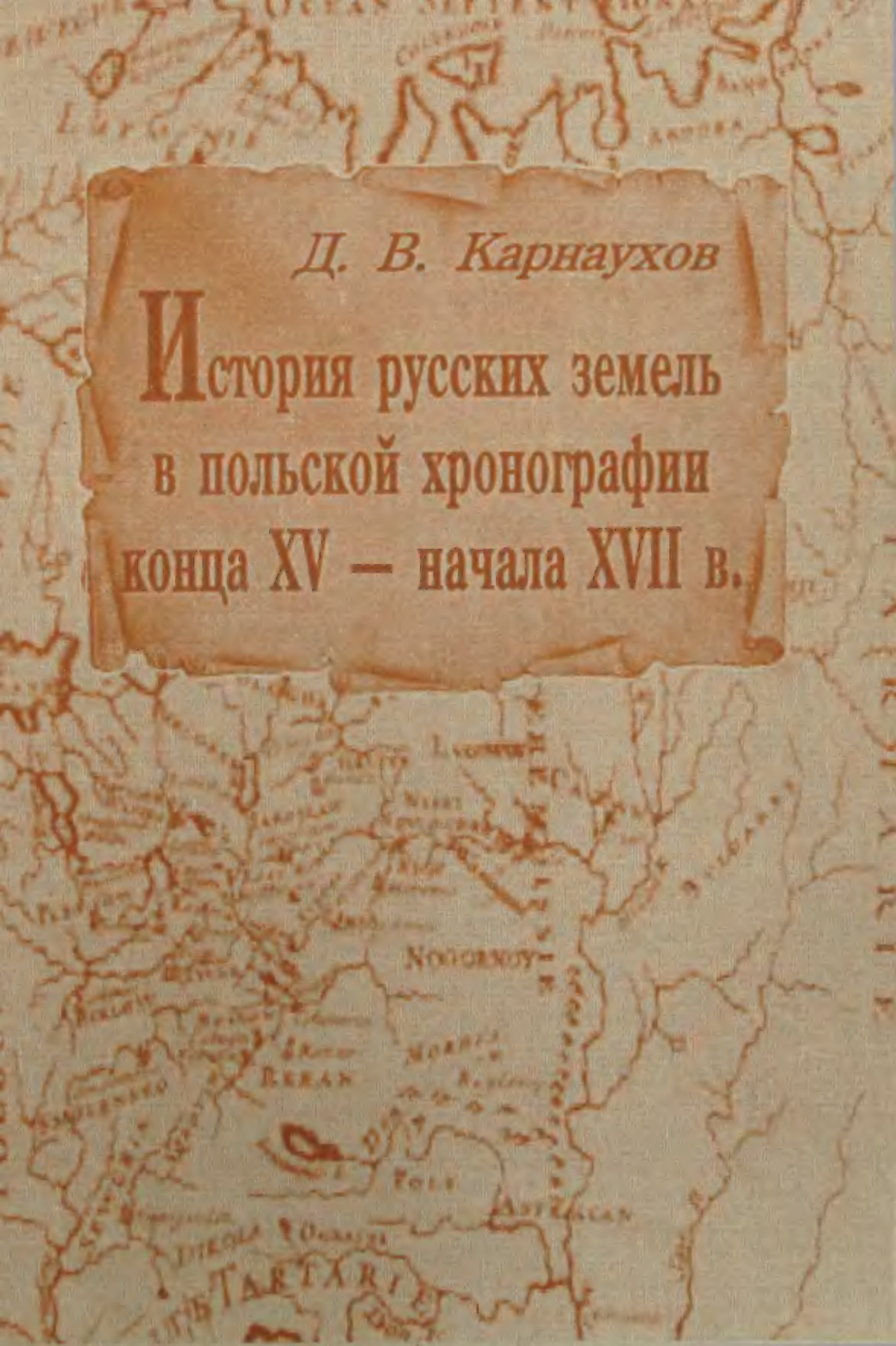
Д. В. Карнаухов

История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII в.



СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Д. В. Карнаухов

История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII в.

Научный редактор д-р ист. наук А. Л. Посадсков

Новосибирск, 2009

УДК 94(47):930+930(091)(438)
ББК 63.3(2)4г+63.1(4Пол)4
К24

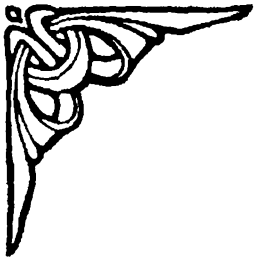
Рекомендовано Редакционно-издательским советом ГПНТБ СО РАН

Утверждено Научно-издательским советом Сибирского отделения Российской академии наук

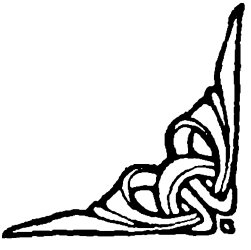
Рецензенты:
д-р ист. наук, проф. К. Б. Умбрашко
д-р наук, проф. Т. Хынчевска-Хеннель

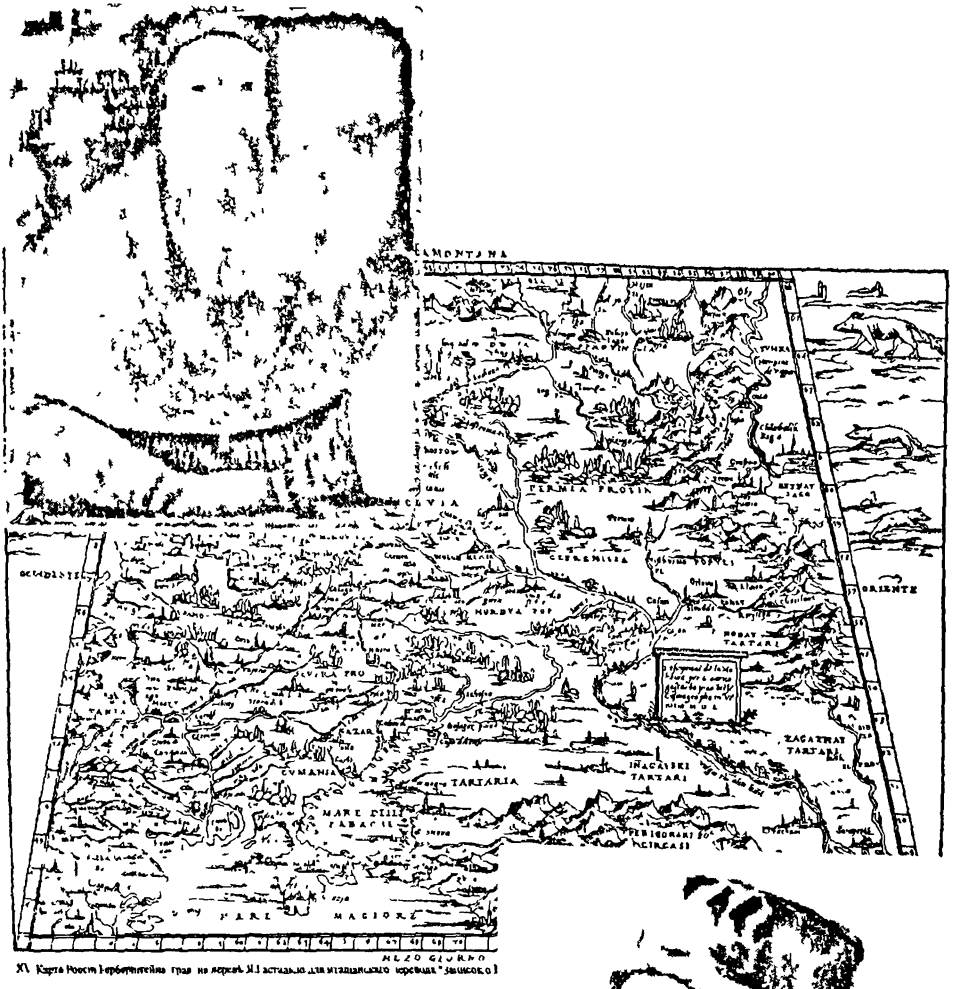
ISBN 978-5-94560-161-1

© Учреждение Российской академии наук Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН (ГПНТБ СО РАН), 2009
© Д. В. Карнаухов, 2009



Предисловие





XV. Карта России Герберштейна [где на версии XI] осталась для итальянского перевода "Записок о

История России, как предмет историографической рефлексии, вызывала интерес у многих поколений зарубежных интеллектуалов. Этот интерес, изначально обусловленный формированием особого комплекса культурно-цивилизационных ценностей восточного славянства в эпоху средневековья, в дальнейшем постоянно усиливался по мере укрепления российской государственности, стимулировался ростом активности и авторитета России на международной арене.

Важно помнить о том, что исследовательские приемы и мотивы зарубежных ученых, пытавшихся осмыслить историческое развитие России, отличались от подходов отечественных историков. С одной стороны, на трактовках различных сюжетов отечественной истории иностранными авторами сказывалась политическая конъюнктура, в той или иной степени обусловленная влиянием актуальных отношений представляемых ими стран с Россией. С другой стороны, зарубежные ученые, обращавшиеся к изучению российской истории, нередко были носителями принципиально иных цивилизационных ценностей, иных традиций и подходов к интеллектуальной деятельности.

Таким образом, «внешний» образ истории России является для историка достаточно сложным объектом изучения историографии, требующим применения взвешенного комплексного исследовательского подхода, а также выработки специальной научной методологии. Понимания этой сложности порой недоставало отечественным ученым, которые нередко предпочитали глубокому научному анализу представлений иностранцев о России их огульную критику. В результате, трактовки зарубежных исследователей нередко подвергались обструкции и квалифицировались как фальсификация истории России.

Едва ли столь пренебрежительное отношение к достижениям зарубежной историографии может быть приемлемо на современном этапе

развития исторического знания, важной чертой которого является стремление к преодолению самоизоляции и интеграция национальных школ в мировую историческую науку. Представляется очевидным, что реабилитация «внешних» представлений о российской истории, их серьезная научная оценка могут быть востребованы в рамках столь актуальной «интеграционной» парадигмы.

Данная монография является частью исследовательского проекта, предполагающего изучение достижений польской историографии конца XV – начала XVII в., в рамках которой был сформирован вписанный в восприятие прошлого польского государства и польского народа образ русской истории, охватывающий период от «начала мира» до эпохи современной авторам польских исторических сочинений – его непосредственных творцов.

Говоря о польском «образе русской истории» этого времени, мы имеем в виду совокупность представлений польских авторов, специфическим образом интерпретировавших имевшиеся в их распоряжении исторические свидетельства, освещавшие прошлое Руси, в том числе сюжеты происхождения «русских народов», их этнического и территориального размежевания, возникновения и эволюции русской (восточнославянской) государственности, вопросы взаимоотношений Киевской Руси и отдельных русских княжеств с Польшей, а также иными соседними государствами и народами.

Данный спектр вопросов в интересующую нас эпоху приобретает актуальность для польских политических и интеллектуальных элит, прежде всего по причине усиления польского государства, последовавшего после начавшегося в первой половине XV в. сближения Польского королевства и Великого княжества Литовского, большую часть населения которого составляли восточные славяне. В определенном смысле можно говорить и о наличии своеобразного «заказа» со стороны польско-литовских правящих кругов, нуждавшихся в описании восточнославянских земель, которые рассматривались ими как потенциальное «жизненное пространство» на востоке. Осуществлявшаяся на протяжении нескольких веков последовательная «инкорпорация» русских земель в состав Польши и Литвы должна была получить достаточно мощное историческое обоснование. В свою очередь, эта задача едва ли могла быть решена без глубокой интеллектуальной проработки исторического материала. Результатом усилий, предпринятых в данном направлении, стало возникновение самобытной и разнообразной в своих проявлениях традиции восприятия истории русских земель.

На протяжении интересующего нас периода – с 1480 по 1611 г. – усилиями главным образом польских интеллектуалов было создано несколько развернутых концепций истории славянского востока. Плоды этой работы были востребованы не только польско-литовским государством как «заказчиком». Польские авторы этого времени во многом «открыли» русскую историю для образованных европейцев, а также позволили переосмыслить многие события своего прошлого самим восточным славянам.

Историографическая традиция конца XV – начала XVII в. впитала черты двух культурных эпох – позднего средневековья и Ренессанса. При этом авторы исторических трудов, как правило, ориентировались на формы и методы описания прошлого, утвердившиеся в интеллектуальной среде средневековой Европы.

Из трех форм исторического сочинения, получивших широкое распространение в средние века, – *анналов* (annales), *истории* (historia / gestae) и *хроники* (chronica) – именно последняя оказалась наиболее привлекательной и приемлемой для авторов эпохи Возрождения, представлявших различные страны Европы. Б. Гене в свое время обратил внимание на процесс эволюции *хроники* как формы исторического сочинения – от сознательного и продуманного «конспекта», краткого изложения истории, главной задачей которого было «восстановление хронологии прошлого»[1], до некоего «смешанного» жанра, признанного «колыбелью новой исторической науки», в котором уживались хронологическая точность и «искусство повествования», изложение фактов и причинно-следственная связь между ними[2]. Исследования польских ученых, представляющих различные отрасли гуманитарного знания, показали, что в Польше, как и в других странах Европы, на рубеже средневековья и эпохи Возрождения, хроника становится полноценным литературным произведением, посвященным описанию событий всеобщей, национальной или локальной истории[3]. В польской хронографии этого времени проявляется авторский подход к организации излагаемого

---

[1] *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 236–237.

[2] Там же. С. 244.

[3] Kronika // Encyklopedia wiedzy o książce. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1971. S. 1244 ; *Michałowska T.* Kronika // Słownik literatury staropolskiej (Średniowiecze – Renesans – Barok). Wrocław; Warszawa; Krakow, 1990. S. 346, 353–354 ; *Grabski A. F.* Dzieje historiografii. Poznan, 2006. S. 242–243.

материала, о чем свидетельствует наличие сюжетного повествования, назидательных пассажей, содержащих морализаторские или панегиристические рассуждения историка, комментариев к фактам и событиям, выводов и т. д. При этом стиль и характер этих элементов наррации зависели от той культурной среды, в которой сформировалось мировоззрение автора конкретного сочинения.

Отмеченная эволюция позволила хронике как жанру исторического сочинения пережить эпоху средневековья, что дает нам основание пересмотреть получившее широкое распространение в отечественной науке представление о ней как о порождении «феодально-церковной историографии»[4] и рассматривать ее как универсальный феномен интеллектуальной культуры средневековья и Ренессанса. Именно этими соображениями продиктован наш выбор обобщающего маркера *хронография* для обозначения польской литературной традиции исторической направленности XV–XVII вв.

Наше исследование предполагает изучение структуры и содержания «русских» и «московских» известий, представленных в польской исторической литературе конца XV – начала XVII в., и имеет двоякую цель. С одной стороны, мы намерены показать вклад конкретных авторов исторических сочинений, созданных в Польше в период с 1480 по 1611 г., в формирование исторического образа славянского востока. С другой стороны, нашей целью является обобщение опыта изучения как польской хронографии интересующего нас периода в целом, так и представленных в сочинениях польских авторов концепций истории русских земель, накопленного критической историографией нового и новейшего времени различных стран – главным образом, Польши, России, Украины и Белоруссии[5].

Польские историографические источники конца XV – начала XVII в., позволяющие реконструировать исторический образ русских земель, нами были разделены по принципу авторства: отдельные главы монографии посвящены анализу сочинений наиболее известных польских историков, внесших вклад в описание прошлого Руси – Яна Длугоша,

---

[4] *Ваинштейн О Л* Западноевропейская средневековая историография. М ; Л., 1964. С 103–109.

Для нас представляют интерес также подходы историков, представлявших советскую историческую школу, к которой, говоря о периоде существования СССР, мы будем применять обобщающий маркер «отечественной» историографии.

Матвея Меховия, Мартина Кромера, Марчина и Иоахима Бельских, Мачея Стрыйковского, а также натурализовавшегося в Польше итальянца Александра Гваньини. Выбор этих авторов был обусловлен тем обстоятельством, что именно им удалось представить свои взгляды на историю русских земель в рамках сочинений универсального характера, содержавших описание прошлого всего мира или Польши на всем протяжении их исторического развития[6].

Тема нашего исследования представляется актуальной также в связи с тем, что исторические труды польских авторов интересующей нас эпохи и тематики переведены на русский язык лишь частично. Сделанные в XVI и XVII вв. рукописные переводы хроник М. Бельского, Стрыйковского и Гваньини не получили широкого распространения[7]. Лишь в 1936 г. был опубликован современный русский перевод латинского *Трактата о двух Сарматиях* Меховия[8], а на рубеже XX и XXI вв. в переводе на русский язык изданы отдельные «русские» фрагменты сочинений Длугоша и Гваньини[9]. Большая часть историографических источников, содержавших свидетельства о прошлом русских земель, использовалась нами в оригинальных языковых версиях, причем предпочтение отдавалось наиболее ранним изданиям этих сочинений.

---

[6] В этой связи мы не посвятили отдельных глав книги двум авторитетным ученым первой трети XVI в., уделившим на страницах своих трудов внимание лишь новейшему периоду истории славянского востока, преимущественно истории польско-литовско-московских отношений, а именно Иодокусу Людовику Децию и Бернарду Ваповскому. Вместе с тем, их реляции рассматриваются нами как важнейший источник формирования представлений польских авторов второй половины XVI в. о новейшей истории Московской Руси.

[7] См.: *Пташицкий С.* Западно-русские переводы хроник Бельскаго и Стрыйковскаго : библиогр. заметки // Новый сборник статей по славяноведению СПб., 1905 ; *Дячок О. А.* Анализ рукописных переводов «Хроники Европейской Сарматии» А. Гваньини на русский и украинский языки Исследования по археографии и источниковедению отечественнои истории XVI XX вв Днепропетровск, 1990. С. 19–32.

[8] *Матвей Меховский* Трактат о двух Сарматиях / введ , пер и коммент С. А. Аннинского. М.; Л., 1936.

[9] *Щавелева Н И* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): текст, пер., коммент. М., 2004 ; *Гваньини А* Описание Московии / пер. с лат. и коммент. Г. Г. Козловои. М., 1997.

В главах, посвященных достижениям конкретных польских историков конца XV – начала XVII в., дается общая характеристика их историографической деятельности, описывается структура исторических сочинений, содержавших «русские» и «московские» известия. Для нас представляет интерес, прежде всего, выявление источников свидетельств того или иного историка о прошлом Руси, а также изучение эволюции этих представлений в том случае, если речь заходит о нескольких изданиях одного и того же сочинения, изменявшихся и дополнявшихся его автором. В то же время в рамках данной публикации цель подробного описания и анализа концепций истории восточнославянских земель, касавшихся наиболее важных аспектов внутренней и внешней политики русских княжеств, а также этнокультурной истории средневековой Руси не ставилась, поскольку данный спектр вопросов предполагается рассмотреть в рамках отдельного монографического исследования.

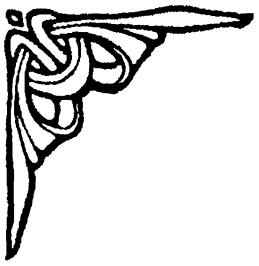
Каждая из глав нашей книги содержит, помимо характеристики «русских» известий того или иного польского автора, очерк истории критического изучения его историографических достижений учеными последующих эпох. Необходимость историографических экскурсов вызвана тем обстоятельством, что за последние два столетия научные школы Польши, России, Украины и Белоруссии накопили немалый опыт изучения как польской хронографии интересующей нас эпохи в целом, так и «русских» известий конкретных польских авторов, в частности. При этом одной из частных задач, поставленных при рассмотрении данного аспекта темы в настоящей монографии, стало сопоставление подходов польскоязычной и русскоязычной историографии к проблемам освещения истории Руси польской ренессансной историографии, которые в исторической литературе XIX–XX вв. нередко вызывали горячие дискуссии. Еще одной важной функцией представленных в книге историографических очерков мы считаем ознакомление научного сообщества России с достижениями современных польских, белорусских и украинских историков в области исследования польской исторической *россики*, что может способствовать преодолению наметившейся в последние десятилетия тенденции к изоляции российской историографии и восстановлению некогда весьма тесных кооперационных связей между научными школами стран Восточной Европы.

В процессе написания монографии автор пользовался фондами отечественных и зарубежных библиотек. Наиболее плодотворными оказались поиски в библиотеке Варшавского университета и Национальной библиотеке Республики Польша (Варшава), Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), Библиотеке Академии наук (Санкт-Петербург), Российской государственной библиотеке (Москва) и Государственной публичной научно-технической библиотеке Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск). Сотрудникам библиотек, оказавшим содействие в работе и помощь в получении необходимых материалов и сведений, автор считает своим приятным долгом принести глубокую благодарность.

Самим возникновением замысла научного проекта, реализуемого на страницах монографии, автор обязан своему Учителю – профессору Александру Сергеевичу Мыльникову (Санкт-Петербург). Сотрудничество с этим выдающимся ученым продолжалось вплоть до его кончины в 2003 г. и оказало огромное влияние на ход научных исследований по избранной теме. В ходе работы над книгой большое значение имела апробация отдельных аспектов ее темы в польских и российских научно-образовательных центрах, среди которых хотелось бы выделить лабораторию вспомогательных исторических дисциплин и издательского дела Института истории Польской академии наук в Варшаве (Pracownia nauk pomocniczych historii oraz edytorstwa IH PAN), Центр изучения античной традиции Института междисциплинарных исследований *Artes Liberales* Варшавского университета (Ośrodek badań nad tradycją antyczną IBI UW), кафедру всеобщей истории, историографии и источниковедения Новосибирского государственного педагогического университета, Центр «Историческая наука России» Института российской истории Российской академии наук (Москва) и лабораторию книговедения Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск). Неоценимую помощь советами и рекомендациями при написании монографии автору оказали профессор Т. Хынчевска-Хеннель (Институт истории ПАН в Варшаве), доктор М. Яницкий (Исторический институт Варшавского университета) и кандидат исторических наук К. Ю. Ерусалимский (Российский государственный гуманитарный университет).

Одновременно хотелось бы выразить искреннюю признательность за финансовую и организационную поддержку исследовательского

проекта, частью которого является наша монография научным фондам Республики Польша: Фонду им. Юзефа Мяновского (Kasa im. Józefa Mianowskiego), Фонду поддержки польской науки (Fundacja na Rzecz Nauki Polskiej), Польскому комитету по делам ЮНЕСКО (Polski komitet do spraw UNESCO), а также руководству Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета и дирекции Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук.



Глава 1

История славянского востока в хронике Яна Длугоша

POLON[illegible]

[illegible] INIS

[illegible]GOSSI

[illegible]V IONGINI

CANONICI CRACOVIEN.

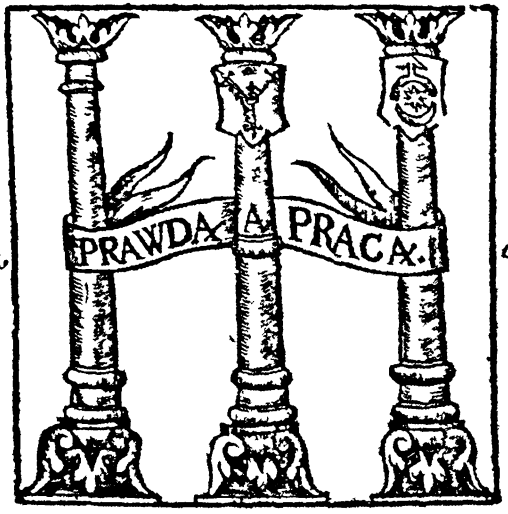
IN TRES TOMOS.

DIGESTA

Autoritate & Sumptibus

[illegible]ERBVLTI DOBROMILSKI

EDITA



DOBROMILI.

In Offi ina Ioannis Szeligæ, An o D. 5

Первым польским автором, который представил на страницах своего сочинения развернутое описание важнейших событий истории русского народа и государства, а также взаимоотношений Руси с другими странами, был краковский каноник Ян Длугош (Jan Długosz, 1415–1480).

Латиноязычная рукописная хроника этого автора, хотя и позиционировалась как описание истории Польши, охватывавшее период с глубокой древности до современной ее автору эпохи, тем не менее, также содержала немало свидетельств о сопредельных странах и народах, которые были подчинены Длугошем логике изложения истории поляков. Хроника была разделена на 12 книг и создавалась на протяжении нескольких десятилетий. Работа над ней была прервана из-за скоропостижной смерти историка в 1480 г., не успевшего придать своему сочинению безупречную форму и выбрать подходящее название[1]. Дальнейшая судьба хроники Длугоша была очень сложной. Так, несмотря на высокий уровень развития книгопечатания в Польше, по политическим мотивам его сочинение долгое время не публиковалось и было доступно лишь узкому кругу читателей[2]. Первая попытка его издания предпринимается лишь в 1615 г. по частной инициативе польского магната Яна Хербурта-младшего. В провинциальном Добромиле

[1] Авторского названия хроники в созданных при жизни Длугоша списках не сохранилось. Современные польские исследователи склонны признавать авторской редакцией названия хроники титул, обнаруженный в одном из списков XVI в.: «Annales seu Cronice incliti Regni Polonie, opera venerabilis domini Johannis Longini <...>» (см.: *Semkowicz-Zarembina W* Przedmowa Jana Długosza Roczniki Sławnego Królewstwa Polskiego. Warszawa, 1961. Ks. 1 2. S. 10 11)

[2] *Cynarski S* Uwagi nad problemem recepcji «Historii» Jana Długosza w Polsce XVI i XVII w. // Długossiana: Studia historyczne w pięcsetlecie smierci Jana Długosza. Warszawa, 1980. Cz. 1. S. 281–291.

в передвижной типографии Яна Шелиги были опубликованы первые 6 книг хроники, составившие первый из трех томов, запланированных издателем[3]. Однако этим планам Хербурта не суждено было осуществиться, поскольку публикация вызвала настолько негативную реакцию польской аристократии, что король Сигизмунд III был вынужден издать указ о конфискации и уничтожении еще не распроданных экземпляров уже напечатанного тиража, а также запретил публикацию последующих книг хроники[4].

В полном объеме труд Длугоша был опубликован лишь в 1711–1712 гг. во Франкфурте-на-Майне и Лейпциге[5]. Инициатива данной публикации принадлежала издателям старопольских исторических трудов Генриху фон Гюйсену, который состоял на русской службе и некоторое время даже был наставником сына Петра I царевича Алексея, и Иоганну Готтлибу Краузе. В основу лейпцигской редакции был положен список хроники Длугоша, обнаруженный Гюйсеном в библиотеке освенцимского хорунжего Войчеха Дембинского. Публикация исторического сочинения Длугоша предварялась предисловиями Гюйсена и Краузе, содержавшими очерк развития польской исторической мысли, свидетельства о Длугоше авторитетных польских писателей XVI в. и его жизнеописание, воспроизведенное по добромильскому изданию 1615 г.[6] После выхода в свет лейпцигской редакции оригинальный латинский текст хроники Длугоша в полном объеме был опубликован еще трижды: в III–V томах издательской серии *Historiarum Poloniae*

---

[3] Полное название добромильского издания: Historia Polonica Joannis Długossi seu Longini Canonici Cracovien. In 3 T. autoritate et sumptibus H. Dobromilski ed. Dobromili: Offic. Ioannis Szeligae, 1615.

[4] Подробнее об этом см.: *Semkowicz-Zarembina W.* Przedmowa... S. 29–32.

[5] Ioannis Długossi seu Longini, canonici quondam cracoviensis // Historiae Polonicae libri XII. Francofurti, 1711 ; Ioannis Długossi seu Longini, canonici quondam cracoviensis // Historiae Polonicae liber XIII. T. 2. Lipsiae, 1712.

[6] В первоначально опубликованном тексте лейпцигской редакции недоставало нескольких заключительных фрагментов 12-й книги, которые издателям удалось разыскать уже после публикации основного текста хроники в библиотеке Краковского университета. По этой причине окончание хроники было опубликовано в дополнительном втором томе, наряду с сочинениями других старопольских историков: Винцентия Кадлубка, Станислава Сарницкого и Станислава Ожеховского. Подробнее об этом см.: *Zeissberg H.* Dziejopisarstwo polskie wieków średnich / przekład z niemieckiego. Warszawa, 1877. T. 1. S. 3 ; *Пташицкий С.* Длугош, польский историк XV столетия. СПб., 1888. С. 6.

et magni Ducatus Lithuaniae scriptorum... Collectio Мицлера де Колоф (Варшава, 1776), в 10–14 томах полного собрания сочинений Длугоша *Opera omnia* А. Пшездзецкого (Краков, 1873–1878), а также в рамках современного 11-томного научного издательского проекта, реализованного польскими учеными в период с 1964 по 2006 г.[7] Следует также отметить два перевода полного текста хроники Длугоша на польский язык[8] и публикации отдельных ее фрагментов на русском языке[9].

Хроника Длугоша в полной мере отразила противоречия в развитии политической мысли в Польше и исторического самосознания польских элит на рубеже позднего средневековья и эпохи Возрождения. Взгляды Длугоша, блестящего интеллектуала и политического деятеля своего времени, были тесно связаны с доктриной его могущественного покровителя – краковского епископа, а впоследствии кардинала Збигнева Олецницкого, стремившегося противопоставить духовную власть церкви светской власти польских королей, добиться более активного участия духовенства в определении внутренней и внешней политики польского государства. Впрочем, после смерти Олецницкого Длугошу постепенно удалось достичь компромисса в отношениях с королевской властью, занять высокое положение при дворе Казимира IV и даже стать наставником его сыновей, в числе которых были и будущие польские монархи Ян Ольбрахт, Александр и Сигизмунд. По всей видимости, именно переход на королевскую службу объясняет умеренно «националистический» характер исторических представлений Длугоша, а также оправдывает повышенное внимание, уделяемое на страницах его хроники, внешнеполитическому курсу правящих династий Польского королевства, одной из важнейших целей которого на протяжении многих веков являлось покорение русских земель.

---

[7] Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. T. 1 11. Cracoviae, 1964–2005.

[8] Польский перевод К. Мехержиньского был опубликован во второй половине XIX в. в составе полного собрания сочинений Длугоша. Современный польский перевод 1 и 2-й книг хроники выполнен С. Гавендой, З. Яблоньским, А. Йохельсоном, Ю. Раджишевской, К. Стаховской и А. Стшелецкой, перевод 3 12-й книг выполнила Ю. Мрукувна.

[9] См.: *Длугош Я.* Грюнвальдская битва / пер. с латин. М.; Л., 1962 ; *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I VI) текст, пер., коммент. М., 2004. С. 211–364.

К моменту создания хроники Длугоша эта цель была достигнута – значительная часть западнорусских земель была либо присоединена к Польше, либо контролировалась Великим княжеством Литовским, связанным с Польским королевством династической унией. Такое положение вещей, с одной стороны, порождало высокомерное отношение польской правящей элиты к Руси и ее населению, но, с другой стороны, способствовало росту интереса к истории русских земель и двусторонних польско-русских отношений, позволивших польскому государству достичь столь выдающихся внешнеполитических успехов. Именно этим можно объяснить стремление Длугоша при создании своего исторического сочинения выйти за рамки проблематики истории польского народа, осветить более широкий спектр вопросов регионального масштаба, в том числе уделить внимание проблеме этногенеза восточных славян, вопросам возникновения и эволюции древнерусской государственности, особенностям культурной организации православной Руси, а также предложить собственную трактовку истории польско-русских отношений, содержавшую обоснование актуальной для его современников внешнеполитической доктрины Польской короны.

Свидетельства об истории русских земель в хронике Длугоша представляют собой интерпретации известий, заимствованных главным образом из русских летописных памятников, а также польских анналов и хроник. Особенностью отношения Длугоша к его источникам является отсутствие точных ссылок на происхождение заимствованных сведений. Польский историк упоминает о заимствованиях лишь в тех случаях, когда он проявляет заинтересованность в противопоставлении различных трактовок одних и тех же событий и феноменов или же стремится подчеркнуть идеологические акценты высказанной им самим точки зрения посредством указания на ее согласованность с реляцией конкретного источника. Однако даже такие ссылки встречаются в хронике Длугоша крайне редко. А в тех случаях, когда в источнике этот автор обнаруживает детали, с его точки зрения выставляющие Польшу в невыгодном свете, он нередко, никак не комментируя и не обосновывая своих действий, произвольно изменяет реляцию своего информатора.

Вопрос масштабов и характера использования Длугошем русских источников достаточно хорошо изучен в отечественной и зарубежной историографии. Эта проблематика привлекла внимание

К. Н. Бестужева-Рюмина[10], А. Семковича[11], А. А. Шахматова[12], Е. Перфецкого[13], М. Н. Тихомирова[14], Ю. А. Лимонова[15], Ю. Раджишевской[16], Ф. Щелицкого[17], Б. М. Клосса[18], Н. И. Щавелевой[19] и А. В. Назаренко[20], выявивших объем и структуру заимствованных Длугошем сведений по истории Киевской Руси из *Повести временных лет*, а также литовско-русских летописных памятников.

Как показывает работа Б. М. Клосса, критически обобщившего опыт разработки данной темы в историографии нового и новейшего времени, в распоряжении Длугоша имелись два сохранившихся до наших дней русских летописных памятника: Южнорусский свод первой трети XIII в., отредактированный в интересах смоленского княжеского дома,

---

[10] *Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868.

[11] *Semkowicz A* Krytyczny rozbiór «Dziejów Polski» Jana Długosza (do roku 1384). Kraków, 1887. S. 52–55.

[12] *Шахматов А А* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

[13] *Perfeckij E.* Historia Polonica Jana Długosze a ruské letopisectvi // Práce Slovanského ustavu v Praze. 1932. Sv. 7.

[14] *Тихомиров М Н.* Русский летописец в «Истории Польши» Яна Длугоша // Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 226–237.

[15] *Лимонов Ю А.* Польский хронист Ян Длугош о России // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 262–268 ; *Лимонов Ю А* Русские летописи и польская историография XV–XVI вв. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. – М., 1976. С. 158–161 ; *Лимонов Ю А* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978. С. 6–96.

[16] *Radziszewska J.* W sprawie korzystania przez Długosza z «Powieści minionych lat» // Ziemia Częstochowska. 1984. T. 14.

[17] *Sielicki F.* Jan Długosz i latopisy ruskie // Opuscula Polonica et Russica. 1997. T. 5. S. 13–23.

[18] *Клосс Б. М.* Русские источники I–VI книг Анналов Яна Длугоша / *Щавелева Н. И.* Древняя Русь... С. 34–52.

[19] Проводившаяся Н. И. Щавелевой на протяжении многих лет работа по переводу и комментированию «русских» известий Длугоша была прервана ее кончиной в 2000 г. Результаты этой работы были опубликованы в 2004 г. (См.: *Щавелева Н. И* Древняя Русь...).

[20] А. В. Назаренко был соавтором комментариев к переводу «русских» фрагментов хроники Длугоша, предпринятого Н. И. Щавелевои. См.· *Щавелева Н. И.* Древняя Русь... С. 365–463.

и Смоленский летописный свод, в основу которого были положены ранний список Радзивиловской летописи и I Софийская летопись[21]. Вместе с тем, идентификация летописей, использовавшихся Длугошем для описания истории Руси, по ряду позиций и в наши дни вызывает сомнения, поскольку отдельные свидетельства его хроники не подтверждаются русскими источниками. Прежде всего, мы имеем в виду те сообщения польского историка, которые не согласуются с общепринятыми трактовками описываемых событий в русских летописях[22]. Эти реляции, как правило, были результатом амплификаций Длугоша, литературного «развертывания» им того или иного конкретного сюжета, в основу которого могли быть положены заимствованные из источников упоминания о фактах или событиях, но при этом фабула сюжета нередко претерпевала значительные изменения вследствие подчинения описания задаче доказательства тех или иных конъюнктурных идей.

Польские источники «русских» известий хроники Длугоша выявлены и изучены А. Семковичем[23] и Н. И. Щавелевой[24]. Чаще всего польские материалы использовались при описании двусторонних отношений – главным образом войн Польши и Руси, совместных действий русских и польских князей в борьбе против третьих стран, а также в рассказах о династических браках. Согласно результатам изысканий упомянутых исследователей, Длугошем были привлечены памятники XII–XIV вв. – сочинения Галла Анонима, Винцентия Кадлубка, Великопольская хроника, а также анналы краковского капитула, Щвентокжыские анналы, рочник Траски и ряд других[25]. Эти источники Длугош использовал избирательно, наряду со свидетельствами русских летописных памятников, извлекал из них наиболее ценные сведения, позволявшие ему составить наиболее полную картину событий.

---

[21] *Клосс Б М* Русские источники... С. 52.

[22] В свое время М. Н. Тихомиров высказал предположение о существовании «особого» русского источника хроники Длугоша, «начинавшегося повествованием о начале Киева и кончавшегося княжением Владимира после его крещения», дошедшего до него в составе более поздней компиляции, что позволило бы объяснить некоторые не сочетающиеся с текстом «Повести временных лет» реляции польского историка (см.: *Тихомиров М. Н.* Русский летописец... С. 237).

[23] *Semkowicz A* Krytyczny rozbiór... S. 25–51.

[24] *Щавелева Н И* Древняя Русь... С. 16–23.

[25] Подробнее о польских средневековых источниках, содержавших сведения об истории русских земель, см.: *Щавелева Н И.* Польские латиноязычные средневековые источники: текст, пер., коммент. М., 1990.

Разделение исторического материала на книги в сочинении Длугоша в целом подчинено хронологическому принципу. Исключением является лишь **1-я книга** хроники, так называемая *Хорография*, в рамках которой польский историк рассуждает о происхождении народов, населяющих Восточную Европу, а также представляет историко-географическое описание этого региона. Решая первую задачу, Длугош обращается к потенциалу библейской традиции, интерпретирует ветхозаветный сюжет разделения народов и языков. Этот подход к решению проблемы этногенеза не был авторской находкой Длугоша – европейские средневековые историки традиционно производили первопредков тех или иных современных народов от библейских персонажей – однако польский автор в своей хронике создает универсальную «генеалогию», в которой нашлось место и славянским народам, номинированным согласно сложившейся в его эпоху традиции.

Также в 1-й книге Длугошем затрагиваются вопросы разделения славянской общности на отдельные народы и племенной дифференциации восточных славян в эпоху раннего средневековья. В одних случаях, говоря на эту тему, польский историк либо упоминает легендарных первопредков славянских народов – братьев-эпонимов Леха, Чеха и Руса, опираясь при этом главным образом на свидетельства западнославянских средневековых хроник и собственную фантазию[26], либо описывает расселение славянских племен на основании выборочного использования известий *Повести временных лет*[27]. С исторической этнографией Руси у Длугоша тесно связано географическое описание русских земель, а также его рассказ о происхождении русской государственности. Причем здесь интересны не только интерпретации фактов русской истории, но и тот контекст, в котором они излагаются. В частности, рассуждая о географическом положении русских земель,

---

[26] О происхождении славянских народов от так называемых братьев-«прародителей» писали главным образом чешские и польские хронисты XII XIV вв. Наибольшую известность приобрели «национальные» версии славянской эпонимической легенды чешского историка XIV в. Пшибика Пулкавы и анонимного автора Великопольской хроники. Подробнее об этом см.: *Карнаухов Д В* Легенда о славянских прародителях как фактор этнокультурной самоидентификации чешского и польского народов // Восточная Европа. концерт культур. СПб., 2004. С. 48–56.

[27] Из ПВЛ Длугош знает о полянах, радимичах, вятичах, дулебах, волынянах. См. Historia Polonica... P. 47 ; ПСРЛ [Полное собрание русских летописей] Л., 1926. Т. 1. Стб. 12–13.

Длугош исходит из актуальных для него политических реалий, описывая те земли, которые в его время находились в составе Польши и Литвы, нередко присваивает географическим понятиям и историческим феноменам не свойственные им в описываемую эпоху характеристики: например, маркирует посредством определения «польский» не только реки, озера, горы русских земель, но также города и некоторых князей Руси[28].

Большую часть материала хроники Длугош излагает в хронологическом порядке и разделяет на книги, посвященные эпохе правления нескольких польских монархов, «погодные» статьи и ненумерованные главы, каждая из которых имеет уникальный развернутый заголовок-аннотацию, отражающий ее содержание. «Русским» известиям Длугош, как правило, посвящает самостоятельные главы, однако включает их в состав «погодных» статей, ориентированных на описание польской истории. Эта особенность изложения нередко приводит к путанице в датировке, которая в большинстве случаев не соответствует хронологии *Повести временных лет* и других русских летописных памятников.

2-я книга хроники, посвященная эпохе правления польских монархов Мечислава I, Болеслава I и Мечислава II (период с 965 по 1038 г.), содержит рассказы Длугоша о внутренней и внешней политике русских князей Святослава[29], Владимира[30] и Ярослава[31], а также описание крещения Руси[32], междоусобных войн Святославичей[33] и наследников Владимира[34]. Особое внимание польский историк уделяет польско-русским отношениям первой четверти XI в., а именно русским походам Болеслава I. Длугош путается в хронологии и сообщает о двух экспедициях польского короля на Русь: первая из них описана под 1008–1009 гг.[35], вторая – под 1018–1019 гг.[36] Это разделение некорректно, не только потому, что польские и русские источники Длугоша упоминали лишь об одном походе Болеслава I, но и в связи с тем, что первый поход польского короля историк относит к эпохе правления Владимира

[28] Historia Polonica... P. 20, 40.
[29] Ibid. P. 96–97.
[30] Ibid. P. 104, 117–118, 128.
[31] Ibid. P. 149–150, 152.
[32] Ibid. P. 104–108.
[33] Ibid. P. 99.
[34] Ibid. P. 136–138, 149.
[35] Ibid. P. 142–148.
[36] Ibid. P. 156–158.

(согласно хронологии *Повести временных лет*, Владимир умер в 1015 г.[37]) и одновременно рассматривает эту акцию в контексте междоусобной войны его наследников. Описание войн Болеслава I с Русью Длугош представляет по польским и русским источникам, а также, по мнению ряда исследователей, он мог воспользоваться хроникой современника описываемых событий мерзебургского епископа Титмара[38]. Вместе с тем, с заимствованными из источников фактами польский историк распоряжается очень вольно, его рассказ в значительной степени «беллетризирован» за счет добавления вымышленных деталей и патетических сентенций, призванных подчеркнуть доблести Болеслава как завоевателя Руси. Также во 2-й книге хроники Длугоша мы находим несколько кратких сообщений о войнах киевского князя Ярослава – «монарха всей Руси» с печенегами и его инициативах в области градостроительства[39].

В **3-й книге**, которая охватывает период с 1039 по 1081 г., описаны преимущественно деяния королей Казимира I и Болеслава II. Внимание польского историка здесь привлекают два династических брака, породнивших княжеские дома Руси и Польши. Первый брачный союз, упомянутый Длугошем, – женитьба Казимира I на русской княжне Марии. Длугош приводит датировку этого события, не совпадающую с данными русской летописи[40], а также путается с происхождением невесты польского короля, называя ее то дочерью, то сестрой Ярослава[41]. Эта неопределенность объясняется разночтениями в источниках Длугоша: русский летописец называет Марию сестрой Ярослава[42], Галл Аноним упоминает о том, что польский король принял из Руси супругу из знатного рода с большим приданым (de Rusia nobilem cum magnis divitiis uxorem accepit)[43], но не указывает ни имени, ни происхождения

---

[37] ПСРЛ. Т. 1... Стб. 130.

[38] См., например: *Semkowicz A* Krytyczny rozbiór... S. 97 ; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв.: текст, пер., коммент. М., 1993. С. 136–137.

[39] Historia Polonica... P. 175–176.

[40] О женитьбе Казимира I на Марии польский историк сообщает под 1041 г., тогда как русский летописец упоминает о браке сестры Ярослава, которая не названа по имени, под 1043 г. (ПСРЛ. Т. 1... Стб. 154–155).

[41] Historia Polonica... P. 201.

[42] ПСРЛ. Т. 1... Стб. 154.

[43] Galli Anonymi Cronica et Gesta Ducum sive Pricnipum Polonorum Monumenta Polonica Historica. N.S. Cracoviae, 1952. T. 2. P. 44.

невесты Казимира, а в Великопольской хронике мы находим свидетельство о том, что она была дочерью русского князя Романа (имя явно указано по ошибке)[44]. Сообщение Длугоша о втором польско-русском династическом браке – женитьбе Болеслава II на дочери не названного по имени князя Руси Вышеславе, «единственной дочери своего отца, которой принадлежала по отцовскому наследству большая часть Руси»[45] – не подтверждается ни русскими, ни польскими источниками, что дало основание некоторым исследователям признать эту реляцию «тенденциозным вымыслом» Длугоша, соответствующим «магистральной идее хрониста о наследственной принадлежности части Руси польским князьям»[46].

Положение дел на Руси в 3-й книге представлено очень фрагментарно. Длугош упоминает о смерти Ярослава и разделе княжества между его сыновьями под 1051/2 г.[47], в целом следуя русской летописи, допуская неточность лишь упоминая о дате смерти русского князя, а также сообщает здесь о первых столкновениях русских с половцами[48] и войне Ярославичей против полоцкого князя Всеслава[49].

Наиболее содержательным среди «русских» известий 3-й книги хроники Длугоша является пространное описание завоевательных походов Болеслава II на Русь. Здесь польский историк, следуя сюжетной канве своего русского источника[50], сочиняет занимательный рассказ, который по структуре и стилю близок описанию русской войны Болеслава I. Длугош включает в повествование вымышленные реляции о моральном разложении польской армии во время пребывания в Киеве,

---

[44] В Великопольской хронике сказано буквально следующее: «[Kazimirus] duxit uxorem, filiam Romani principis Russiae, filii Odonis, nomine Dobronegam alias dictam Maria» (см : Chronica Poloniae Majoris // Monumenta Polonica Historica. N S. Warszawa, 1970. T. 8. P. 19).

[45] Historia Polonica... P. 238–239.

[46] *Щавелева Н. И* Древняя Русь... С. 393.

[47] В разных списках хроники это событие датировано по-разному: в списке, который был положен в основу добромильской редакции, это событие помещено в составе «погодной» статьи 1052 г. (Historia Polonica... P. 219), тогда как в списке, на основе которого осуществлены публикации хроники в XIX и XX вв. – в составе статьи 1051 г. (см.: Joannis Długossii seu Longini canonici Cracoviensi Historiae Polonicae // Opera omnia. Cracoviae, 1873. T. 10. P. 63–64).

[48] Historia Polonica... P. 227–229.

[49] Ibid. P. 234.

[50] ПСРЛ. Т. 1... Стб. 173–174 ; Historia Polonica... P. 242–243.

а также распространяет эти негативные характеристики на самого польского монарха[51]. В посвященных русской войне Болеслава II фрагментах хроники историк безо всяких оснований «конкретизирует» и произвольно дополняет весьма скупые реляции хрониста Великой Польши о боевых действиях на Руси в это время[52], в частности, сообщает о завоевании Болеславом II Перемышля, а также о захвате Холмской и Волынской земель (эти события датированы Длугошем 1071 и 1073 гг. соответственно). Отметим, что русские источники вообще не упоминают о каких бы то ни было военных успехах поляков в это время, тем более о захвате крупных крепостей.

4-я книга хроники посвящена описанию периода с 1082 по 1139 г. Упоминания о положении на Руси в этом разделе сочинения Длугоша, как правило, связаны либо с междоусобицами русских князей, либо с русско-половецкими войнами. Нередко эти сюжеты объединяются, так как половцы характеризуются как активные участники княжеских распрей на Руси. В этих фрагментах Длугош всецело ориентируется на свидетельства русских летописей.

Русско-польские отношения описываются здесь уже не столь подробно и пристрастно, как в предыдущих книгах, во многом потому, что с наступлением удельной раздробленности политический вес как польского, так и русского государств значительно снижается. Мы находим здесь лишь сравнительно краткие рассказы о бунтах и заговорах русских князей, призванные подчеркнуть их зависимость от Польши[53],

---

[51] Historia Polonica... P. 256. Н. И. Щавелева высказала предположение, что присвоение Длугошем негативных характеристик Болеславу II в рассказе о его пребывании в Киеве могло быть продиктовано их функциональностью для объяснения причин дальнейших жестоких расправ этого короля над польской аристократией и отдельными представителями польского духовенства. См.: *Щавелева Н. И.* Древняя Русь... С. 397–398.

[52] Отметим, что Галл Аноним вовсе не упоминает об этих завоеваниях и ограничивается свидетельством о «договоре» Болеслава II с русским князем и взятии им Киева, а Великопольская хроника (Chronica... P. 20) содержит крайне неопределенное указание на то, что Болеслав после захвата Киева предпринял завоевание «других земель Руси» (ad alios fines Russie), которое продолжалось «в течение многих лет» (per plures annos), сопровождалось осадои неназванных русских крепостей и завершилось глубоким проникновением его власти «в обе части Руси» (ac imperiose utriusque Russie partibus peragratis).

[53] Длугош сообщает об антипольских мятежах на Руси под 1090 и 1134 гг. В обоих случаях речь идет о вымышленных событиях (см.: Historia Polonica... P. 387, 394).

а также о военных конфликтах местного значения, инициировавшихся далеко не самыми влиятельными русскими князьями[54]. Длугош также упоминает и о проявлениях добрососедства: помощи русских отрядов полякам в войнах против третьих стран и заключении нескольких брачных союзов польских монархов с дочерьми русских князей. Однако в целом в своих реляциях польский историк стремится всячески акцентировать политический хаос на Руси и враждебность взаимных отношений русских князей, позволявшие ему объяснить их стремление обращаться к Польше в поисках покровительства и защиты. Эти же тенденции освещения истории Руси и русско-польских отношений характерны и для **5-й книги** хроники, которая охватывает период с 1140 по 1173 г.

В **6-й книге** сочинения Длугоша (описан период с 1174 по 1240 г.) исторический образ Руси постепенно приобретает новые черты. Здесь мы находим лишь единичные реляции о событиях общерусского значения в тенденциях их освещения, наметившихся в 4 и 5-й книгах. Неизменно устойчивым остается лишь интерес польского историка к русско-половецким взаимоотношениям: Длугош по русским источникам описывает конфликты Руси и половцев, а также их совместные акции, направленные против третьих стран, в том числе сообщает об участии половцев на стороне русских в войнах с Польшей и Венгрией[55], а также под 1212 г. подробно рассказывает о разгроме русско-половецкого войска татарами на реке Калке[56]. Под 1228 и 1229 гг., как бы мимоходом, не акцентируя внимания на описываемых событиях отдельным заголовком-аннотацией, Длугош кратко упоминает о жестоком разорении рязанской, суздальской, смоленской и черниговской земель огромным татарским войском[57]. В этих фрагментах польский историк воспроизводит реляции русских летописей, относящиеся к более позднему периоду – концу 30-х гг. XIII в., к тому же значительно сокращает свидетельства своих источников, а некоторые события, относящиеся к более поздней эпохе, напротив, включает в свой рассказ[58].

---

[54] Сделан акцент на противостоянии перемышльского князя Володаря с Польшей (Ibid. P. 336–337, 381–382, 385).

[55] Ibid. P. 541–544.

[56] Ibid. P. 547–548.

[57] Ibid. P. 574, 576.

[58] Например, проигнорировано свидетельство летописей о падении Киева и сообщается о захвате татарами Смоленска, которое произошло значительно позже. Подробнее об этом см.: *Лимонов Ю А* Культурные связи... С. 84–86.

В известиях, посвященных русско-польским отношениям, Длугош уделяет преимущественное внимание Галицкому и Владимирскому княжествам. В его рассказах доминирующей становится тема военно-политической поддержки отдельных русских князей, боровшихся за власть в Галиче и Владимире, польскими монархами Казимиром II и Лешеком Белым. Именно в таком свете в хронике представлены фигуры Мстислава, Владимира и Романа. Ключевым «русским» фрагментом 6-й книги становится рассказ о политическом возвышении галицкого князя Романа, а его кульминацией – описание войны русских с Польшей, завершившейся разгромом их армии и гибелью Романа в битве под Завихостом[59]. Этот рассказ, идеологическое значение которого для выстраивания концепции польско-русских отношений Длугоша трудно переоценить, хотя и был основан на фактах, тем не менее, подвергся, по выражению Н. И. Щавелевой, «пространной амплификации», вместившей в себя сообщения не только всех доступных ему польских источников, но и русских летописей, а также дополнен вымышленными деталями, позволившими демонизировать Романа, превратить его в эпического героя, что в конечном итоге было направлено на усиление идеологического эффекта проводимой им политики, ее оценки в качестве величайшей угрозы независимости Польши за всю историю двусторонних польско-русских отношений[60]. Длугош также подробно рассказывает о произошедшей после смерти Романа Галицкой войне с участием объединенной русской армии, союзных ей половцев, Польши и Венгрии[61].

В **7-й книге** хроники (1241–1294 гг.) в центре внимания ее автора оказывается фигура «русского и киевского князя Даниила» (Ruthenorum et Kyoviensis princeps Daniel). Длугош обращается к освещению его деяний в трех фрагментах. Под 1244 г. сообщает о захвате Люблина[62], под 1246 г. – о даровании Даниилу королевского титула[63] и под 1266 г. кратко подводит итоги его правления[64].

---

[59] Historia Polonica... P. 532–535.

[60] *Щавелева Н. И.* Князь Роман Галицкий в культурно-исторической традиции Польши и России // Культурные связи России и Польши XI XX вв. М., 1998. С. 32.

[61] Historia Polonica... P. 541–544.

[62] Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. T. 4. Varsaviae, 1975. P. 47.

[63] Ibid. P. 57–58.

[64] Ibid. P. 143–145.

По мнению Ю. А. Лимонова, эти сообщения Длугоша представляют собой смесь заимствований из русских источников (исследователь полагает, что речь идет о памятнике, близком к Ипатьевской летописи), в которые «вмонтированы» без какой-либо обработки источники иностранного происхождения[65]. Наименее очевидно происхождение реляции Длугоша о захвате Даниилом Люблина. Поскольку эти события вовсе не упоминаются в Великопольской хронике, А. Семкович высказал предположение о том, что авторы польских анналов могли перепутать русских с пруссами из-за сходства написания имен этих народов в латинских анналах (Prutheni – Rutheni), подкрепив свою гипотезу указанием на то, что в польских источниках содержится немало свидетельств о прусских нападениях на люблинскую землю в этот период. Русским источником этого рассказа Длугоша А. Семкович считает «волынскую хронику», упоминавшую, по его словам, о походе Даниила на люблинскую землю, но не содержавшую сообщений о строительстве русским князем в люблинском замке круглой башни (turris rotunda), о чем свидетельствует Длугош[66].

Что касается фрагментов хроники, посвященных коронации Даниила и последующим его взаимоотношениям с Польшей, а также оценкам этих событий польским католическим духовенством, то содержавшиеся в них рассказы Длугоша мы определенно можем отнести к разряду амплификаций. Хотя сам факт получения королевского титула русским князем от папского легата не вызывает сомнений, отмечаемая большинством исследователей вопроса «скудость» источников, способных как-то конкретизировать интересующие нас события[67], открывает польскому историку широкое поле для спекуляций. Прежде всего, Длугош «дарит» Даниилу лишних семь-восемь лет правления в статусе короля, так как наиболее вероятной датой его коронации исследователи склонны считать 1253 или 1254 г.[68] Польский историк в этих фрагментах уделяет повышенное внимание позиции польских католических иерархов, стремившихся убедить папского легата отказать Даниилу в королевском титуле. Наконец, подводя итоги, в доказательство правоты

[65] *Лимонов Ю. А.* Культурные связи... С. 86.

[66] *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór... S. 263.

[67] К примеру, никаких сведений о коронации Даниила не дает Великопольская хроника, в которой этот монарх изначально характеризуется как «король Руси» (Daniel rex Russie), тогда как его отец Роман и сын Лев названы князьями (Chronica... P. 116–117).

[68] *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór... S. 266.

сторонников этого подхода, автор хроники приводит подлинный текст буллы папы Александра IV, осуждающий русского монарха за нарушение данных при коронации обязательств.

Из других русских князей этого времени «персональной» характеристики Длугошем были также удостоены «князь Руси племянник короля (так!) Руси Даниила от сестры Свамир или Сварро» (Dux... Russie Swamirus sive Swarro, nepos ex sorore Danielis regis Russie)[69] и его сын Лев (Leo)[70]. Оба представлены как активные участники набегов на польские земли, осуществлявшихся совместно с литовцами и татарами. Польский историк даже сравнивает Шварно с Романом в целях актуализации представлений об угрозе с востока[71]. В основе реляций Длугоша лежат свидетельства Великопольской хроники, доведенной до 1273 г.[72], а также анналов краковского капитула и рочника Траского.

Тогда как **8-я книга** вовсе не содержит «русских» известий, из **9-й книги** сочинения Длугоша (1300–1370 гг.) мы узнаем об окончательном подчинении Руси власти польских монархов. Под 1302 г. сообщается о возвращении в состав Польши некогда завоеванной русскими Люблинской земли[73], а под 1340 г. помещено пространное описание присоединения королем Казимиром «почти всей Руси»[74]. Источником Длугоша в данном случае является рочник Траски[75], сведения которого дополняются свидетельствами хроники Янка из Чарнкова[76]. Впрочем, в целом ориентируясь на факты, изложенные в этих сочинениях, польский историк добавляет некоторые детали от себя, в частности вносит изменения в описание захвата львовского замка, дополняет его упоминанием о сохранении восточного обряда как о главном условии

---

[69] Ioannis Dlugossii Annales... P. 135. Длугош ошибочно называет сына Даниила, дрогичинского князя Шварно (в тексте хроники имеются разночтения в написании его имени – встречаются варианты Swarro и Swarno), его племянником.

[70] Ibid. P. 210–211.

[71] Ibid. P. 146.

[72] Chronica... P. 120–121 ; Rocznik kapitulny krakowski // Monumenta Polonica Historica. Pomniki dziejowe Polski. Lwów, 1871. T. 2. P. 808 ; Rocznik Traski // Ibid. P. 840.

[73] Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. T. 5 Varsaviae, 1978. P. 19–20.

[74] Ibid. P. 215–216.

[75] Rocznik Traski... P. 860–861.

[76] *Joannis de Czarnkow* Chronicon Polonorum // Monumenta Polonica Historica. Pomniki dziejowe Polski. Lwow, 1871. T. 2. P. 620–622, 626–630.

сдачи города полякам. Длугош перечисляет захваченные земли и замки, хотя его источники не дают настолько конкретных сведений. Не удерживается историк и от идеологических обобщений, нашедших отражение в его реляциях о необратимости территориального расширения польского королевства, рассчитанных, скорее, на его современников.

Вышеупомянутые свидетельства Длугош дополняет рассказами о сопротивлении русских власти поляков («бунт» Дятько)[77], их совместных действиях с татарами против Польши, а также о длительной борьбе польского короля с Литвой за спорные территории (брестскую, хелмскую, бельзскую и луцкую земли), которая, согласно реляциям Длугоша, шла с переменным успехом, растянулась на пятнадцать лет (два содержательных рассказа о ней помещены под 1351 и 1366 гг.) и в конечном итоге завершилась в пользу Казимира[78].

В **10-й книге** хроники (1370–1409 гг.) Длугош сообщает об окончательном формировании польской системы господства над русскими землями и для него здесь ключевыми становятся вопросы коррекции отношений Польского королевства по «русскому вопросу» с Венгрией и Литвой.

Историю борьбы за русские земли Польши и Венгрии польский историк описывает в двух фрагментах. Под 1377 г. в хронике сообщается о разделении русских земель и замков между венграми королем Польши и Венгрии Людовиком, намеревавшимся включить их в Венгерское королевство[79]. Под 1390 г. упоминается об изгнании венгров из русских замков и их возвращении в состав Польши в результате военной акции, которую организовала и возглавила королева Ядвига[80].

Отношения с Литвой в вопросах раздела сфер влияния на Руси описываются Длугошем в тесной взаимосвязи с реализацией планов заключения польско-литовской династической унии. Упоминая об условиях этого соглашения, автор хроники делает акцент на объединении с Польским королевством русских земель, находившихся под властью литовских князей. В частности, «Руссия» наряду с Литвой и Самогиттией упоминается как территория, которая «по праву наследственного титула» Владиславом Ягеллоном была «навечно приписана Польскому

---

[77] Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. T. 5... P. 233–234.

[78] Ibid. P. 261–262, 331–332.

[79] Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. T. 6. Varsaviae, 1985. P. 58–59.

[80] Ibid. P. 182.

королевству» (terrasque Lithwanie, Samagittie et Russie... Regno Polonie perpetuo inscripsit)[81]. В разделе, посвященном заключению унии между Польшей и Литвой, Длугош также дает подробную историческую справку о происхождении литовского народа и эволюции его государственности, в составе которой мы находим также и реляции, касающиеся характера взаимоотношений Литвы и Руси[82].

В последующих разделах хроники русские земли рассматриваются как неотъемлемая часть Польши и Литвы, а населяющие их православные восточные славяне (Rutheni) в качестве подданных этих двух союзных государств. Кроме того, Длугош регулярно упоминает о русских либо как об участниках антипольских восстаний, либо как о союзниках, принимавших участие в войнах на стороне польско-литовского союза.

Под 1406 и 1408 гг. в хронике впервые упоминается «московская земля» (terra Mosquitarum), а также московский князь Василий (Basilius dux Mosquiensis), в связи с двумя военными походами, предпринятыми против него литовским князем Александром Витовтом (Alexander Withaudus). Поход 1406 г. описан Длугошем очень лаконично[83]. Его историчность подтверждается польскими источниками, а также источниками ордена крестоносцев[84]. Реляция хрониста о повторной экспедиции литовского князя более пространна[85], содержит «персональную» характеристику московского государя, указание на его родство с литовским князем (через брак с дочерью Витовта, которая Длугошем ошибочно названа Анастасией[86]), описание его земли, оценки состояния военного дела в Московском государстве. Польский хронист подробно описывает ход военных действий, акцентирует внимание на измене князя Свидригайло, перешедшего на сторону московского князя, однако вновь ошибается, неверно указывая район действия литовской армии (упоминается Ока вместо Угры). Источником сведений Длугоша

---

[81] Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. T. 6... P. 154–155.

[82] Ibid. P. 165.

[83] Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. T. 7. Varsaviae, 1997. P. 14.

[84] Rozbiór krytyczny «Annalium Poloniae» Jana Długosza z lat 1385 1444. T. 1 / oprac. St. Gawęda, K. Pieradzka, J. Radziszewska, K. Stachowska, pod kier. J. Dąbrowskiego. – Wrocław [etc.], 1961. S. 75.

[85] Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. T. 7... P. 19–21.

[86] Василий I был женат на дочери Витовта Зофье. Брак был заключен в 1391 г., о чем подробно информирует летописец Быховца (ПСРЛ. Т. 17. СПб., 1907. Стб. 450–451). Ошибка Длугоша, по всей видимости, вызвана знакомством с этой реляцией через посредничество какого-то иного источника.

в данном случае, по всей видимости, также были источники ордена крестоносцев, вероятнее всего переписка Великого магистра ордена с литовским князем[87].

По этим двум фрагментам становится очевидным строгое разграничение в хронике Длугоша «русской» и «московской» проблематики, поскольку историк никак не ассоциирует владения московского князя с Русью.

11-я книга (1410–1434 гг.) содержит два «русских» фрагмента: под 1426 г. Длугош помещает подробное описание похода Витовта на Псков[88], а под 1428 г. – рассказ об «укрощении» новгородцев[89]. Оба рассказа позволяют получить представление о внешнеполитических устремлениях литовского князя, в том числе о его взаимоотношениях с соседями Литвы. Длугош скептически относится к псковичам и новгородцам (их характеристики преимущественно негативны), тогда как весьма скромные успехи литовцев в походах против Пскова и Новгорода польский историк скорее склонен относить на счет неблагоприятных природных условий и погоды, нежели объяснить их способностью противника оказать достойное сопротивление. В рассказах Длугоша очень много ярких деталей; повышенное внимание уделяется фигуре литовского князя, который, несмотря на продемонстрированную активность и воинственность, осуждается автором хроники за непоследовательность в принятии внешнеполитических решений. Наконец, согласно реляциям Длугоша в упомянутых фрагментах, русские (Rutheni) принимают участие в войне, как на стороне Литвы, так и на стороне Пскова и Новгорода. Длугош даже специально обращает на это внимание, упоминая о просьбе находившихся в составе литовского войска русских, обращенной к Витовту, отказаться от воинственных намерений в отношении родственных им по вере, обычаю и языку новгородцев (те же реляции мы встречаем и в отношении псковитян).

Ценность свидетельств Длугоша о походах литовской армии на Псков и Новгород состоит, прежде всего, в том, что информацию об этих событиях историк, по всей видимости, получил непосредственно от самих участников экспедиций Витовта[90]. Реляции автора хроники

---

[87] Rozbiór krytyczny «Annalium Poloniae» Jana Długosza z lat 1385–1444... S. 77.

[88] Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. T. 8. Varsaviae, 2000. P. 219–220.

[89] Ibid. P. 243–246.

[90] Rozbior krytyczny «Annalium Poloniae» Jana Długosza z lat 1385–1444... S 235.

не лишены ошибок. Польский исследователь А. Кияс, сопоставивший свидетельства Длугоша с новгородскими источниками, обратил внимание на неверность сообщения хрониста об осаде крепости Опочка (Opроczka), указав, что она в то время входила в состав Псковской земли и на самом деле была осаждена войсками Витовта двумя годами раньше во время похода его армии на Псков в 1426 г.[91]

Заключительная **12-я книга** хроники (1435–1480 гг.) содержит лишь один фрагмент, посвященный событиям, связанным с политическим возвышением Москвы. Под 1479 г. описаны важнейшие деяния московского князя Ивана: свержение татарского ига и подчинение Новгорода[92].

Длугош не просто констатирует факт освобождения Москвы от власти татар, но и приводит доказательства унизительности такой зависимости посредством описания ритуала приема в Москве татарских послов, сведения о котором он мог получить от очевидцев[93]. Польский историк позитивно оценивает свержение татарского ига, демонстрируя солидарность с московским государем, акцентирует дружественность его народа христианскому миру, тем самым противопоставляя всех христиан татарским «варварам»[94]. Такую трактовку событий польские комментаторы хроники Длугоша характеризуют как «наивную», обращая внимание на то обстоятельство, что в реальности отношения между отдельными татарскими государями и Москвой в описываемую эпоху были близки к союзническим и нередко обращались против Польши и Литвы[95].

Описание подчинения Новгорода Москве в хронике Длугоша представляет собой смесь достоверных сведений об этом событии с «фантазией и предрассудками, повторяемыми без какого бы то ни было критического отношения»[96]. Польский хронист помещает сообщение о присоединении Новгорода к владениям московского государя под 1479 г., но описывает события более раннего времени, произошедшие

---

[91] *Kijas A.* Nowogród Wielki w Rocznikach Jana Długosza // Europa Orientalis: Polska i jej wschodni sąsiedzi od średniowiecza po współczesność. Toruń, 1996. S. 32.

[92] Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. T. 11. Cracoviae, 2005. P. 442–443.

[93] Rozbiór krytyczny «Annalium Poloniae» Jana Długosza z lat 1445 1480 T. 2 / oprac. St. Gawęda, K. Pieradzka, J. Radziszewska pod kier. J. Dąbrowskiego. Wrocław [etc.], 1965. S. 391.

[94] Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. T. 11... P. 442.

[95] Rozbiór krytyczny «Annalium Poloniae» Jana Długosza z lat 1445 1480. . S. 391–392.

[96] Ibid. S. 392.

в период с 1471 по 1477 г. Историк делает упор на богатстве новгородской земли и пренебрежении отношениями с ней литовских и польских государей, трактуя новгородские события как захват Москвой территории по праву принадлежавшей Литве и платившей дань литовскому князю[97]. Длугош акцентирует жестокость репрессий, примененных московским государем в отношении непокорных новгородцев, прежде всего купечества, а также масштабы вывезенных из города богатств[98]. В заключение польский историк дает собственную политическую оценку новгородским событиям (она излагается от имени польского короля Казимира), которая содержит рекомендации литовским князьям воздержаться от попытки путем войны с чрезмерно усилившимся московским государем вернуть потерянные территории, а также указание на «ненадежность» русских подданных Литвы, объясняемую Длугошем различиями в вероисповедании с поляками и литовцами[99].

Таков вклад Длугоша в формирование исторического образа славянского востока. Не только для современников, но и для последующих поколений польских историков его сочинение становится универсальным справочником – без его использования было немыслимо занятие историографической деятельностью, тогда как представленная на его страницах интерпретация русской истории для польской традиции исторических представлений следующего XVI в. становится своеобразной отправной точкой для последующего осмысления прошлого русских земель.

Хроника Длугоша как феномен исторической мысли Польши вызывала интерес у ученых, представлявших различные отрасли гуманитарного знания[100] и, в зависимости от методологических приоритетов того или иного исследователя, оценивалась по-разному.

Мнения о достоинствах и недостатках историографического подхода Длугоша высказывали как его последователи – польские историки XVI и XVII вв. Мартин Кромер, Станислав Сарницкий, Симон Старовольский, так и представители критической историографии нового

---

[97] В данном случае Длугош использует для характеристики действий московского государя латинские глаголы *offendo* («напасть») и *redigo* («вернуть») (...offendisset, protinus illam in ditionem suam redegit).

[98] Данные Длугоша со свидетельствами других источников сопоставил А. Кияс. См.: *Kijas A.* Nowogród Wielki w Rocznikach Jana Długosza... S. 33.

[99] Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. T. 11... P. 443.

[100] О масштабах этого интереса можно получить представление обратившись к новейшей библиографии «длугошианы», составленной Т. Витчаком: *Witczak T.* Długosz Jan // Dawni pisarze polscy: Od początków piśmiennictwa do Młodej Polski przewodnik biograficzny i bibliograficzny. Warszawa, 2000. T. 1. S. 230–233.

и новейшего времени – биографы Длугоша[101], а также историки литературы и историографы[102].

Оценки вклада Длугоша в развитие польской историографии в целом позитивны. Учеными разных эпох этот автор характеризовался как наиболее выдающийся польский историк средневековья (А. Ф. Грабский), его важнейшим достижением признавалось создание «национального исторического синтеза», заменившего устаревшую концепцию Винцентия Кадлубка (Х. Барыч). Написанная Длугошем хроника удостаивалась весьма лестных эпитетов «самого зрелого плода польской литературы XV в.» (М. Плежя), «жемчужины исторической литературы», «живого свидетельства великолепнейшей эпохи политического и интеллектуального развития польского народа» (А. Семкович). По мнению Я. Домбровского, во времена Длугоша во всей Европе не было историка, способного с ним сравниться, а тем более превзойти, поскольку этот автор «определенно возвышался над поверхностными, стремящимися лишь к признанию, а не к правде, историографами гуманистического покроя»[103].

Главным преимуществом труда Длугоша исследователями признавалась его внутренняя эвристическая ценность, в том числе «содержательная полнота», масштабность охвата исторического материала, а также широкая эрудиция автора. Вместе с тем, представителями критической историографии некоторые особенности подхода Длугоша к описанию истории трактовались как недостатки. В частности, к числу изъянов историографического метода Длугоша чаще всего было принято относить произвольность в трактовке исторических событий, «избрание

---

[101] *Bobrzyński M., Smolka S.* Jan Długosz. Jego życie i stanowisko w pismiennictwie. Kraków, 1893 ; *Mrukówna J.* Jan Długosz. Życie i twórczość. Kraków, 1972 ; *Plezia M.* Jan Długosz // Pisarze staropolscy. Warszawa, 1991. T. 1. S. 132–173 ; *Grzybowski S.* Jan Długosz. Kraków, 2003.

[102] *Braun D.* De scriptorum Poloniae et Prussiae <...>. – Colonia, 1723. P. 18–23 ; *Gołębiowski Ł.* O dziejopisach polskich, ich duchu, zaletach i wadach. Warszawa, 1826. S. 82–90 ; *Zeissberg H.* Dziejopisarstwo polskie wieków średnich / przekład z niemieckiego. T. 1. Warszawa, 1877 ; *Tymieniecki K.* Zarys z dziejow historiografii polskiej. Kraków, 1948. S. 20–23 ; *Dąbrowski J.* Dawne dziejopisarstwo polskie. Wrocław, 1964. S. 185–240 ; *Barycz H.* Szlakami dziejopisarstwa staropolskiego: studia nad historiografią w. XVI–XVIII. Wrocław [etc.], 1981. S. 73–77 ; *Borkowska U.* Historiograficzne poglądy Jana Długosza // Długossiana: Studia historyczne w pięćsetlecie śmierci Jana Długosza. Warszawa, Kraków, 1985 ; *Grabski A. F.* Zarys historii historiografii polskiej. Poznań, 2000. S. 25–26.

[103] *Dąbrowski J.* Dawne dziejopisarstwo polskie... S. 239.

некритических средств для примирения противоречий», пристрастность в оценках, обусловленную политическими предпочтениями – приверженностью католической идеологии и полоноцентризму, небрежность в датах и именах. Немало претензий было высказано в отношении стиля изложения исторического материала. По мнению Л. Голембиовского, доказательством исторической правды в хронике Длугоша нередко служило «красноречие и стилистическая вычурность», нежели строгие факты[104]. М. Плежя отмечал литературную незрелость этого сочинения, охарактеризовав его как «оконченный, но не доведенный до совершенства труд» (dzieło zakończone, ale nie wykończone)[105]. Особенно негативно этот исследователь оценивал амплификации Длугоша, которые считал проявлением «ложного прагматизма», упрекая автора хроники в стремлении с их помощью спроецировать на прошлое модели политических и культурных отношений, характерные для современной ему эпохи[106].

Более всего интересующий нас вопрос специфики освещения Длугошем «чужой истории» привлек внимание исследователей его историографического наследия относительно недавно. Польский исследователь С. Солицкий, обратившийся к разработке данной темы, сетовал на то, что большинство исследователей историографического наследия Длугоша ограничивались упоминанием о наличии в его сочинении сведений по истории других стран, но при этом не интересовались целостной и синтетической трактовкой проблем истории соседей Польши в труде Длугоша, не предпринимали попыток глубокого изучения вопросов «хронологических и территориальных рамок его интереса к зарубежной истории, а также проблематики детального определения влияния специфики источников на исторический образ других стран»[107]. Стремясь отчасти восполнить этот пробел, С. Солицкий обращает внимание на причины обращения Длугоша к освещению зарубежной истории, в числе которых выделяет факт наличия в распоряжении историка источников по истории соседей Польши, а также желание «лучше понять и открыть множество подробностей истории Польши именно в сфере отношений с сопредельными странами». Именно этот подход, по мнению С. Солицкого, выделял Длугоша на фоне его предшественников, в работах

[104] *Gołębiowski Ł.* O dziejopisach polskich... S. 89.

[105] *Plezia M.* Jan Długosz... S. 158.

[106] Ibid. S. 162.

[107] *Solicki S.* Metoda pracy nad dziejami obcymi w Annales Poloniae Jana Długosza // Studia Źródłoznawcze. 1977. T. 22. S. 107.

которых «данные вопросы были представлены слишком лаконично и неясно, а кроме того, недоставало в них изложения прошлого Польши в контексте центральноевропейской истории»[108].

Проанализировав метод освещения зарубежной истории Длугошем, С. Солицкий приходит к выводу, что сведения иностранных источников, «соответствующим образом переработанные» польским историком, имели выраженную функциональную направленность, поскольку, с одной стороны, они были призваны способствовать нейтрализации нелицеприятных для поляков тенденций трактовки их собственной истории иноземными хронистами, а, с другой стороны, «создавали превосходный фон для обстоятельной презентации богатого прошлого Польши». Таким образом, «окончательной целью» труда Длугоша было создание им «своего собственного, соответствующим образом сориентированного образа зарубежной истории»[109]. Для ее достижения, по мнению С. Солицкого, Длугош не ограничивался прямыми «заимствованиями», но также прибегал к «перекройке» отдельных свидетельств, стилизации, произвольно изменял содержание определенных реляций, а также нередко компенсировал недостаток фактов вымыслом.

«Русские» известия Длугоша привлекали внимание исследователей наряду с реляциями, касающимися истории других народов. Интерес к ним проявляли как отечественные, так и польские ученые. Следует отметить, что реляции Длугоша, касающиеся истории Руси, были известны уже патриархам российской историографии Нового времени – ссылки на его сочинение мы находим в трудах В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина. Однако эти авторы ограничились лишь заимствованиями и не проявили особого интереса к особенностям суждений Длугоша о русской истории.

Целенаправленное изучение представленной на страницах хроники Длугоша концепции истории Руси начинается лишь во второй половине XX в. Говоря о ее значении, ученые, как правило, обращали внимание на то обстоятельство, что во многом благодаря хронике Длугоша, впоследствии пересказанной его последователями Матвеем Меховием и Мартином Кромером, просвещенная Европа получила возможность ознакомиться «с историей, географией, бытом славянских народов, с польским, литовским и русским государствами»[110].

Одно из направлений в разработке данной темы было представлено работами А. Л. Хорошкевич, посвященными проблеме использования

---

[108] Ibidem.

[109] Ibid. S. 108.

[110] *Лимонов Ю. А.* Польский хронист Ян Длугош о России... С. 263.

Длугошем этногеографических и этнополитических терминов *Руссия* и *Московия*. По мнению исследовательницы, их применение, обусловленное специфическим для Польши восприятием этнического определения *ruski* и производного от него этнополитического термина *Russia* в качестве маркеров, обозначающих различные группы восточнославянского населения[111], позволяет проследить эволюцию взглядов Длугоша о месте и значении России в период образования единого Русского государства[112]. В результате проведенной в указанном направлении работы, А. Л. Хорошкевич приходит к несколько спорному, с нашей точки зрения, выводу о «рационализме Длугоша... в политико-этнографических взглядах на Россию», основанном, в свою очередь, на приписываемых ему рационалистических критериях родства восточноевропейских народов[113].

Вопросы складывания историко-культурного стереотипа восприятия русских и политических мотивов его актуализации в сочинении Длугоша были затронуты в исследованиях польских ученых Е. Клочовского[114], С. Гавласа[115] и А. Гейштора[116]. Первые два исследователя обратили внимание на обусловленность негативных представлений поляков о восточных соседях, объясняя эти процессы, прежде всего, культурно-религиозными различиями двух народов и постоянными конфликтами, обострявшими двусторонние польско-русские отношения.

А. Гейштор охарактеризовал представленную на страницах хроники Длугоша концепциюрусской истории как кульминацию «историографической актуализации Руси», обусловленную ее вхождением в состав Ягеллонских государств – Польши и Литвы, рассматривал ее в качестве феномена, порожденного особым политическим и историческим

---

[111] *Хорошкевич А. Л.* Россия и Московия: Из истории политико-географической терминологии // Acta Baltico-Slavica. 1976. Т. 10. S. 51.

[112] *Хорошкевич А. Л.* Термины «Руссия» и «Московия» в 9–13 книгах «Анналов Польши» Яна Длугоша // «Cultus et cognitio»: studia z dziejów średniowiecznej kultury. – Warszawa, 1976. S. 203–204.

[113] Ibid. S. 208.

[114] *Kłoczowski J.* Polacy i cudzoziemcy w XV wieku // Swoiskość i cudzoziemszczyzna w dziejach kultury polskiej. – Warszawa, 1973. S. 57–58.

[115] *Gawlas S.* Świadomość narodowa Jana Długosza // Studia Źródłoznawcze. 1983. T. 27. S. 48.

[116] *Гейштор А.* Образ Руси в средневековой Польше // Культурные связи России и Польши. XI–XX вв. – М., 1998. С. 17–26.

сознанием польских элит[117]. По мнению А. Гейштора, в мышлении и восприятии польского господствующего класса именно Длугошем «определенно создан основной стереотип русского соседа», а также образ Руси, основанный на «видении Польши XV в., помещенный в широкий контекст прошлого и настоящего Центрально-Восточной Европы». В числе основных «порицаемых недостатков» русских, акцентированных Длугошем, А. Гейштор выделяет «схизматическую» религиозную ориентацию, «отделенность от Европы и католической Польши своей верой и обычаем», а также развращенность русского народа, его приверженность «звериным обычаям», «содомскому греху» и т. д. В то же время, по мнению этого автора, Длугош не испытывал к русским «открытой вражды», характерной для его представлений о язычниках. Вместе с тем, А. Гейштор признает также наличие «светлых сторон» в восприятии Руси Длугошем – в частности, характеризует нашедший отражение в хронике стереотип богатства русских земель в качестве важного элемента их исторического образа[118].

Попытка определить место Руси и «русских» в историко-политической концепции Длугоша также была предпринята Б. Н. Флорей, который рассматривал оценки ключевых событий в истории Руси и русско-польских отношений в качестве важной составляющей экспансионистской внешнеполитической программы господствующего класса польского государства. В работах Б. Н. Флори Длугош охарактеризован как «горячий приверженец» такой программы, стремившийся любыми способами подчеркнуть исторические права своей страны на русские земли. На конкретных примерах исследователь доказывает, что именно в труде Длугоша «получила свое завершение и оформление своеобразная имперская идеология, начало которой положил в польской исторической традиции Винцентий Кадлубек»[119]. По мнению Б. Н. Флори, Длугош на страницах своей хроники всеми силами стремился добиться эффекта «тенденциозного преувеличения» польского влияния на Руси путем дополнения известий русских и польских источников с помощью вымышленных рассказов, содержавших аргументы, позволявших «дать историческое обоснование присоединения древнерусских земель к Польскому королевству как акта восстанавливающего

---

[117] *Гейштор А.* Образ Руси в средневековой Польше... С. 19.

[118] Там же. С. 22–23.

[119] *Флоря Б. Н.* Русь и «русские» в историко-политической концепции Яна Длугоша // Славяне и их соседи: этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990. С. 16–17.

древнюю связь между отдельными частями некогда единого народа»[120]. Б. Н. Флоря обратил внимание и на тот факт, что «вымышленные исторические примеры» Длугоша также сыграли огромную роль для усиления этноконфессионального противопоставления русских и поляков[121].

Мнениям А. Гейштора и Б. Н. Флори, пытавшихся раскрыть политические мотивы формирования исторического образа Руси в глазах польских элит через хронику Длугоша, во многом близки выводы белорусской исследовательницы А. Семянчук, которая также обратила внимание на неоднозначное отношение польского хрониста к современным ему политическим процессам в Восточной Европе и, прежде всего, к наметившемуся сближению Польши и Литвы, владевшей большей частью русских земель. А. Семянчук приходит к выводу о том, что Длугош, будучи противником самой идеи приглашения на польский трон литовской династии, выразил на страницах своей хроники через исторические аналогии ключевые тезисы альтернативной внешнеполитической программы, «сконструировал гипотезу объяснения политического союза, заключенного между Польшей и Великим княжеством Литовским». Посредством создания негативного образа восточных соседей Польши в своей хронике Длугош, по мнению А. Семянчук, «экстраполировал свою неприязнь на более поздние времена», всячески старался подчеркнуть «пассивную роль восточных регионов», которые, вслед за Винцентием Кадлубком, рассматривал не в качестве равного партнера в отношениях с Польшей, а как «плацдарм для дальнейшего распространения политического влияния Польского королевства на Восток»[122].

Особенностям формирования и структурным элементам исторического образа Руси в хронике Длугоша уделила внимание в своих работах Н. И. Щавелева, высказавшая мнение, что хотя данный автор и «стремился к максимальной объективности и прилагал усилия к беспристрастной передаче имевшихся у него источников» история русских земель в его сочинении «оценивается с позиции католического каноника XV в., все сочинение которого глубоко пронизано любовью к своему

---

[120] *Флоря Б. Н.* Русь и «русские» в историко-политической концепции Яна Длугоша.. С. 23.

[121] *Флоря Б. Н.* Самосознание польской народности в XV в. // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 63–65.

[122] *Semianczuk A., Semiańczuk H.* Oblicza Wschodu w dziejopisarstwie polskim do konca XVI wieku // Oblicza Wschodu w kulturze polskiej. Poznań, 1999 S. 29.

народу»[123]. Отношение к русским соседям, по мнению Н. И. Щавелевои, Длугош выражает, «может быть, не желая того, в отдельных словах, кратких замечаниях, морализаторских поучениях», которые большей частью призваны акцентировать их негативные качества, что, с ее точки зрения, естественно для «патриотического» подхода к описанию истории. Исследовательница приходит к выводу о том, что «задачей историка было доказать мнимую исконную принадлежность западных русских областей (как, впрочем, и всей Руси) к Польше», чему служили «настойчивые напоминания о том, что земля русских была под властью польских князей», позволявшие объяснить частые русско-польские столкновения. Основой исторической концепции Длугоша Н. И. Щавелева считает убежденность этого историка в том, что на протяжении всей истории двусторонних отношений «русские выходили из повиновения, жаждали свободы, а польские войска были вынуждены восстанавливать *status quo*»[124].

К сожалению, не столь многочисленны исследования, посвященные представлениям Длугоша об отдельных проблемах восточнославянской истории. Отчасти эта проблематика изучена Н. И. Щавелевой в работах по истории русско-польских матримониальных связей[125] и знакомяших с образом Романа Галицкого в пространстве исторической памяти русских и поляков[126]. Следует также отметить работы А. Кияса, посвященные представлениям Длугоша об отдельных регионах Руси – новгородских и московских землях[127].

Несмотря на результативность и немалое количество проведенных исследований, мы также можем указать на значительные пробелы в изучении представлений Яна Длугоша о русской истории. Прежде всего, недостает специального исследования его концепции истории Руси и польско-русских отношений, которая обладала выраженнои функциональностью в сфере идеологии польского государства и оказала огромное влияние, как на сферу практической политики, так и на дальнейшее развитие представлений польских интеллектуалов о славянском востоке. Между тем, значение предложенного Длугошем «шаблона»

---

[123] *Щавелева Н И* Древняя Русь... С. 56.

[124] Там же. С. 61.

[125] *Щавелева Н И* Польки – жены русских князей Древнеишие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1987 год. М., 1989 С. 50–58.

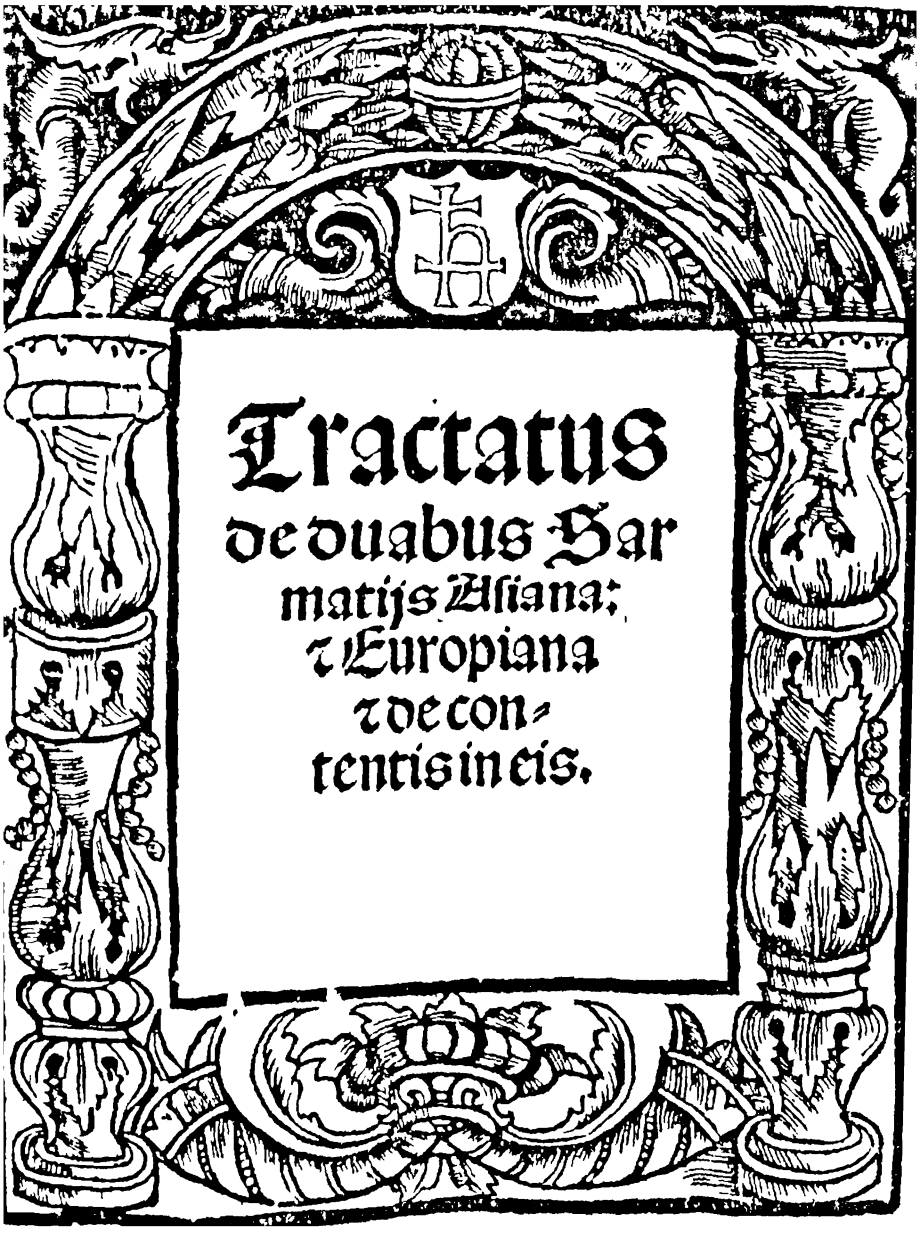
[126] *Щавелева Н И* Князь Роман Галицкии... С. 31 34.

[127] *Kijas A* Nowogrod Wielki w Rocznikach Jana Długosza .. S. 25 34 ; *Kijas A* Moskwa w relacjach polskich XVI i pierwszej połowy XVII wieku Oblicza Wschodu... S. 53–62.

толкования многовековой истории взаимоотношений поляков с их восточными соседями трудно переоценить – его концепция оказалась весьма востребованной не только в период господства «конфронтационной» парадигмы во взаимоотношениях Польши с Русью, но и сохранила свою актуальность в XVI в., а также в последующие эпохи. Именно этой востребованностью мы можем объяснить проявившуюся в дальнейшем стойкую приверженность большинства последователей Длугоша не только представленному в его сочинении фактическому материалу, но и дискриминационным – в отношении восточных славян – идеологическим «клише» и этнополитическим стереотипам, характерным для этого автора.

Глава 2

История Руси в сочинениях Матвея Меховия



Tractatus de duabus Barmatijs Asiana: & Europiana & de contentis in eis.

Ближайшим последователем Яна Длугоша, внесшим значительный вклад в освещение истории Руси, был польский ученый-гуманист Матвей Меховий (Matia de Mechow, Mechovius 1457–1523). Работа над историческими сочинениями была лишь одним из направлений деятельности этого выдающегося интеллектуала, который был известен современникам как автор медицинских трактатов, углубленно занимался географией, астрологией и астрономией, а также преуспел как деятельный администратор – на протяжении многих лет занимая должности вице-канцлера и ректора Краковской академии, значительно улучшил организационную структуру этого старейшего польского университета[1].

Вклад Меховия в развитие историографии состоял в написании двух сочинений – историко-географического *Трактата о двух Сарматиях* (Tractatus de duabus Sarmatiis) и *Польской хроники* (Chronica Polonorum). Обе эти работы, в отличие от хроники Длугоша, были опубликованы еще при жизни их автора, благодаря чему историографические достижения Меховия получили широкую известность не только в Польше, но и в других странах Европы.

Трактат о двух Сарматиях, содержавший ценнейшие сведения об истории, географии и этнографии Восточной Европы, вызвал огромный интерес в интеллектуальных кругах многих стран Европы по ряду причин. С одной стороны, будучи созданным в период исследовательского бума, вызванного Великими географическими открытиями, он позволял еще больше расширить сферу «умопостигаемого» пространства. С другой стороны, этот труд позволял лучше разобраться в природе происходивших на востоке Европы геополитических изменении, связанных с ростом могущества Москвы, а также усилением угрозы со стороны Турецкой империи и союзных ей татарских «орд».

---

[1] Подробнее о биографии Меховия на русском языке см.. *Аннинский С А* Предисловие // *Матвей Меховский* Трактат... С. 1 4

Оригинальный латинский текст *Трактата о двух Сарматиях* регулярно публиковался ведущими европейскими издателями не только в XVI в., но даже в начале XVII столетия[2]. Свидетельством интереса к нему могут служить также многочисленные переводы с латыни на немецкий, польский и итальянский языки[3]. Анализ динамики этих публикаций позволяет выявить ряд закономерностей распространения сочинения Меховия, а также сделать выводы относительно степени его востребованности читающей публикой Европы. В частности, издатели проявляют к этому сочинению повышенный интерес сначала в период с 1517 по 1542 г. (10 переизданий за 25 лет), а затем после 1561 г. В первом случае такую заинтересованность можно объяснить отсутствием других источников сведений о странах Восточной Европы. Второй всплеск популярности трактата, по всей видимости, был обусловлен

[2] В Польше латинская версия *Трактата о двух Сарматиях* была опубликована дважды – в 1517 г. под оригинальным названием и 1521 г. под титулом *Descriptio Sarmatiarum Asianae et Europeanae et eorum que in eis continent* <...> Она публиковалась также в Вене (1519), трижды в Базеле под титулом *De Sarmatia Asiana atque Europea* в составе различных сборников историко-географических сочинений – в 1532, 1537 и 1582 гг. В 1600 г. фрагмент латинского текста трактата Меховия, посвященный Московии, был напечатан во Франкфурте-на-Майне в составе сборника *Rerum Moscoviticarum Auctores varii* <...>

[3] В 1518 г. в Аугсбурге был опубликован перевод трактата Меховия на немецкий язык, сделанный швейцарским гуманистом Валентином Эком, в 1535 г. – польский перевод Анжея Глабра из Кобылина под титулом *Polskie wypisanie dwoiey krainy świata: która po łacinie Sarmatią* <...>. Издание 1535 г. было примечательно тем, что оно стало первой польской книгой исторического содержания, опубликованной на национальном языке. В разъяснениях содержалось указание на то, что в публикации изложено кое-что из «древней польской истории». Последняя оговорка весьма характерна именно потому, что текст был предназначен для польского читателя, которому, по всей видимости, были интересны исторические аспекты труда Меховия, в отличие от европейцев, которых больше привлекали география и этнография региона. Второе издание польского перевода труда Меховского 1541 г. не сохранилось до наших дней, третье – было осуществлено в 1545 г. Трижды был опубликован в рамках отдельных изданий итальянский перевод трактата Меховия, автором которого был Аннибал Маджи. Под титулом *Historia delle due Sarmatie* он был опубликован в 1561 г. венецианским издателем Габриелем Джолитти. В 1562 и 1584 гг. в той же типографии был переиздан текст итальянского перевода этого сочинения. В XX в. были подготовлены современные переводы *Трактата о двух Сарматиях* на русский (С. А. Аннинского) и польский (Т. Беньковского) языки.

начавшейся Ливонской войной, а также успехами Московского государства в борьбе с татарскими ханствами Поволжья.

Главным источником представлений Меховия об истории русских земель была хроника Длугоша. Автор *Трактата о двух Сарматиях*, ни разу не упомянув о своем предшественнике, тем не менее, воспроизводит в своем сочинении целые фрагменты его труда, от своего имени передает оценочные суждения Длугоша, а также повторяет ошибки в хронологии и неточности, которые тот допускал из-за не вполне верного перевода свидетельств русских летописей[4]. Вместе с тем, несомненная заслуга Меховия состояла лишь в том, что он сделал достижения историографического гения Длугоша доступными широкому кругу читателей посредством сокращения «многословных» описаний Длугоша, а также использовал заимствованные у него свидетельства для создания собственной концепции региональной истории, отличавшейся методологической новизной.

Трактат о двух Сарматиях был задуман Меховием как краткий историко-географический очерк: его первая публикация, осуществленная в 1517 г., представляла собой «компактную» брошюру объемом 67 страниц в формате ¼ *folio*[5]. Текст этого сочинения был разделен на 2 книги, 5 трактатов и 22 главы (капитулы). Книги не имели названий, некоторые трактаты были снабжены заголовками, главам присвоены порядковые номера (нумерация начиналась заново в каждом новом трактате) и уникальные титулы.

1-я книга состояла из трех трактатов и была посвящена описанию Азиатской Сарматии. В ней особое внимание уделялось татарскому народу – его происхождению, истории завоеваний татарами европейских стран, отношений их государственных образований с христианскими державами, а также религии и культуре. Меховий первым из европейских авторов дифференцировал татарский суперэтнос и дал характеристику племенам перекопских, казанских и ногайских татар. Также он доказал этническое родство татар и турков в очерке истории могущественной Турецкой империи.

---

[4] О примерах «буквальной» передачи ошибок, допущенных Длугошем, см.: *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV XVII вв. Л., 1978. С. 104.

[5] *Mathia de Myechow.* Tractatus de duabus Sarmatijs Asiana et Europeana et de contentis eis. Cracovia, 1517.

Сведения об истории Руси в первой части сочинения Меховия мы находим во 2 и 3-й главах 1-го трактата. Здесь автор, опираясь на хронику Длугоша, сообщает о битве русско-половецкого войска и татарской армии на реке Калке, а также о вторжении «огромных масс татар в Руссию», опустошении Рязанской, Суздальской, Смоленской и Черниговской областей[6]. Эти сведения дополняются реляцией о разрушении татарами «великолепной столицы русских» – Киева. Меховий дает краткую историческую справку об этом городе, сообщает о его архитектуре и значении в религиозной жизни Руси, указывает на то, что в современный период «этой местностью» владеют литовцы[7]. Притом, что большинство «русских» известий автора *Трактата о двух Сарматиях* так или иначе восходят к хронике Длугоша, происхождение источника, по которому было дано описание Киева, для исследователей остается загадкой. Каких-либо упоминаний об этой акции татар, которая Меховием в данном случае описывается в полном соответствии с хронологией русского летописания, у его предшественника мы не находим[8]. В последующих главах 1-го трактата, где речь идет о конфронтации Польши и татарских орд, Русь фигурирует как страна, куда татары скрываются после своих вторжений, а русские характеризуются либо как союзники, либо как «предводители» их набегов на Польшу[9].

Во 2-м трактате 1-й книги Меховий представляет очерк истории народов, некогда населявших Сарматию, а также предпринимает попытку объяснения происхождения славянских народов. В этом разделе своего сочинения польский автор называет русских по-разному – то «руссами» (terras Russorum), то «рутенами» (Ruteni), характеризует их как насельников Скифии и свидетельствует о контактах этого народа

---

[6] *Матвей Меховский* Трактат... P. 130. Здесь и далее мы ссылаемся на фрагменты латинского текста трактата Меховия, опубликованного одновременно с русским переводом С. А. Аннинского, поскольку речь идет о сопоставлении формулировок и терминологии Меховия со свидетельствами латиноязычной хроники Длугоша; наш перевод с латыни реляций автора трактата в ряде случаев несколько отличается от перевода аналогичных фрагментов С. А. Аннинского.

[7] Ibid. P. 131.

[8] Ю. А. Лимонов в свое время высказал предположение, что рассказ Меховия о Киеве мог быть составлен на основе русского источника, но предположить, о какой именно летописи идет речь этот исследователь не берется из-за «краткости и лаконичности сообщения» (см.: *Лимонов Ю. А.* Культурные связи... С. 109).

[9] *Матвей Меховский* Трактат... P. 147.

с готами и югрaми[10]. Рассуждая о дифференциации славянскои общности, Меховий составляет перечень этнических групп, употребляющих «славянскую речь», совокупность которых он называет «славами и винделиками». В этом перечне наряду с южно- и западнославянскими народами упоминаются и шесть восточнославянских, а именно «рутены» (Ruteni), «московиты» (Moskouitae), «плесковиты» (Pleskouienses), «нугарды» (Nugardi), «смольненцы» (Smolnenses) и «огульцы» (Ohulci)[11]. Следует отметить, что данный раздел трактата Меховия содержит весьма противоречивые свидетельства о ранней этнической истории народов Восточной Европы. Эту противоречивость можно объяснить тем что для изучения данного вопроса автором *Трактата о двух Сарматиях* для убедительности были привлечены труды древних писателеи (Иосифа Флавия[12], Птолемея[13], Плиния[14], Светония[15] и Тацита [6]), реляции которых

---

[10] *Матвей Меховский* Трактат... P. 149 150

[11] Ibid. P. 158.

[12] Иосиф Флавий (Josephus Flavius) древнееврейскии историк I в , автор нескольких сочинений, в числе которых выделяются два труда *Иудеиская война* и *Иудейские древности.*

[13] Птолемей (Claudius Ptolemaeus) географ, картограф, астроном и математик II в., жизнь которого была связана с Александриеи Египетскои Наибольшую ценность для историков эпохи Возрождения представляли карты Птолемея, а также его *Руководство по географии*, позволяющие и в наши дни называть этого ученого основоположником научнои географии и картографии *Руководство по географии* было написано на греческом языке, в начале XV в переведено на латынь и после распространения книгопечатания опубликовано Этот труд Птолемея был одной из самых востребованных научных книг в ренессансной Европе. Свой вклад в изучение наследия Птолемея, популяризацию и внедрение в практику научных исследовании его идей внес современник Меховия, польский ученый-гуманист Бернард Ваповскии, принявшии участие в подготовке трех изданий карт Птолемея, в том числе карты Восточнои Европы, которая не сохранилась до наших дней (подробнее об этом см : *Buczek* K Dzieje kartografii polskiej od XV do XVIII w. Warszawa, 1963).

[14] Гай Плиний Старший (Gaius Plinius Maior) древнеримскии историк и писатель I в., автор многочисленных литературных произведении. военных трактатов, жизнеописаний и исторических трудов, среди которых выделяются *Современная история* и *Естественная история.*

[15] Гай Транквилл Светоний (Caius Tranquillus Suetonius) древнеримскии историк I–II вв., автор биографических очерков императоров *Жизнь двенадцати Цезарей* в 8 книгах.

[16] Корнелий Тацит (Cornelius Tacitus) – древнеримскии историк I II вв , к его наиболее известным сочинениям относятся *Анналы* и *Истории*, а также трактат *О происхождении и местах обитания германцев.*

польский ученый дополнил собственными умозаключениями. При этом, с нашей точки зрения, Меховию не удалось систематизировать имевшиеся в его распоряжении свидетельства древних писателей на основе определенного критерия. В результате, вместо упорядоченной картины мы обнаруживаем здесь мало связанные друг с другом суждения и догадки, способные запутать даже искушенного читателя.

2-я книга труда Меховия состоит из двух трактатов и содержит сведения о географическом положении и истории земель Европейской Сарматии, к которой, помимо Польши, отнесены Русь, Литва и Московия, а также «скифские» земли «захваченные князем московским» (ducem Moskovie subiugatis) – Пермь (Perm), Башкирия (Baskird), Чиремиссия (Cziremissa), Югра (Juhra) и Карелия (Corela). В отличие от 1-й книги, здесь сведения по географии региона преобладают над историческими экскурсами.

В главе *О Руссии, ее округах, изобилии и всем, что в ней находится* Меховий, высказывая собственное мнение, впервые соотносит русские земли с ареалом древней Роксолании (Russia, olim Roxolania), известной ему по сочинениям античных и средневековых писателей[17]. В его описании территория Руси ограничивается «рекой Танаис» (Дон), «Меотским озером» (Азовское море) и Крымом на востоке, Карпатами и Днестром на юге, польскими землями на западе и литовскими на севере[18]. Столицей «Руссии» Меховий называет Львов. Весьма подробно польский ученый описывает природные богатства Руси, особенности православного религиозного обряда[19], а в последующих главах указывает территориальные рамки распространения православия в Сарматии[20]. Сведений о ранней этнополитической истории Руси в данном сочинении Меховия мы не находим.

Во 2 и 3-й главах 1-го трактата 2-й книги, посвященных Литве, русские земли охарактеризованы как провинции Великого княжества Литовского, в свое время покоренные князем Витовтом (Vithenen, dux Lithuanorum) и его преемниками[21]. Эти сведения, заимствованные Меховием из хроники Длугоша, скомбинированы с реляцией о том, что позже усилиями «смелого и энергичного князя» Александра Витольда[22]

---

[17] *Матвей Меховский*. Трактат... P. 172.

[18] Ibid. P. 173.

[19] Ibid. P. 174–175.

[20] Ibid. P. 185–186.

[21] Ibid P. 176–177.

[22] В своем сочинении Меховий также называет Витовта Витольдом (Witoldus) и именно этот вариант имени литовского князя в дальнейшем использовали другие польские историки.

к Литве также были «присоединены» (adiecit) Псков, Новгород и Смоленск[23]. Следует отметить тот факт, что исторические экскурсы, посвященные таким восточнославянским центрам как Псков, Новгород Полоцк, Смоленск, Можайск и Вязьма, не только помещены в литовских» главах трактата, но и неизменно содержат указание на их принадлежность Литве Вместе с тем, Меховии не скрывает того факта, что права на эти территории в его время активно оспариваются московским государством, а также уделяет самое пристальное внимание военно-политическим акциям двух московских князеи Ивана III и Василия III, направленным на расширение территории «Московии» за счет литовских владений[24].

2-й трактат 2-й книги полностью посвящается описанию московского государства. Однако какого-либо исторического очерка здесь мы не обнаруживаем. Акцент сделан на обширности территории «Московии», особенностях ее ландшафта и речнои системы, этническом составе населения. Приведены также подробные описания городов, государственного устроиства и военной организации московитов.

Польская хроника – второй исторический труд Меховия, с содержательной точки зрения не был оригинален и, также как *Трактат о двух Сарматиях*, представлял собой выборочную компиляцию сочинения Длугоша. Тем не менее, культурно-просветительское значение хроники Меховия трудно переоценить, так как она, в отличие от произведения Длугоша, была опубликована самим автором и стала первой печатной книгой, посвященнои проблематике истории Польши и других стран Восточной Европы.

При жизни Меховия хроника была опубликована дважды – в 1519 и 1521 гг. Первое издание этого сочинения вызвало крайне негативную реакцию правящих кругов Польского королевства, подверглось цензурному запрету, в результате чего тираж хроники был конфискован. Второе издание 1521 г. отличалось от первого незначительными измене ниями, которые были внесены в заключительные главы, посвященные эпохе правления королей Яна Ольбрахта и Александра. В дальнеишем это сочинение Меховия в оригинальной латинской версии было переиздано дважды – во II томе сборника трудов других польских историков *Polonicae historiae corpus* Иоганна Пистория (Базель, 1582) и в III томе уже известной нам по публикации хроники Длугоша издательскои

[23] *Матвей Меховский* Трактат... P. 181.
[24] Ibid. P. 182–186.

серии *Historiarum Poloniae et magni Ducatus Lithuaniae scriptorum... Collectio* Мицлера де Колоф (Варшава, 1776). С тех пор хроника Меховия не переиздавалась. На польский язык были переведены лишь отдельные фрагменты этого сочинения (около четверти от его общего объема). Автором перевода был современник Меховия Станислав Хвальчевский, однако результаты его труда были опубликованы значительно позже – только в 1829 г.[25]

Несмотря на то, что при создании своей хроники Меховий лишь компилировал Длугоша, его несомненная заслуга состояла, прежде всего, в «редактировании» свидетельств своего предшественника, их пересказе в форме компактных сообщений, создававшихся путем комбинации сведений, позаимствованных из различных «погодных» статей его сочинения. В свое время польский ученый А. Божемский выявил четыре основных принципа переработки автором *Польской хроники* исторического материала Длугоша: 1) комбинирование различных «режимов» пересказа (дословное воспроизведение, сокращение и изъятие отдельных известий); 2) изменение структуры изложения исторического материала; 3) отсутствие ссылок на источники; 4) некритическое заимствование сведений[26]. Исследователь полагает, что в результате применения этих принципов, в сочинении Меховия дословно воспроизводятся лишь те фрагменты хроники Длугоша, в которых тот проявляет себя как хронист, то есть последовательно излагает исторические факты и, напротив, игнорируются разделы, в которых чаще всего проявляется ангажированность Длугоша, и которые содержат «множество интересных подробностей», определенных «духом времени» и облегчающих понимание фактов. Таким образом, по мнению А. Божемского, для Меховия было важно «лишь сообщить сухие факты, способные служить сырым материалом для более поздних историков, а для школьной молодежи – предметом для обучения»[27].

Вместе с тем, сам принцип разделения материала в *Польской хронике* оценивается положительно – А. Божемский называет его «шагом вперед» по сравнению с достижениями Длугоша в данной области, поскольку именно в этом вопросе проявляется в большей степени разработанное у Меховия представление об «исторической методике»[28].

---

[25] Kronika Polska Stanisława Chwalczewskiego. Warszawa, 1829.

[26] *Borzemski A.* Kronika Miechowity: Rozbiór krytyczny. Kraków, 1890. S. 6.

[27] Ibid. S. 11.

[28] Ibid. S. 8.

Польский исследователь обратил внимание также на то, что Длугош, строго придерживаясь хронологического принципа, чрезвычайно затрудняет для читателя решение задачи установления внутренних связей между событиями. Между тем, Меховий, по заключению А. Божемского, компонуя материал, стремился соединить известия по определенному «тематическому» признаку, тем самым желая добиться целостности восприятия событий, растянутых во времени. В то же время, А. Божемский указывает на то, что Меховий не всегда строго придерживается избранного принципа разделения материала и не справляется с трудностями, которые возникли из-за применения такой компоновки, в связи с чем, нередко «перемешивает свидетельства самого разного характера»[29]. Таким образом, признав новый принцип организации материала прогрессивным, А. Божемский весьма скептически относится к результатам его воплощения на страницах *Польской хроники*.

Особенности «методики» переработки сочинения Длугоша Меховием, мы можем в полной мере отнести также и к «русским» известиям. В дополнение к сказанному выше, нам представляется важным обратить внимание на весьма вольное обращение автора *Польской хроники* с хронологией «русских» известий Длугоша. Историю русских земель Меховий либо вовсе не датирует, либо некритически заимствует у своего предшественника сведения о времени тех или иных событий, в том числе повторяет его очевидные ошибки.

Текст *Польской хроники* был разделен Меховием на четыре книги, каждая из которых, в свою очередь, подразделялась на главы (caput), которые были озаглавлены и имели отдельную нумерацию в рамках каждой книги (всего в составе хроники насчитывается 190 глав).

1-я книга посвящена «легендарному» периоду истории польского народа и государства. Здесь Меховий пересказывает славянскую эпонимическую легенду, мифологическую версию возникновения династии Пястов, характеризует польских языческих князей, уделяет внимание истории соседних народов и их взаимоотношениям с поляками, а также представляет географическое описание Польши и сопредельных с ней стран. Некоторые сведения, касающиеся ранней этнокультурной истории Восточной Европы, приводятся со ссылкой на мнения авторитетных ученых писателей древности

[29] *Borzemski A.* Kronika Miechowity... S. 10.

и современной Меховию эпохи: Птолемея[30], Светония[31], Евтропия[32], Павла Диакона[33], Исидора[34], Блонда[35] и других.

«Русские» известия Меховия в 1-й книге сконцентрированы во II, IV и XVI главах. Во II главе *Польской хроники* под выносной глоссой «Русс потомок Леха. От этого Руссия» (Russ nepotum Lech. ab eo Russia) воспроизводится гипотеза Длугоша о происхождении эпонима русского народа[36], а также небольшой фрагмент *Хорографии*, включающий описание русских рек[37]. IV глава содержит сведения о ранней этнополитической истории Руси: «первых князьях Руссии» Кие (Kyg), Щеке (Szyek) и Хореве (Korew), их потомках Аскольде и Дире (Oszkalt et Dir), а также о расселении восточнославянских племен[38]. XVI глава полностью посвящена описанию начальной истории варяжской династии – здесь в сокращенном виде воспроизведен рассказ Длугоша о Рюрике (Rurko), Синеусе (Sziniew), Труворе (Trubor), Игоре (Iior) и княгине Ольге (Olha), а также конфликте с древлянами. Изложение заканчивается сообщением о крещении Ольги в Константинополе[39].

2-я книга *Польской хроники* охватывает период от эпохи правления первого польского христианского князя Мечислава (Myesko) до момента смерти короля Болеслава II в 1179 г. Сообщения о событиях на Руси здесь представлены не только в формате «концентрированных» пересказов русских известий Длугоша (им полностью посвящаются III, X, XII, XV, XVIII и XXI главы), но и встречаются в тех разделах, где описывается история Польши, если речь заходит о внешнеполитических акциях польских королей.

---

[30] См. примеч. 13.

[31] См. примеч. 15.

[32] Евтропий (Eutropius) – древнеримский историк IV в., написавший по поручению императора Валента краткую историю Рима в 10 книгах.

[33] Павел Диакон (Paulus Diaconus) – лангобардский историк и церковный деятель VIII в., автор *Римской истории* и *Истории лангобардов*, агиографических сочинений.

[34] Исидор (Isidorus) – архиепископ Севильи, теолог, энциклопедист и историк VI–VII вв., один из «отцов» церкви, автор описания истории готов, вандалов и свевов.

[35] Флавий Блонд (Flavius Blondus) – итальянский историк-гуманист XV в., автор трудов по истории Древнего Рима и описания истории средневековой Европы в 32 книгах.

[36] *Mathia de Mechow*. Chronica Polonorum. Craccoviae, 1519. P. II.

[37] Ibid. P. III.

[38] Ibid. P. VI.

[39] Ibid. P. XVII.

III глава посвящена описанию событий на Руси в период правления князей Святослава и Владимира, в том числе в ее состав включена сокращенная версия рассказа Длугоша о выборе веры русским князем и крещении Руси[40]. Каких-либо дат в этом разделе мы вообще не обнаруживаем и можем определить время упоминаемых Меховием событий, лишь ориентируясь на датировку «польских» фрагментов (описание упомянутых нами событий помещено между сообщениями о смерти польского князя Мечислава I и коронации Болеслава I, то есть речь идет о последнем десятилетии X в.). О русских походах Болеслава Храброго (Boleslao Chrabri) Меховий подробно рассказывает в VI и VII главах, причем рассматривает эти акции польского короля исключительно в контексте описания событий польской истории: то есть исключает из своего повествования реляции Длугоша о политическом кризисе на Руси, спровоцировавшем вмешательство Болеслава в ее внутренние дела[41]. Меховий разделяет этот материал и свидетельства о русских событиях помещает в X главу, где рассказывается о заключительном периоде княжения Владимира, разделе им государства между сыновьями и междоусобной войне, повлекшей за собой вмешательство польского короля[42].

В XII и XV главах Меховием в целом добросовестно переданы свидетельства Длугоша о деяниях князя Ярослава – его войнах с печенегами и греками, строительстве храма св. Софии и Золотых ворот в Киеве, а также разделе государства. Здесь исключительный интерес вызывает происхождение одной из реляций автора *Польской хроники*, посвященной войне русских с греками, которая состоялась в период княжения Ярослава. В этом фрагменте Меховий, не ограничившись компиляцией Длугоша, привлекает дополнительный материал со ссылкой на французского анналиста XII в. Сигиберта («персональный» характер ссылки для Меховия является большой редкостью), а именно свидетельство о «занятости» греческого императора Романа войной с сарацинами в момент нападения на него русских. Поскольку упоминаний о подобных обстоятельствах в сочинении Длугоша мы не находим[43], у нас есть все основания согласиться с гипотезой А. Божемского, предположившего,

---

[40] *Mathia de Mechow*. Chronica Polonorum... P. XXV–XXVI.

[41] Ibid. P. XXVIII–XXX.

[42] Ibid. P. XXXIII–XXXV.

[43] Длугош под 1040 г. сообщает о войне русской армии под предводительством сына Ярослава Владимира против греков (см.: Historia Polonica Joannis Długossii... Dobromili, 1615. P. 196), однако не упоминает о деталях, впоследствии приведенных Меховием со ссылкой на Сигиберта, ориентируясь лишь на реляцию древнерусского летописца, описавшего эту войну под 1043 г (см.: ПСРЛ. Т. 1... Стб. 154).

что Меховий мог использовать не сохранившуюся до наших дней, видоизмененную компиляторами рукопись Сигиберта[44].

XVIII и XXI главы посвящены русской войне Болеслава II. Здесь Меховий почти дословно повторяет рассказ Длугоша, в том числе переносит в свою хронику очевидно спорные детали о моральном разложении польской армии в Киеве и последующие свидетельства о расправе короля над неверными женами польских воинов[45]. Каких-либо критических замечаний насчет этих реляций в его сочинении мы не обнаруживаем.

В **3-й книге** хроники Меховия освещен период с 1079 по 1294 г. (отметим ее строгое соответствие 5, 6 и 7-й книгам анналов Длугоша). Известия об истории русских земель здесь собраны, в основном, в VI, XV и XXI главах. Меховий механически объединяет в составе этих глав реляции Длугоша, классифицированные по признаку территориальной «принадлежности» к Руси описываемых в них событий, по своему усмотрению определяет временные рамки, отделяющие один период русской истории от другого, вовсе не заботится об установлении какой бы то ни было логической связи между описываемыми событиями и практически не указывает дат. Так, в VI главе он объединяет реляции Длугоша, собранные из 13-ти «погодных» статей его хроники, вписывающиеся в период с 1081 по 1099 г. (согласно хронологии того же Длугоша). В XV главе объединены 9 статей за период с 1103 по 1139 г., а в XXI главе – 13 статей за период с 1147 по 1175 г. Таким образом, читатель *Польской хроники* получал в распоряжение своеобразный компендиум ста лет истории русских земель, описанной всего в трех главах, в общей сложности занимавших меньше десяти страниц формата *folio*.

В последующих главах хроники Меховий также «концентрирует» сообщения о событиях на Руси, но уже не посвящает им целиком самостоятельных разделов. Таковы, к примеру, XXVI, XXIX, XXXII главы, в которых описываются события конца XII – начала XIII в. Последний раз Меховий упоминает о событиях общерусского значения (не связанных с Польшей) в XXXVI главе, где содержится пересказ свидетельства Длугоша о разорении русских земель татарами.

По понятным причинам особое внимание в 3-й книге своей хроники Меховий уделяет польско-русским отношениям, рассматривая эти вопросы отдельно от вопросов сугубо русского значения. Причем в распределении этих свидетельств по главам, с нашей точки зрения, прослеживается определенная логика. Прежде всего, данные фрагменты интегрированы в изложение истории Польши. В XII, XIII и XIV главах

[44] *Borzemski A.* Kronika Miechowity... S. 19.
[45] *Mathia de Mechow.* Chronica Polonorum... P. XLIIII–XLVII.

Меховий сосредоточился на описании польско-русских войн в период правления Болеслава III. В XXV главе объединены реляции Длугоша сразу из пяти погодных статей, посвященные противостоянию русских, поляков и венгров в борьбе за влияние в Галицком княжестве в 80-х и 90-х гг. XII в. XXVII глава, открывающая описание эпохи правления Лешека Белого (Lestko Albus), включает пространное описание войны поляков с Романом Галицким. Хотя Меховий несколько смягчает содержавшиеся в хронике Длугоша негативные оценки этого русского князя, но в целом сохраняет идеологические акценты своего предшественника.

На фоне прочих «русских» фрагментов 3-й книги сочинения Меховия выделяется XXXI глава, в которой автор, как всегда на основании свидетельств хроники Длугоша, описывает Галицкую войну. В числе ее участников, наряду с поляками, венграми и русскими, упоминаются также половцы, которым на сей раз Меховий уделяет особое внимание (*прежде половцы представлялись преимущественно как враги русских*) и под выносной глоссой «Кто такие половцы» (Polowczy qui fuerint) дает этому народу развернутую характеристику, отсутствовавшую в хронике Длугоша. Описание половцев было результатом самостоятельных изысканий Меховия и перенесено в *Польскую хронику* из *Трактата о двух Сарматиях*[46] в целях сопряжения этих сведений с логически замыкающим XXXI главу рассказом о поражении русско-половецкого воиска от татар на реке Калке, который Меховий заимствует у Длугоша.

В нескольких главах 3-й книги мы находим еще ряд упоминании о русско-польских взаимоотношениях. Меховий, например, несколькими фразами передает содержание пространных рассказов Длугоша о захвате Люблина галицким князем Даниилом (XLII глава) и его коронации папским легатом Опизо (XLIII и LIII главы). Что любопытно, о коронации Даниила Меховий упоминает дважды: первый раз под 1246 г.[47], повторяя Длугоша, и второй раз под 1253 г.[48] Исходя из того, что коронацию 1253 г. сам историк ошибочно называет «второй» (altera), мы можем предположить, что в распоряжении Меховия был какой-то альтернативный источник, позволивший ему дополнять реляции Длугоша свидетельствами более точными в отношении датировки и фактического наполнения описываемых событий[49].

---

[46] Ср.: *Mathia de Mechow*. Chronica Polonorum... P. 120 ; *Матвеи Меховский*. Трактат... P. 129.

[47] *Mathia de Mechow*. Chronica Polonorum... P. CXLII.

[48] Ibid. P. CLXI.

[49] А. Божемский высказал предположение, что таким источником Меховия могла быть «Волынская хроника» (см.: *Borzemski A.* Kronika Miechowity... S. 19).

Хотя **4-я книга** занимает почти половину хроники Меховия, «русских» фрагментов в ее составе значительно меньше, чем в предыдущих разделах этого сочинения. Все сообщения о связанных с Русью событиях в этом разделе предельно лаконичны: несколькими фразами характеризуются лишь ключевые факты, а также, как правило, упоминаются даты описываемых событий. В частности, Меховий сообщает о возвращении Люблина в состав Польши (V гл.), о захвате Казимиром III Львова и Владимира (XVIII гл.), о повторном походе Казимира на Русь (XIX гл.) и дальнейшей борьбе Польши за русские земли с Литвой и Венгрией (XIX, XXI гл.). Реляции Длугоша об истории взаимоотношений Руси и Литвы в свою хронику Меховий не включает, ограничивается лишь фразой, в сокращенном виде заимствованной из сочинения своего предшественника, о том, что после женитьбы на Ядвиге литовский Ягелло «сделал запись о вечной принадлежности Польскому королевству земель Литвы, Самагиттии и Руссии»[50].

Столь же краток Меховий и в сообщениях о московских делах, взаимоотношениях Литвы и Польши с Москвой, Новгородом и Псковом. В XLII главе под выносной глоссой «Витовт против Моска Василия» (Witovdus contra Moskum Vasilionem) последовательно, но также очень лаконично передаются реляции Длугоша о двух московских «экспедициях» литовского князя, состоявшихся в начале XV в.[51] Между тем, далеко не все фрагменты хроники Длугоша, содержащие сведения о русских землях воспроизведены в *Польской хронике*. Так, к примеру, Меховий вовсе не упоминает о походах Витовта против псковитян и новгородцев, которым Длугош посвящает пространные рассказы[52]. О «включении» Новгорода в состав державы московского князя Меховий сообщает в LXXII главе, ограничившись констатацией факта и упоминанием нескольких подробностей, связанных с этим событием.

---

[50] Сравним соответствующий отрывок в сочинениях Длугоша и Меховия: Длугош – «...terrasque Lithwanie, Samagittie et Russie, in quibus habebat naturali iure et acquisito dominium merum et mixtum, dicioni sue parentes, Regno Polonie perpetuo inscripsit, univit, invisceravit, adiunxit et incorporavit» (Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. T. 6. Cracoviae, 1985. P. 154) ; Меховий – «...terrasque Lithuaniae, Samagittiae, et Russiae regno Poloniae perpetuo inscripsit ac incorporavit» (*Mathia de Mechow*. Chronica Polonorum... P. CCLXIX).

[51] *Mathia de Mechow*. Chronica Polonorum... P. *CCLXXVII*.

[52] Отсутствие упоминания о псковском и новгородском походах Витовта в *Польской хронике* трудно объяснить, хотя бы потому, что в Трактате о двух Сарматиях Меховий дает о них краткую справку (см. *Матвей Меховский*. Трактат .. P. 181).

Период с 1480 по 1506 г., также описанный в 4-й книге *Польской хроники* (главы с LXXII по LXXXV), принято выделять в качестве особого раздела этого сочинения, поскольку упомянутые здесь исторические события характеризуются Меховием на основе проведенных им самим изысканий.

В числе реляций, касающихся истории русских земель, которые были включены в этот раздел, имелись также и свидетельства касающиеся взаимоотношений Литвы с Московским княжеством. Меховий так или иначе затрагивает эти вопросы в пяти главах. Главным образом речь идет о военном противостоянии двух государств. Под 1499 г. упоминается о прибытии в Литву посольства «князя Москов» без каких-либо комментариев относительно содержания проводившихся переговоров, затем под 1500 г. следует краткое сообщение о нападении «Моска» и опустошении литовских владений, а именно окрестностей Смоленска[53], о противодействии этим акциям литовцев и оказавших им «братскую» помощь поляков и моравян[54]. Под 1501 г. упоминается об осаде Смоленска сыном московского князя Ивана Дмитрием. Здесь же Меховий демонстрирует свою осведомленность о родственных связях московского и литовского княжеских домов, упоминает о том, что жена литовского князя Александра Елена была дочерью московского князя[55]. Наиболее содержательным московским фрагментом *Польской хроники, несомненно, является помещенный под 1505 г. рассказ об итогах деятельности* «Ивана Васильевича, князя Московии», включающий описание его достижений в сфере внутренней и внешней политики, а также сведения о престолонаследии этого монарха[56].

По итогам предпринятого нами обзора «русских» и «московских» известий, содержавшихся в *Польской хронике*, можно сделать вывод о том, что в заключительной книге своего труда Меховий теряет интерес к истории восточных соседей Польши. Его свидетельства на эту тему крайне скупы на фоне куда более содержательных реляции, посвященных событиям в других сопредельных с Польшеи странах Турции, Венгрии, прибалтийских рыцарских орденах. Такого рода индифферентность Меховия можно объяснить тем обстоятельством, что непосредственно примыкавшие к Польше русские земли были включены в состав Польского королевства и уже не воспринимались как самостоятельные субъекты международных отношений в регионе тогда

[53] *Mathia de Mechow* Chronica Polonorum... P. CCCLI.
[54] Ibid. P. CCCLVII–CCCLVIII.
[55] Ibid. P. CCCLX.
[56] Ibid. P. CCCLXX.

как русские земли, находившиеся в составе Литвы и тем более соседствовавшие с Литовским княжеством на востоке, рассматривались как «сфера ответственности» литовских князей, и потому их история также не вызывала особого интереса.

Вместе с тем, именно эта «краткая» версия истории славянского востока, представленная на страницах описанных нами выше двух произведений Меховия, на долгое время становится единственным широкодоступным источником исторических сведений об этом регионе. Именно на нее в 20–40-х гг. XVI в. ориентировались как поляки, так и иностранцы, проявлявшие интерес к проблемам исторического развития русских земель. Примером является наследие ученой мысли других европейских стран, в частности, созданные именно в этот период сочинения Иоахима Вадиана, Павла Иовия, Альберта Кампенского, Иоганна Фабри и других авторов.

В этой связи для нас представляют немалый интерес оценки историографического наследия Меховия, которые были даны его современниками и потомками.

Для польских интеллектуалов эпохи Возрождения Меховий был непререкаемым авторитетом. Весьма лестная оценка его достижениям была дана автором адресованного польскому королю Сигизмунду I предисловия к *Польской хронике* Иодокусом Людовиком Децием. В числе главных достоинств Меховия Деций отмечает старательность в реализации замысла (sedulo studio) и правдивость рассказа (veritatem narrationis), а несомненными преимуществами его исторического труда называет отсутствие притворной напыщенности (opus sine affectato tumore), а также простоту и лаконичность в изложении материала (verborum sucum, sermonis cultum et eloquentiae florem non ad modum requisivit)[57].

Последующие поколения ученых не были столь однозначны в оценках метода описания истории, продемонстрированного на страницах *Трактата о двух Сарматиях* и *Польской хроники*. В частности, Л. Голембиовский считал очевидным недостатком «бахвальство» (chełpienie) автора, выражавшееся в том, что Меховий всячески подчеркивал свое первенство в описании национальной истории, не ссылался на свой главный источник

[57] Ad illustrissimum invictissimumque principem et dominum dominum Sigismundum Dei nutu Poloniae Regem Magnum Lithuaniae Ducem, Russiae, Prussiae, Pomeraniaque dominum et heredem &c. Iodoci Ludovici Decii <...> in quatuor libros historiarum Regni Poloniae exelentissimi domini Mathiae de Mechovia artium et medicinae doctoris et canonici Graccovien nuncupatoria epistola // *Mathia de Mechow*. Chronica Polonorum... F. ‡3.

и вовсе не упоминал о том, что Длугош «что-либо должен был написать»[58]. Этот изъян Л. Голембиовский оправдывает, отчасти, тем, что именно хроника Меховия стала первой в Польше опубликованной книгой по истории, в результате чего в будущем многие поколения историков «о Длугоше уже ничего не знали» и многие из них были вынуждены довольствоваться лишь произведением Меховия[59]. Тогда как большая часть критических замечаний была высказана в адрес *Польской хроники*, *Трактат о двух Сарматиях*, напротив, характеризуется Л. Голембиовским, в сравнении с хроникой Длугоша, как исследовательский труд и «образец историографии будущего»[60]. Научный метод Меховия, примененный в трактате и основанный на использовании мнений авторитетных авторов античности и средневековья в целях изучения древней истории народов, по мнению Л. Голембиовского, оказал огромное влияние на последующие поколения историков.

А. Божемский в своих оценках историографического наследия Меховия был настроен еще более скептически. В *Польской хронике* этот исследователь вовсе не видел какой-либо научной или литературной ценности[61], полагая, что ее «выдающееся значение» состояло лишь в том, что это была «первая опубликованная история Польши», послужившая кратким учебным пособием для академической молодежи. В связи с этим, само по себе отсутствие ссылок на сочинение Длугоша А. Божемский не считает серьезным недостатком *Польской хроники*, квалифицируя подобное отношение к источникам как характерную для того времени норму, которой придерживался, в том числе, и сам Длугош[62]. Вместе с тем, однозначно негативно этот исследователь относился к факту некритического заимствования исторических сведений Меховием, отсутствию полемики с тем же Длугошем. Эта особенность, по мнению А. Божемского, совершенно не была свойственна историческим сочинениям эпохи Возрождения, в связи с чем принадлежность Меховия к научной историографии была им поставлена под сомнение.

Автор русского перевода *Трактата о двух Сарматиях* С. А. Аннинский был склонен оценивать подвергшийся резкой критике в работах Л. Голембиовского и А. Божемского исторический метод Меховия скорее положительно, объясняя его специфические черты (прежде всего,

---

[58] *Gołębiowski Ł.* O dziejopisach polskich, ich duchu, zaletach i wadach. Warszawa, 1826. S. 91.

[59] Ibid. S. 92.

[60] Ibid. S. 93.

[61] *Borzemski A.* Kronika Miechowity... S. 152.

[62] Ibid. S. 7–8.

«бесстрастность» тона и внешнюю объективность, проявившиеся как в *Трактате о двух Сарматиях*, так и в *Польской хронике*) особенностями той интеллектуальной среды, в которой создавались эти сочинения. В частности, в «сокращении красноречивых длиннот» Длугоша С. А. Аннинский видел не столько признаки литературной несостоятельности Меховия, сколько стремление лишить повествование характерной для Длугоша проклерикальной идеологической ангажированности, сгладить «острые углы церковно-шляхетских отношений» путем применения внешне нейтральной в стилистическом отношении формы изложения исторического материала. Эту «политическую тенденцию», характерную для деятельности польских гуманистов, С. А. Аннинский признал передовой для своего времени[63].

Близкую позицию занимал и Х. Барыч, полагавший, что научные взгляды Меховия можно объяснить, лишь осознав природу того «интеллектуального климата», который господствовал в Европе с 80-х гг. XV столетия и был обусловлен «переломными географическими открытиями, невообразимым пространственным расширением мира». Именно этот климат, по мнению Х. Барыча, сформировал Меховия как интеллектуала и обусловил выбор характерных и оптимальных для его времени формы и содержания исторических произведений, которые были созданы с учетом индивидуальных особенностей этого автора. В результате, всячески подчеркивавшиеся в более ранних исследованиях «недостатки» сочинений Меховия (тяжелый и лишенный очарования стиль, хаотичность содержания и композиции, фактические ошибки и т. д.), этим исследователем прямо не оправдываются, но трактуются как явление совершенно нормальное для раннеренессансной эпохи, еще не располагавшей совершенными историческими произведениями, способными служить образцом для подражания. Х. Барыч считал чрезмерно завышенными требования, предъявлявшиеся критиками к литературному уровню произведений и историческому методу краковского профессора, на том основании, что в силу широты интересов (главным образом ориентированных на медицину и управление университетом) сам Меховий реалистически оценивал свои способности и не имел ни «писательских амбиций», ни жажды первенства, а также был далек от завоевания и удержания за собой научной славы[64]. В этой связи Меховий характеризуется Х. Барычем как

---

[63] *Аннинский С. А.* Предисловие // *Матвей Меховский* Трактат... С. 31.

[64] *Barycz H.* Wstęp // *Maciej z Miechowa* Opis Sarmacji Azjatyckiej i Europejskiej / Wstęp H. Barycz, przekł. i komentarz T. Bieńkowski. Wrocław [et al.], 1972. S. 10.

«ученый в средневековом стиле», главным образом из-за его безличного отношения к писательскому предназначению, восприятия своего ремесла как в некотором роде общественной обязанности, призваннои способствовать развитию науки и образования, а также подъему патриотического и морального самосознания народа[65].

Говоря о содержании произведений Меховия, Х. Барыч выделил два важнейших идеологически значимых для его эпохи достижения в области историографии: 1) «обоснование европейского этногенеза славян» и «акцентирование их принадлежности к европейскому сообществу... народам, находящимся на высшем уровне культурного развития», 2) информирование европейцев о значимости и мощи исторической и современной Польши, «превознесение ее правителя Сигизмунда I, проникшего в легендарные и неизвестные страны», что и привело к их открытию[66].

Современная польская исследовательница А. Джюба охарактеризовала Меховия как «предтечу» ренессансной историографии в Польше, а также признала его важнейшей заслугой перенесение на почву польской исторической прозы прогрессивных историографических идей и методов. Важнейшей особенностью представляемого этим автором раннеренессансного этапа в развитии исторической мысли Польши А. Джюба сочла столкновение сохранивших свое влияние идей предыдущей эпохи с новыми тенденциями, в результате чего, по ее мнению, усилия даже самых выдающихся интеллектуалов того времени, направленные на модернизацию историографии, не всегда были успешны[67].

Очевидно, «слабые писательские способности» Меховия А. Джюба считает его индивидуальной особенностью[68]. Однако данный недостаток, по ее убеждению, никак не обесценивает важнейших достоинств этого автора, к которым отнесены практичность интеллектуальной конструкции произведений, патриотизм, приверженность «исторической правде» и относительная независимость от конъюнктурных требований со стороны церковных или светских властей. В результате, труды Меховия характеризуются А. Джюбой как «пособие для его более способных последователей», а также как «сценарий» гуманистической хроники, в котором нашли отражение важнейшие методологические принципы ренессансной историографии[69].

---

[65] *Barycz H* Wstęp... S. 9.

[66] Ibid. S. 8.

[67] *Dziuba A* Wczesnorenesansowa historiografia polsko-łacinska. Lublin 2000. S. 13.

[68] Ibid. S. 187.

[69] Ibid. S. 32.

Таким образом, своеобразным итогом исследований историографических достижений Меховия учеными новейшего времени стало признание двойственности его научной методологии, обусловленной переходным характером представляемой им эпохи. Большинство упомянутых нами ученых в той или иной форме признают, что благодаря именно этому автору в интеллектуальной культуре Польши произошло утверждение новых прогрессивных принципов описания прошлого, воспринятых выдающимися польскими историками XVI в. Иодокусом Людовиком Децием, Бернардом Ваповским, Мартином Кромером, Марчином Бельским, Мачеем Стрыйковским, Александром Гваньини и другими авторами.

Повышенный интерес к «русским» и «московским» известиям Меховия исследователи проявили лишь в XX в. Событием большого значения становится перевод *Трактата о двух Сарматиях* на русский язык в 1936 г. В связи с этой публикацией впервые были выявлены и изучены особенности исторического образа Руси, представленного на страницах этого сочинения. Автор русского перевода *Трактата о двух Сарматиях* советский ученый С. А. Аннинский, в частности, обратил внимание на неравномерное распределение в этом сочинении географических и исторических сведений: по его мнению, превосходное владение материалом по географии и этнографии Руси и Московии сочетается с беспорядочными и крайне неубедительными историческими экскурсами. По выражению С. А. Аннинского, Меховий, «переходя к истории, теряет установившуюся симметрию», перемешивает свидетельства о происхождении и древнейшей истории разных народов региона. Еще одним показателем дисбаланса в исторических представлениях этого автора советский исследователь считает повышенное внимание к описанию истории ряда стран и народов Сарматии (например, мы находим в трактате обстоятельный очерк истории Турецкой империи), при том, что «ни истории России, ни истории Московии у Меховского нет»[70].

Такого рода несоответствия С. А. Аннинский объясняет частично «отсутствием всякого материала» (это касается, прежде всего, Московии и подчиненных ей земель), частично «неизвестностью» автору материалов по русской истории[71]. Эта оговорка не вполне понятна, поскольку С. А. Аннинский в своей работе указывает на то обстоятельство, что Меховий располагал данными материалами, полученными через посредничество сочинения Длугоша, что нашло отражение

[70] *Аннинский С А* Предисловие // *Матвей Меховский* Трактат... С. 12, 18.
[71] Там же. С. 12.

на страницах его *Польской хроники*[72]. Таким образом, наиболее актуальным, с нашей точки зрения, является не столько вопрос фактического *наличия* в распоряжении Меховия данных об истории Руси, сколько вопрос о *причинах* игнорирования польским автором таких свидетельств. К сожалению, именно на него С. А. Аннинский не дает ответа, ограничившись рассуждениями о заимствованиях, включенных в *Трактат о двух Сарматиях* из сочинения Длугоша весьма скупых и отрывочных сведений об истории восточных славян, а также возможностях привлечения Меховием русских летописей в качестве источника[73].

Автор предисловия к публикации русского перевода *Трактата о двух Сарматиях* Б. Греков обратил внимание на особенности эпохи выхода в свет данного сочинения Меховия, способствовавшие актуализации содержавшихся в нем сведений об истории русских земель. По его словам, данная проблематика вызывала интерес, прежде всего, в связи с «непрерывным ростом Москвы и ее победоносным наступлением на запад», угрожавшим «политическим мечтам» правящего в Польше класса, интересы которого не были чужды Меховию[74]. Именно эта «политическая тенденция», по мнению Б. Грекова, «ведет к искажению или, по крайней мере, к своеобразному освещению им фактов», в том числе конъюнктурной интерпретации ключевых сюжетов истории Руси. Примером реализации такого рода подхода на страницах *Трактата о двух Сарматиях* Б. Греков называет «изображение в несколько преувеличенном виде военных и политических подвигов Витольда», которому Меховий приписывает присоединение к Литве Пскова и Новгорода, несмотря на то, что доступные современным исследователям источники не подтверждают этого сообщения. Эти «преувеличения» Б. Греков объясняет политическими симпатиями и антипатиями, «увлечениями» польского автора, перенесшего на представления о прошлом определенные притязания «известных кругов польского общества»[75].

Б. Греков в целом скептически относится к способностям Меховия передавать исторические сведения, считая существенным изъяном его метода неспособность «дать себе отчет в том, что именно с точки зрения

---

[72] С. А. Аннинский полагал, что *Польская хроника* была написана значительно раньше *Трактата о двух Сарматиях*, благодаря чему ее материал мог быть использован при «компоновке» трактата (*Аннинский С А* Предисловие // *Матвей Меховский* Трактат... С. 24).

[73] *Аннинский С. А* Предисловие // *Матвей Меховский* Трактат... С. 16–20.

[74] *Греков Б* Предисловие // *Матвей Меховский* Трактат... С. VII–VIII.

[75] Там же. С. VIII.

исторического процесса происходит в Москве, Татарии, Литве и даже родной ему Польше». Таким образом, исторические экскурсы Меховия в историю русских земель и Московии, с точки зрения Б. Грекова, являются проекцией актуальных для его времени явлений и процессов на историческую ситуацию. Этим оправдываются многие ошибки и упущения Меховия, в том числе «фантастичность» историко-этнографического очерка, в котором рассказывается о народах Сарматий, непонимание политического смысла действий московских князей в ходе присоединения Новгорода и ряд других[76].

Оценка свидетельств о прошлом и современном положении Руси, представленных Меховием на страницах *Трактата о двух Сарматиях*, дана польским исследователем Л. Базылевым[77]. Этот автор относит упомянутое сочинение к памятникам «польско-латинской политической литературы» и призывает задуматься о том, в какой степени содержащаяся в нем информация может свидетельствовать об адекватном восприятии России в тогдашней Польше.

С одной стороны, ценность этих сведений подвергается сомнению. Основанием для столь скептического отношения, по мнению Л. Базылева, является стремление Меховия не столько провести глубокое исследование славянского востока, сколько вызвать публикацией своих сочинений «шум» в стране и за границей. Л. Базылев упрекает польского историка в том, что он, воспользовавшись острой потребностью просвещенной публики в информации о восточной части Европы, при написании своего сочинения не позаботился в должной степени о полноте и точности его содержания[78]. Критикуя Меховия, Л. Базылев ссылается на выводы своих польских коллег, нередко оценивавших отраженную в *Трактате о двух Сарматиях* информацию о Руси как «недостоверную», «кишащую ошибками», некритическую, а подход автора «почти дилетантским»[79]. При перечислении недостатков сочинения Меховия он делает акцент на перегруженность его работы «историческими выводами» в ущерб точности географического описания.

С другой стороны, Л. Базылев признает необходимость оценки сочинений польских писателей XVI в. как комплексных историко-географических трудов, полагая при этом, что восприятие действительности их авторами нельзя «идентифицировать с нынешним». Поэтому

---

[76] *Греков Б.* Предисловие // *Матвей Меховский.* Трактат... С. X.

[77] *Базылев Л.* Россия в польско-латинской политической литературе XVI в. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 132–156.

[78] Там же. С. 134–135.

[79] Там же. С. 137–138.

дилетантизм и слабость фактической основы произведений польских историков, по мнению Л. Базылева, можно оправдать тем, «что в Польше Россией интересовались, что интерес отражался в конкретных, хотя и не всегда точных сведениях и что это получило соответствующий отклик за границей, где также нуждались в этой информации»[80].

Ю. А. Лимонов, характеризуя *Трактат о двух Сарматиях* в качестве источника знаний об истории Руси, также обратил внимание на эпоху его появления, главной особенностью которой, по его мнению, было начало прямого военного противостояния Польши и Москвы после битвы под Оршей 1514 г. Ю. А. Лимонов полагает, что трактат Меховия призван был сыграть «определенную политическую роль», а именно преследовал цель «обратить внимание Европы на Польшу и ее столкновение с Россией»[81]. Этими актуальными запросами Ю. А. Лимонов объясняет стремление польского автора показать не столько историю, сколько современное состояние «Сарматий». Исторические и историко-этнографические известия о Руси, весьма скупо представленные в *Трактате о двух Сарматиях*, Ю. А. Лимонов называет «вспомогательными» и считает их основной целью – «дать историческую перспективу»[82]. Фрагменты текста этого сочинения, отражающие русскую историю, подвергаются Ю. А. Лимоновым текстологическому анализу – сопоставляются с текстом хроники Длугоша, которым непосредственно пользовался Меховий[83].

Польская хроника как источник представлений о прошлом Руси и Московии в меньшей степени привлекала внимание исследователей, нежели *Трактат о двух Сарматиях*. Отметим здесь посвященный данному вопросу раздел монографии Ю. А. Лимонова, в котором этот автор главным образом сосредоточил свое внимание на сопоставлении свидетельств по истории Руси, представленных на страницах *Польской хроники*, со свидетельствами Длугоша и фрагментами использовавшихся последним русских летописей. Ю. А. Лимонов оценивает содержащиеся в хронике Меховия фрагменты, посвященные описанию русской истории, как редкие, отрывочные и лаконичные по форме и признает их «полную и абсолютную» зависимость от хроники Длугоша[84]. Однако, несмотря на характеристику этого сочинения как «плохой компиляции», Ю. А. Лимонов обращает внимание на тот факт, что «именно через *Хронику Польши* Меховия европейский

---

[80] *Базылев Л.* Россия в польско-латинской политической... С. 141.
[81] *Лимонов Ю. А.* Культурные связи... С. 100–101.
[82] Там же. С. 102.
[83] Там же. С. 109.
[84] Там же. С. 112.

читатель познакомился с сочинениями Длугоша и русскими летописями», поскольку главный труд патриарха польской историографии, как мы уже говорили, в полном объеме не был опубликован вплоть до начала XVIII в.[85]

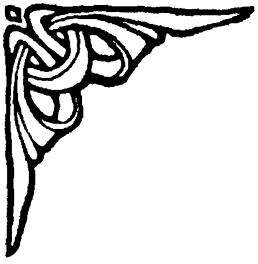
В свете последнего тезиса для понимания всей полноты вклада в изучение истории Руси польскими учеными эпохи Возрождения интерес представляют также исследования, посвященные особенностям восприятия сведений о русской истории, нашедших отражение на страницах сочинений Меховия, в трудах его последователей – историков второй половины XVI в. Данной проблематике были посвящены работы А. И. Рогова, обратившегося к изучению влияния наследия Меховия на историографическую деятельность Бельского и Стрыйковского[86].

Подводя итог нашему обзору научных исследований, касавшихся данной проблематики, отметим, что интерес к вопросу формирования исторического образа Руси на страницах сочинений Меховия, как правило, проявляли лишь авторы, публиковавшие свои работы на русском языке. Каких-либо серьезных попыток изучения данного вопроса в Польше не предпринималось[87], что выглядит очевидным упущением, если принять во внимание масштабы интереса современных польских исследователей к данному аспекту исторических взглядов Длугоша и других выдающихся польских историков того времени.

[85] *Лимонов Ю. А.* Культурные связи... С. 110.

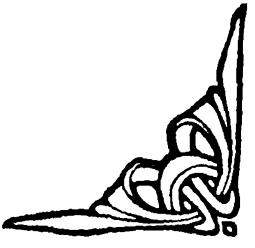
[86] *Рогов А. И.* Известия по истории Киевской Руси в хронике Мацея Стрыйковского и их источники // Краткие сообщения Института славяноведения, 1964. Вып. 42. С. 54–55.

[87] Исключением является польскоязычная версия упомянутой нами выше статьи Л. Базылева. См.: *Bazylow L.* Rosja w polsko-łacińskiej literaturze politycznej XVI wieku // Slavia Orientalis. 1974. № 1. S. 3–20.



Глава 3

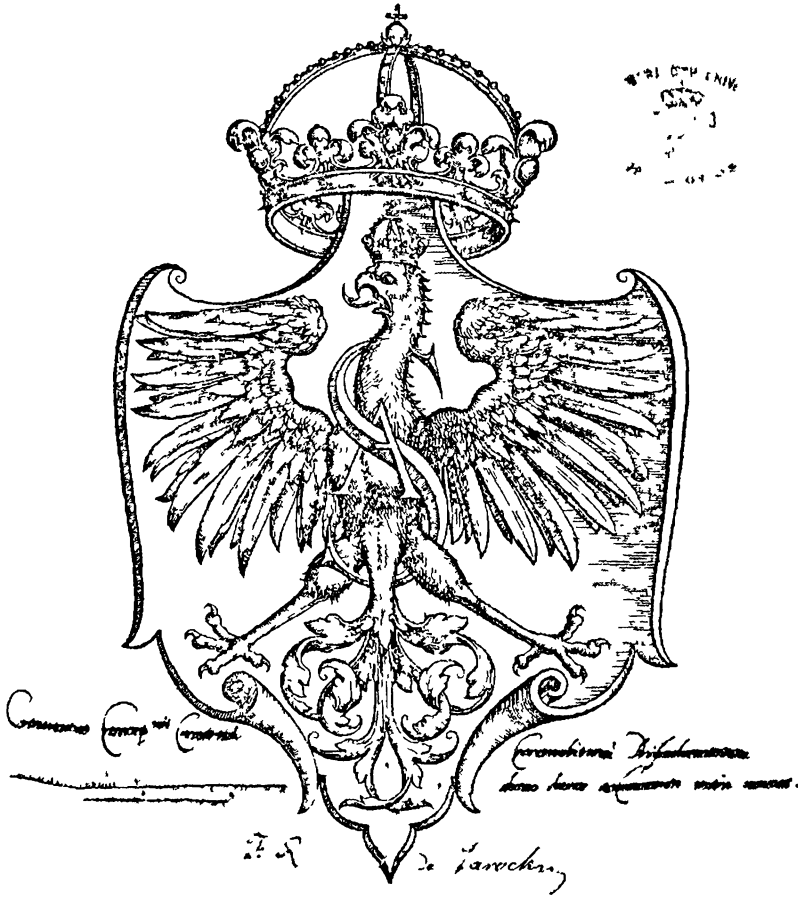
«Русские» и «московские» известия в хронике Мартина Кромера



MARTINI CROMERI

DE ORIGINE ET REBVS GESTIS
POLONORVM LIBRI XXX.

Adiecta est in fine, eiusdem autoris funebris Oratio,
SIGISMVNDI Regis uitam com-
pendiosè complexa.



Cum Cæs. Maiest. gratia & priuilegio
ad annos decem.

BASILEAE PER IOAN-
nem. Oporinum.

Широкое распространение публикаций трудов Матвея Меховия способствовало росту интереса западноевропейских интеллектуалов к славянским народам «Европейской Сарматии». В 20–40-х гг. XVI в. к данному вопросу на страницах своих сочинений обращались многие известные писатели[1]. Впрочем, их экскурсы в историю русских и московских земель носили отрывочный характер, «терялись» среди известий о современном положении этих стран, не были упорядочены и не подтверждались ссылками на заслуживающие доверия источники, а нередко и вовсе основывались на домыслах. В польских исторических сочинениях этого времени – трудах Иодокуса Людовика Деция[2] и Бернарда Ваповского[3] мы также

[1] Прежде всего, здесь следует отметить сочинения Павла Иовия, Альберта Кампенского, Иоганна Фабри и других европейских авторов. Подробнее об этом см.: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / сост., авт. ввод. ст., примеч., указ. О. Ф Кудрявцев. М., 1997. 408 с.

[2] Секретарь польского короля Сигизмунда I Иодокус Людовик Деции по собственной инициативе написал историческое сочинение, которое было опубликовано в Кракове одновременно с *Польской хроникой* Меховия в 1521 г. Его труд был разделен на три книги, представлявшие собой описания различных эпох в истории Польши и не имел общего названия. 1-я книга *De vetustatibus Polonorum* посвящалась истории страны в доягеллонскую эпоху, 2-я книга *De Jagellonum Familia* – достижениям династии Ягеллонов, 3-я книга *De Sigismundi Regis Temporibus* – первым пятнадцати годам правления короля Сигизмунда.

[3] Хроника официального историографа Польского королевства Бернарда Ваповского, написанная по заказу короля Сигизмунда I, представляла собои обзор истории польского народа и государства с древнейших времен до 30-х гг. XVI в. Историк скончался в 1535 г. и не успел позаботиться о публикации своего сочинения. В связи с этим его труд получил распространение в рукописнои форме и потому был известен лишь узкому кругу читателеи Лишь в 1589 г. была опубликована заключительная часть этого сочинения, описывавшая события эпохи, современной его автору (см.: Bernardi Vapovii Fragmentum Sigismundi Senioris Regis Poloniae <...>. Coloniae Agrippinae, M D.LXXXIX).

не обнаруживаем полноценного обзора истории Руси и Московии. Эти авторы, прежде всего, стремились уделить внимание событиям новейшего времени, подробно описывали лишь взаимоотношения Польши и Литвы с Московским государством в первые десятилетия XVI в. Таким образом, содержавшиеся как в польских, так и зарубежных сочинениях сведения по интересующему нас вопросу могли служить лишь дополнением к «универсальной» концепции истории русских земель, нашедшей отражение в трудах Длугоша и Меховия.

В условиях наметившегося застоя в разработке интересующей нас темы событием огромного научного и культурного значения становится публикация в 1549 г. «записок» о «Московии» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна[4]. Хотя это сочинение не позиционировалось как исторический труд, оно содержало описание истории Руси и Московии, причем, что особенно ценно, материалом для него послужили сведения собранные Герберштейном в Москве. Таким образом, казавшееся незыблемым первенство польских историков в изучении прошлого и актуального положения восточных регионов Европы было оспорено, что привело к активизации исследований данной проблематики в Польше, появлению трудов, способных составить конкуренцию трактату Герберштейна.

С этой задачей блестяще справился Мартин Кромер (Martin Cromer, 1512–1589), которому удалось создать «универсальный» исторический труд, в полной мере отвечающий стандартам гуманистической историографии и тем самым поддержать престиж польской исторической школы за рубежом.

Кромер был одним из самых образованных людей своего времени. В молодости он изучал гуманитарные науки в университетах Кракова, Падуи и Болоньи, где был удостоен степени доктора права, а в зрелые годы приобрел опыт административной работы в канцелярии гнезнинского архиепископа Петра Гамрата и при дворе короля Сигизмунда Августа. Выполняя ответственные дипломатические поручения польского монарха, Кромер также получил известность в высших политических кругах Европы. Вторая половина его жизни была связана с церковной службой. Венцом карьеры Кромера становится его назначение в 1579 г. на престижную должность варминьского епископа[5].

---

[4] Нами использовалось третье латинское издание этого сочинения Герберштейна (см.: Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain <...>. Basileae, 1551).

[5] Подробнее о биографии Кромера см.: *Grzybowski S* Marcin Kromer czyli Kariera snoba // Pisarze staropolscy. Warszawa, 1997. T. 2. S. 43–70.

Историческая хроника Кромера *О происхождении и деяниях поляков* (De origine et rebus gestis Polonorum; далее по тексту – *De origine et rebus*) была впервые опубликована в 1555 г.[6] Она содержала описание истории польского народа и государства, а также соседних стран Восточной Европы с древнейших времен до 1506 г. и приобрела огромную популярность, как в Польше, так и за рубежом. Только при жизни Кромера этот труд переиздавался четыре раза – в 1558[7], 1568[8], 1582[9] и 1589[10] гг., всякий раз за границами Польши, в ведущих типографиях Базеля и Кёльна. В текст хроники Кромер постоянно вносил изменения и дополнения, самостоятельно готовил ее к переизданиям[11]. В 1562 г. был опубликован немецкий перевод этого сочинения, выполненный базельским профессором Генрихом Панталеоне[12], а в 1611 г. – перевод на польский язык Марчина Блажевского[13], который неоднократно переиздавался в XVIII и XIX вв.[14] Уже в наши дни Е. Старнавский перевел на современный польский язык две заключительные главы хроники Кромера[15]. В польских библиографических описаниях XIX в. также содержатся сведения о существовании рукописного перевода этого сочинения Кромера на русский язык, однако не сообщается о его публикации, либо местонахождении[16].

---

[6] Martini Cromeri de origine et rebus gestis Polonorum libri XXX <...>. Basileae, 1555. 702 c.

[7] Martini Cromeri de origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Recogniti ab autore <...>. Basileae, 1558. 710 c.

[8] Martini Cromeri de origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Tertium ab autore diligenter recogniti <...>. Basileae, 1568. 468 c.

[9] Martini Cromeri de origine et rebus gestis Polonorum Chronicon // Polonicae Historiae Corpus <...>. Basileae, 1582. T. 2. P. 402–833.

[10] Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia, sive de origine et rebus gestis Polonorum libri XXX <...>. Coloniae Agrippinae, 1589. P. 1–458.

[11] Лишь однажды – в 1582 г. хроника Кромера была опубликована базельским издателем Иоганном Писторием без согласия автора.

[12] Mitnächtischer Völckeren Historien in welcher viler Nationen, als nammlich der Polen, deren Slauen, Pomeren, Reüssen, Moscoviten, Preüssen, Ungaren, Walachen, Schlesier, Littauweren, Wenden <...>. Erstlich durch den Hochgelerten Herren Martinum Chromer auss Poland zu latein fleyssig beschrieben. Basel, 1562. 407 ; 458 c.

[13] Kronika Marcina Kromera Biskupa Warmińskiego O sprawach, dziejach y wszystkich inszych potocznościach koronnych polskich: ksiąg XXX przez Marcina Błazowskiego na polski język przetłumaczone <...>. Kraków, 1611. 599 c.

[14] Kronika Marcina Kromera Biskupa Warmińskiego // Zbior dziejopisow polskich. Warszawa, 1767 T. 3. 786 c.; Kronika Polska Marcina Kromera Biskupa Warmińskiego ksiąg XXX <...>. Sanok, 1857. 1500 c.

[15] *Marcin Kromer.* Mowa na pogrzebie Zygmunta I oraz O pochodzeniu i o dziejach Polaków księgi XXIX i XXX / Wstęp, przekład i opracowanie Jerzy Starnawski. Olsztyn, 1982. 31 ; 223 c.

[16] *Estreicher K.* Bibliografia polska. T. 2. Kraków, 1872. S. 494.

Структура *De origine et rebus* оставалась неизменной во всех четырех авторских редакциях – труд Кромера был разделен на 30 книг, каждая из которых посвящалась периоду правления одного или нескольких польских монархов. В свою очередь, первые 13 книг делились на главы, которые в большинстве своем не нумеровались, но имели заголовки, позволявшие тематически разделить материал каждой главы хроники. Как правило, главы также посвящались периоду правления того или иного польского монарха, однако встречаются также разделы, титулы которых указывают на «проблемную» направленность излагаемого в них материала.

В «хронографическую» композицию труда Кромера не вписывается лишь 1-я книга, написанная в стиле полемического трактата и являвшаяся блестящим образцом монографии (если ориентироваться на критерии научного знания и стандарты его трансляции, принятые во второй половине XVI в.). Здесь автором была предпринята попытка разрешения проблемы происхождения как славян в целом, так и отдельных славянских народов, были описаны их взаимоотношения на ранних стадиях этногенеза. Для достижения этой цели Кромер вступает в заочную полемику с оппонентами, выдвигает собственные гипотезы, обосновывает их, пользуясь основанной на «здравом смысле» техникой научного доказательства. В последующих книгах, преимущественно на основе польских источников, последовательно излагалась история Польши, а также Руси, Литвы, Венгрии и Пруссии (во фрагментах, посвященных международным отношениям). Очерк новейшей истории, в котором правление польского монарха Сигизмунда I описывалось в форме «речи» на похоронах этого монарха (Oratio in funere... Sigismundi), был написан еще в 1548 г. и включался в состав хроники в качестве приложения.

При создании хроники Кромером был привлечен широкий спектр исторических сочинений предшественников и современников. В отличие от Длугоша и Меховия, автор *De origine et rebus* не скрывает от читателя своих источников и перечисляет их в специальном реестре, которым предварялась 1-я книга его труда. Список Кромер составляет в алфавитном порядке. В первой редакции хроники в нем фигурируют 50 «персоналий» и наименований, а в пятой – заключительной редакции он был расширен до 58 позиций. В их число были включены как польские, так и зарубежные источники Кромера, на которые этот автор ссылается и в тексте хроники, причем в отдельных случаях приводит точные цитаты, или же рекомендует читателю обратиться к конкретному разделу (главе или книге) привлеченного им сочинения.

В качестве своих польских «информаторов» Кромер упоминает «монаха Галла» (Gallus monachus)[17], «польского анонима» (Anonymos

[17] Галл Аноним.

Polonus)[18], Бернарда Ваповского (Bernardus Vapovius), Яна Длугоша (Ioannes Dlugossus), Иоста Людовика Деция (Iostus Ludovicus Decius), Матвея Меховского (Matthias Miechouiensis) и Винцентия Кадлубка (Vincentius Cadlubcus). Несмотря на обилие имен, не приходится сомневаться в том, что главными польскими источниками «русских» и «московских» известий автора *De origine et rebus* были сочинения Длугоша и Меховия. Не вполне очевиден масштаб использования Кромером материалов из хроники Ваповского, в связи с тем, что это сочинение не было опубликовано и не сохранилось до наших дней в полном объеме (была утеряна первая его часть, содержавшая описание периода истории Польши и других стран Восточной Европы до 1380 г.)[19]. Таким образом, содержавшиеся в хронике Ваповского сведения по истории русских земель могут быть реконструированы лишь на основе ссылок на его известия более поздних авторов, в том числе Кромера[20].

Большая часть сочинений зарубежных авторов, фигурирующих в списке источников Кромера, была использована в 1-й книге хроники, где излагались ключевые гипотезы происхождения славян, в том числе обосновывалось древнее происхождение русского и московского народов. Для решения данной задачи польский историк привлекает библейские тексты (мы находим ссылки на Септуагинту, отдельные фрагменты Св. Писания – книгу Бытия и книгу пророка Иезекииля), а также стремится убедить читателей в том, что им непосредственно использованы сочинения авторитетных писателей древности и средневековья: Бероса Халдейского (Berosus Chaldaeus)[21], Плиния[22], Корнелия Тацита[23], Иосифа Еврейского (Iosephus Hebraeus)[24],

---

[18] Кромер подразумевает под «польским анонимом» неизвестного автора Великопольской хроники.

[19] Подробнее об этом см.: *Grygel S* Proba rekonstrukcji zaginionej czesci Kroniki Bernarda Wapowskiego // Studia Źródłoznawcze. 1964. T. 9. S. 106–115.

[20] Наряду с Кромером, на хронику Ваповского также ссылались авторы польскоязычных исторических трудов второй половины XVI в. Марчин Бельский и Мачей Стрыйковский.

[21] Речь идет о так называемой хронике Псевдо-Бероса, содержавшей описание древнейшей истории человечества. Это сочинение, приписывавшееся вавилонскому историку IV–III вв. до н. э. Беросу, на самом деле являлось более поздней подделкой. Тем не менее, к нему проявили интерес многие средневековые и ренессансные авторы, представлявшие разные страны Европы.

[22] См. примеч. 14 к гл. 2.

[23] См. примеч. 16 к гл. 2.

[24] См. примеч. 12 к гл. 2.

Страбона[25], Птолемея Александрийского (Ptolemeus Alexandrinus)[26], Евсевия Кесарийского[27], св. Иеронима[28], Павла Диакона[29] и Иоанна Зонары[30]. Для верификации некоторых русских известий в последующих книгах Кромером были привлечены свидетельства западноевропейских средневековых и ренессансных авторов: Саксона Грамматика[31], Ламперта Шаффнабургского[32], Луитпранда[33], Сабеллика[34], Кранца[35], Бонфини[36] и др.

---

[25] Страбон (Strabo) – древнегреческий географ и историк I в. до н. э. – I в. н. э. Автор не сохранившихся до наших дней *Исторических записок*, содержавших описание истории древних народов и государств. Огромной ценностью для ученых эпохи Возрождения обладала *География* Страбона, содержавшая подробное описание цивилизационного ареала античности и являвшаяся итогом изысканий греческих и римских ученых предшествующего периода. Несколько книг этого сочинения посвящались описанию Восточной Европы.

[26] См. примеч. 13 к гл. 2.

[27] Евсевий Кесарийский (Eusebius Caesariensis) – древнеримский историк христианства III–IV вв., автор *Церковной истории* и ряда агиографических сочинений.

[28] Св. Иероним Стридонский (Hieronymus) – раннехристианский теолог IV–V вв. один из «отцов» церкви, переводчик текстов Св. Писания на латинский язык.

[29] См. примеч. 33 к гл. 2.

[30] Иоанн Зонара (Zonaras) – византийский историк XII в., автор обстоятельного описания всеобщей истории, содержавшего сведения об истории стран Восточной Европы, в том числе славянских народов.

[31] Саксон Грамматик (Saxo Grammaticus) – датский историк XII в., автор *Деяний данов*, содержавших сведения об истории народов северной Европы.

[32] Ламперт (Lambertus) – немецкий историк XI в. известный как Ламберт Херсфельдский. Кромер называет его Лампертом «Шаффнабургским» (Schaffnaburgensis).

[33] Луидпранд (Luitprandus) – епископ Кремонский, оставивший записки о современных ему событиях X в. Кромер ошибочно называет его Лиудпрандом.

[34] Марк Антонио Сабеллик (Sabellicus) – псевдоним Марка Антонио Коцция (Marcus Antonio Coccio), итальянского историка второй половины XV – начала XVI в., автора первого гуманистического описания всеобщей истории, опубликованного в Венеции в 1498 г. под названием *Энеады, или поэма истории.*

[35] Альберт Кранц (Albertus Crantius) – немецкий историк второй половины XV – начала XVI в., автор нескольких сочинений, в которых описывалась история Германии. Наиболее известны из них *Хроника Саксонии* и *Описание Вандалии.*

[36] Антоний Бонфини (Antonius Bonfinius) – историк XV в., уроженец Италии, написавший историю Венгрии по заказу короля Матиаша Корвина.

Важнейшим источником познаний Кромера об истории славянского востока является трактат Сигизмунда Герберштейна[37]. Его автор не только включен в список источников, но также был удостоен польским историком обстоятельной «персональной» характеристики в 1 и 30-й книгах хроники, которая корректировалась и дополнялась от издания к изданию[38]. Кромер делает акцент на славянском происхождении Герберштейна, а также характеризует его как «знатока многих вопросов и регионов», «старательнейшего исследователя» (Sigismundus Gerbersteinus, Slavus genere, vir plurimarum rerum et regionum... diligentissimus indagator), собравшего сведения о происхождении и истории московского народа благодаря пребыванию в Москве в качестве посланника «цесаря Максимилиана» к князю Василию[39]. В третьей редакции, вышедшей в свет уже после смерти Герберштейна, описание несколько изменено за счет добавления новых важных деталей: польский историк называет автора *Записок о Московитских делах* своим другом (mihi amicus), а также сообщает о его официальном статусе «советника и главного казначея Австрии» при дворе «императора Фердинанда, короля Богемии и Венгрии»[40]. Наконец, в редакции 1589 г. характеристика Герберштейна еще раз была скорректирована – повторив все сказанное выше, Кромер указывает также на то обстоятельство, что этот автор трижды (так!) был послом у князя Московии (dum ter apud Principis eius... legatione fungitur) и добавляет, что сведения об истории Московии им были получены «из анналов ее народа и разговоров с очевидцами» (in Moschovia sua, ex eius gentis annalibus et sermonibus)[41].

Столь пристальное внимание польского автора к творчеству австрийского дипломата не случайно: Кромер испытывал существенный дефицит сведений по истории восточнославянских земель, так как, в отличие от Длугоша, он не знал русского языка и потому едва ли мог

---

[37] *Записки о Московитских делах* Герберштейна были опубликованы шестью годами раньше первой редакции хроники Кромера и к тому времени выдержали уже два издания.

[38] Эти изменения можно объяснить особенностями биографии Кромера. С 1558 по 1564 г. – в период между публикациями второго и третьего издании *De origine et rebus* – он возглавлял польскую дипломатическую миссию при императорском дворе в Вене, где, очевидно, лично познакомился с Герберштейном.

[39] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 15, 656.

[40] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1568. P. 9 10.

[41] Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia... P. 9.

непосредственно использовать восточнославянские летописи. Впрочем, сам автор *De origine et rebus* пытается убедить нас в обратном, указывая в числе своих источников некие «русские анналы» (Annales Russorum). Вместе с тем, содержание фрагментов хроники, в которых Кромер ссылается на эти анналы, за редким исключением находит соответствие в трактате Герберштейна.

Известия по истории русских земель мы обнаруживаем в большинстве книг хроники Кромера. Наибольший интерес для нас представляет **1-я книга**, где изложена его авторская концепция происхождения восточных славян, которая постоянно дорабатывалась и обновлялась, и в каждом последующем издании хроники выглядела по-иному.

В редакциях 1555 и 1558 гг. (здесь структура и содержание 1-й книги идентичны) вопрос этногенеза восточных славян в той или иной степени был затронут в I, IX, X и XII главах. В I главе под выносной глоссой «Slavorum populi» (Славянские народы) Кромер, обрисовывая контуры славянской общности, упоминает в числе славянских народов восточнославянские этнические группы[42]. В дальнейшем двум из них – «руссам» и «московитам» дается более подробная характеристика.

В IX главе под глоссой «Moschi» Кромер рассуждает о происхождении имени московского народа: выдвигает и обосновывает собственную версию его ранней этнической истории[43]. В качестве источников здесь привлечены книга Бытия (Genes. 10), сочинение Птолемея (Ptol., lib. 5, cap. 9, et 13), *Естественная история* Плиния (Plin. nat. hist., lib. 9, cap. 27; lib. 6, cap. 9 et 10), *География* Страбона (Strabo lib. 11. Georga) и труд «Иосифа Еврейского» (Ioseph. ant. lib. 1, cap.11). Их известия польский историк соотносит со свидетельствами о происхождении имени московитов, представленными в сочинении Герберштейна[44], благодаря чему имеет возможность связать воедино эти данные в целях создания собственной концепции истории этого народа.

Хотя X главе присвоен титул *Истинное происхождение славян* (Vera Slavorum origo), в ней содержатся сведения, касающиеся, прежде всего, происхождения имени и народа «Руссии»[45]. Таким образом, польский историк в данном случае все сказанное о русских относит к славянам вообще. В этом разделе Кромер информирует читателя своей хроники о территории Руси, различных вариантах номинации ее народа, но главным образом уделяет внимание доказательству «сарматской»

---

[2] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 1.

[4] Ibid. P. 14.

[44] Ibid. P. 15.

[45] Ibid. P. 16 17.

генезы русских посредством их отождествления с племенами роксолан, что позволяло польскому историку внести коррективы в теорию общеславянского этногенеза (именно этим обусловлено кажущееся на первый взгляд нелогичным расхождение в названии и содержании X главы) При этом Кромер опирается на «авторитеты»: помимо уже упоминавшихся нами выше трудов Птолемея (lib. 3, cap. 5), Страбона (lib 7) и Плиния (lib. 4, cap. 12), привлечены также анналы Тацита (Tacit annal, lib. 17), известия Павла Диакона и Саксона Грамматика, позаимствованные из неназванных сочинений. В XII главе, имеющеи заголовок *Название и происхождение руссов* (Russorum denominatio et origo), эти сведения дополнены «альтернативными» гипотезами происхождения Руси со ссылкой на книгу пророка Иезекииля (Ezech., cap. 38 et 39)[46] и известия Герберштейна, причем последние представляются как «собственное мнение руссов» об их происхождении[47].

Этот полемический очерк, призванный прояснить вопрос происхождения русского и московского народов, в третьем издании *De origine et rebus* был скорректирован и в сокращенном виде изложен в VIII главе 1-й книги, представленной под заголовком *Народы Сарматии* (Sarmatiae populi)[48]. Отметим существенную разницу в наполнении этой главы ссылками на авторитетные мнения древних авторов в третьей и пятой редакциях хроники. В издании 1568 г. появляются ссылки на энциклопедию Гая Юлия Солина (Solin. Polyhist, cap. 20) [9], тогда как в последней авторской редакции исторического сочинения Кромера изложение значительно «облегчено». Здесь мы находим всего несколько ссылок на труды Птолемея, Страбона, Тацита и Герберштеина. Вместе с тем, в арсенал источников польского историка впервые было включено сочинение Зонары, в частности, приведены его реляции об имени «руссов». Каких-либо изменений в концепции Кромера, по сравнению с третьим изданием хроники, мы здесь не обнаруживаем. В данном случае автор ограничился лишь редакторской правкой этого принципиально важного раздела своего труда.

2-я книга *De origine et rebus* посвящена описанию событии дохристианской эпохи в истории Польши и разделена на 16 глав. В составе главы, посвященной польскому князю Пясту, под выноснои глоссои

---

[46] Ibid. P. 18.

[47] Ibid. P. 19.

[48] Martini Cromeri de origine et rebus. . Basileae, 1568 P. 9 10

[49] Гай Юлий Солин (Solinus) римский писатель III в , автор популярнои исторической энциклопедии *Polyhistor* представлявшеи собои компиляцию свидетельств Плиния и Светония.

«Russiae principatuum initium» (Начало княжения в Руссии) Кромер помещает краткий очерк ранней этнополитической истории Руси, завершающийся упоминанием о превращении Киева в «столицу Русской империи» (Kiovia sedes Russice imperij). Его содержание существенно отличается от описаний Длугоша и Меховия благодаря тому, что источником познаний автора хроники здесь, вне всякого сомнения, являлся труд Герберштейна, хотя сам Кромер на него в данном случае не ссылается и апеллирует напрямую к «собственным анналам руссов»[50]. В заключительной редакции хроники данный фрагмент дополнен свидетельством о войнах русских князей в Булгарии и Греции со ссылкой на сочинение Зонары[51].

В **3-й книге**, охватывающей эпоху правления первых трех христианских монархов Польши – Мечислава I, Болеслава Храброго и Мечислава II, Кромер уделяет значительное внимание русской проблематике. Вводная глава этой книги, целиком посвященная «старинным религиям поляков и славян, принятию ими христианского вероучения», содержит сведения о «русских божествах» (Russorum dij)[52], краткий рассказ о крещении Ольги и Владимира[53], а также реляции о некоторых других попытках направления на Русь христианских миссий. Источниками своих познаний Кромер в ранних редакциях хроники называет «русские анналы» и свидетельства Ламберта Шаффнабургского[54], а в заключительной редакции – также сочинение Зонары (Zon. annal., tom 3)[55].

В последующих главах 3-й книги мы находим описание событий на Руси и свидетельства о польско-русских взаимоотношениях второй половины X – начала XI в., которые всецело подчинены логике изложения польской истории. Описывая эпоху правления Мечислава I, Кромер сначала упоминает о войне Руси с Польшей, начавшейся по инициативе князя Владимира, и лишь затем достаточно подробно рассказывает об особенностях внутренней и внешней политики русского государства, делает акцент на деяниях ее князей, кратко свидетельствует о междоусобице наследников Святослава. В этом фрагменте Кромер привлекает сведения из нескольких источников, прежде всего из сочинений Длугоша и Ваповского, а также дополняет свое описание

---

[50] Для сравнения см.: Rerum Moscoviticarum Commentarij... P. 5 ; Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 40–41.

[51] Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia... P. 86.

[52] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 45.

[5] Ibidem.

[54] Ibid. P. 45–46.

[5] Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia... P. 31.

реляциями «Луитпранда», Зонары и Сабеллика (все они касаются русско-византийских отношений). В какой мере здесь привлечены известия Длугоша, а в какой Ваповского – сказать трудно из-за сложностеи с реконструкцией текста хроники последнего. Также непросто дать определенный ответ на вопрос о степени использования Кромером реляций Герберштейна. Приведем несколько примеров подтверждающих очевидность таких заимствований. В частности, Длугошем не упомянут инициатор распри Святославичей Свенельд, который был известен и Герберштейну (Svuadolte) и Кромеру (Svenceldo)[56]. Кроме того, автор *De origine et rebus* всячески акцентирует неизвестныи Длугошу факт рождения Владимира «конкубиной»[57] Святослава Малушей (Malussa concubina), о чем также был осведомлен Герберштеин[58]. Таким образом, можно предположить, что из хроники Ваповского заимствовались лишь те немногочисленные свидетельства, которые не были известны ни Длугошу, ни Герберштейну[59].

В составе главы, посвященной деяниям «короля Болеслава I, названного Храбрым», ключевое значение приобретает описание «русской войны» этого польского монарха. Здесь автор *De origine et rebus* следует событийной канве сочинения Длугоша и без какой-либо критики воспроизводит некорректную хронологию своего предшественника .

---

[56] Rerum Moscoviticarum Commentarij... P. 7 ; Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 49.

[57] Конкубина – термин восходящий к римскому праву, обозначавшии свободную женщину, находившуюся в длительной и открытои сексуальной связи с мужчиной, состоявшим в законном браке.

[58] В отличие от Кромера, который ограничивается упоминанием о том что Владимир был рожден конкубиной Малушей, Герберштеин дает более подробную характеристику матери Владимира: «Maluscha erat in gynaecio Olhae quam impraegnaverat Svuatoslaus, et ex ea Vuolodimerum susceperat» (Rerum Moscoviticarum Commentarij... P. 7), которую можно соотнести с реляциеи древнерусского летописца: «Володимеръ бо бъ отъ Малуши ключницъ Ользины» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69п).

[59] К таковым, в частности, относятся свидетельства Кромера о покорении во времена правления Владимира и обложении данью булгар, кроатов вятичеи дулебов и языгов, «которых наши зовут язувингами», а также успешных воннах с печенегами, о чем ни в хронике Длугоша, ни в записках Герберштеина не упоминалось.

[60] Обе даты во всех редакциях хроники Кромера подтверждены ссылками на хронику Длугоша: Deinde anno Christi 1008, quemodo Dlugosso placet Russicum bellum eum exepit...» (Martini Cromeri de origine et rebus.. Basileae 1555. P. 56) ; Hoc bellum anno post Christum natum 1018 consectum est, ut vult Dlugossus (Ibid. P. 63).

Вместе с тем, Кромер старается избежать механического повторения реляций Длугоша, по-своему трактует названия некоторых русских городов[61] и произвольно изменяет имена отдельных исторических деятелей[62]. Рассказ Длугоша о междоусобной войне на Руси, предшествовавшей вторжению польской армии, Кромером сокращен до нескольких информативных фраз, тогда как киевский поход и три сражения армий под предводительством Болеслава и Ярослава описаны очень подробно[63]. Таким образом, Кромер следует примеру Меховия – ограничивается изложением сведений, позаимствованных у «многословного» Длугоша в рамках относительно кратких рассказов. Какой-либо критики в адрес предшественника здесь мы не обнаруживаем. Кромер не соглашается с реляцией Длугоша и высказывает собственное мнение по интересующему нас спектру вопросов лишь однажды: под выносной глоссой «Ложная причина русской войны» им оспаривается предположение о том, что второй поход Болеслава на Русь произошел из-за отказа князя Ярослава дать согласие на брак этого польского короля с его сестрой[64].

Говоря о русских походах Болеслава, Кромер также указывает на отсутствие упоминаний об этих войнах в «русских анналах»[65]. Последняя оговорка позволяет нам лишний раз убедиться в существенном влиянии на изыскания Кромера свидетельств Герберштейна, в сочинении которого также нет известий о русско-польских войнах, относящихся к этому времени[66].

4-я книга *De origine et rebus* описывает период правления королей Казимира I и Болеслава II. «Русские» известия, относящиеся к этому

---

[61] Полоцк, известный Длугошу в качестве административного центра удела сына Владимира Изяслава, у Кромера в ранних редакциях хроники ассоциируется с Пултуском (Pultuscum), а Туров, доставшийся Святополку – с Тверью (Turoviam, nescio an Tuueram potius). См.: Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 57.

[62] Вот лишь несколько примеров путаницы в именах: сын кн. Владимира Ярослав, получивший от отца в удел Ростов, назван Кромером Яромиром, советника кн. Ярослава Буды (Budy), который, согласно реляции Длугоша, командовал русскими войсками во время войн с армией Болеслава I, Кромер называет Блудом (Blud).

[6] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 57–58.

[64] Ibid. P. 63.

[5] Ibid. P. 58.

[66] В сочинении Герберштейна изложение ранней этнополитической истории Руси прервано на сообщении об убийстве и канонизации Бориса и Глеба, после чего сразу же упоминается Владимир Мономах (Rerum Moscoviticarum Commentarij .. P 9).

времени, представляют собой некритические парафразы Длугоша. В составе главы, посвященной эпохе правления Болеслава II, представляет интерес сообщение Кромера о разделении русского княжества между сыновьями Ярослава. Этому вопросу польский автор уделяет повышенное внимание в связи с тем, что правящие династии Руси и Польши были породнены в результате династического брака. Детали этой реляции, в целом, совпадают с данными Длугоша[67]. Вызывают интерес два обстоятельства: 1) ссылка при перечислении сыновей Ярослава и их уделов на Ваповского; 2) упоминание факта смерти шестого сына Ярослава Владимира, умершего еще при жизни отца, который не был известен Длугошу и может быть также отнесен на счет Ваповского[68].

Привлекает внимание и реляция Кромера о первой воине русских с половцами. Сами факты заимствованы у Длугоша, однако им сопутствует краткое описание половецкого народа, происхождение которого вызывает немалый интерес. В хронике Длугоша половцы не были удостоены какой-либо характеристики – впервые о них подробно писал Меховий. Что любопытно, Кромер не поддерживает его версию, а высказывает свое собственное предположение о происхождении имени этого народа, а также воспроизводит гипотезы, касающиеся этногенетических связей половцев с другими народами, «наших» (nostrates) и венгерских писателей (Ungarici scriptores)[69].

Кромер со ссылкой на Длугоша и Ваповского достаточно подробно описывает междоусобицы наследников Ярослава и даже пытается сопоставить их известия с данными «русских анналов». На сей раз он критикует русского летописца, реляции которого характеризует как недостаточно полные и недостоверные по сравнению с известиями польских авторов, прежде всего за то, что в летописях не уделено внимания «ни Болеславу, ни польской войне», а также проигнорированы все знаменитые деяния поляков на Руси[70]. Описывая поход Болеслава II

---

[67] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P 79 ; Historia Polonica Joannis Długossi <...>. Dobromili, 1615. P. 219.

[68] В Лаврентьевской летописи о смерти Владимира Ярославича упоминается под 1052 г. (ПСРЛ. Т. 1... Стб.160).

[69] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P 79

[70] Русские летописи действительно предельно лаконично описывают «польскую войну» – ей посвящается небольшой рассказ, помещенный под 1069 г (ПСРЛ. Т. 1... Стб. 173–174), который по идеологической направленности и содержанию в корне противоречит обстоятельному рассказу Длугоша, создающего впечатление масштабной войны. Кромер склонен доверять Длугошу и обращает свою критику на русские летописи, знакомство с которыми видимо было очень поверхностным (в данном случае оно достаточно для того чтобы констатировать их «неинформативность»)

на Русь, автор *De origine et rebus* выступает в качестве добросовестного пересказчика Длугоша, при этом не только не добавляет ничего нового, но и сохраняет в неизменном виде композицию своего предшественника. Например, в самом начале описания русской войны, подобно Длугошу, Кромер излагает внешнеполитические планы польской короны, а также указывает на причины конфликта с Русью в форме «обращения к воинам» (Oratio Boleslai regis ad milites)[71]. Завершается описание войн Болеслава II на востоке так же, как и у Длугоша, рассказом о «разнузданности польских женщин» (Polonorum foeminarum petulantia) во время длительного пребывания короля и солдат польской армии в Киеве[72]. В заслугу Кромеру в данном случае можно поставить, прежде всего, объединение свидетельств Длугоша, посвященных русской войне Болеслава II и собранных из пяти разных погодных статей, в цельный фрагмент, что, безусловно, облегчило читателю восприятие данного сюжета.

5-я книга включает главы, посвященные польским князьям Владиславу I и Болеславу III. Кромер ограничивается лишь упоминанием о наиболее значимых событиях в двусторонних польско-русских отношениях. Польский автор акцентирует внимание на конфронтации с Польшей русских князей Василько, Володаря и Ярополка, свидетельствует о женитьбе Болеслава III на русской княжне, приводит примеры предоставления убежища в Польше отдельным русским князьям. Главным источником познаний Кромера было сочинение Длугоша, из которого заимствуются не только факты, но и некоторые амплификации, подвергавшиеся незначительным изменениям. Характерным примером является перенос в хронику Кромера фрагмента 4-й книги хроники Длугоша, содержавшего текст вымышленного обращения киевского князя Ярополка к другим князьям Руси (Jaropleci oratio ad Russos suos), в котором содержался призыв к неповиновению полякам[73].

В **6-й книге** *De origine et rebus* мы находим описания русских войн Казимира II, оказывавшего поддержку лояльным Польше князьям Руси. Сообщая о них, Кромер ссылается не только на Длугоша, но и на хронику Винцентия Кадлубка[74]. Под 1185 г. без ссылки на источник Кромер помещает рассказ содержательно идентичный реляции Длугоша о вмешательстве Венгрии во внутренние дела Руси, спровоцировавшем

---

[71] Для сравнения: Historia Polonica Ioannis Długossi... P. 242 ; Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 82.

[72] Для сравнения: Historia Polonica Ioannis Długossi... P. 256–257 ; Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 88.

[73] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 129–130.

[74] Ibid. P. 164.

длительную войну Польши и Венгерского королевства за контроль над Галицким княжеством, завершившуюся заключением «прочного мира» между двумя державами[75].

7-я книга посвящена эпохе правления Лешека Белого и других польских князей, оспаривавших его право на княжеский трон (Мечислава Старого, Владислава Тонконогого, Генриха Бородатого, Конрада Мазовецкого). «Русские» известия здесь актуализированы в связи с возвышением Романа Галицкого. Кромер подробно описывает взаимоотношения этого князя с Польшей, делая акцент на «милостях» польских монархов, позволивших этому русскому монарху укрепить свои политические позиции на Руси и «неблагодарности» Романа, обратившего оружие против своих покровителей. Реляции Кромера здесь полностью основаны на Длугоше. Хотя прямых ссылок мы не обнаруживаем, заимствование не вызывает сомнений, так как в обоих сочинениях не только совпадают отдельные детали повествования, но и одинакова идеологическая направленность оценок описываемых событий[76].

Представляет интерес реляция Кромера о Галицкой войне, начавшейся после гибели Романа Галицкого, в которой приняли участие русские князья, половцы, поляки и венгры. О ней польский автор говорит с сомнением, указывая на то обстоятельство, что упоминал об этих событиях один лишь Длугош, тогда как ни в венгерских источниках, ни у Винцентия Кадлубка эта информация, по результатам изысканий самого Кромера, не подтверждается. Поэтому историк предупреждает читателя своей хроники о том, что о Галицкой войне он осведомлен лишь по хронике Длугоша, реляции которого кратко пересказывает, дополнив собственными оценками и критическими замечаниями в адрес своего главного информатора, который, по мнению Кромера, весьма путано описал эти события[77].

Еще один важный «русский» фрагмент 7-й книги – описание первого столкновения Руси с татарами и связанных с ним изменений в системе международных отношений в Восточной Европе. Любопытно, что этот сюжет Кромер представляет преимущественно на основе сочинений Меховия, доказательством чему может служить характеристика стран региона как «обеих Сарматий» (Sarmatiam utranque), которая не встречается у Длугоша. Кромер посвящает описанию татарской угрозы русским землям яркий и динамичный рассказ, в котором дает краткую

[75] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 165 168.

[76] Для сравнения: Historia Polonica Ioannis Długossi... P. 531 535 ; Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 182.

[77] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 184.

характеристику татарскому народу, указывает районы его местонахождения и особенности политической организации татар. Здесь же содержится характеристика половцев, для которых, по свидетельству Кромера, татары также представляли огромную угрозу. Данное описание лишь в некоторой степени повторяет характеристику половцев в 6-й книге *De origine et rebus* Оно дополнено новыми деталями, причем некоторые из них были вновь скорректированы в тексте пятой редакции хроники[78].

8-я книга (описан период с 1229 по 1250 г.) практически не содержит «русских» известий. Их игнорирование в данном случае также является весьма важным показателем позиции Кромера, который лишь одной фразой указывает на то, что Русь была разорена и покорена татарами.

В **9-й книге** описывается вторая половина правления польского князя Болеслава Стыдливого – период с 1252 по 1279 г. Здесь в центре внимания Кромера оказывается деятельность русских князей Даниила и Шварно (Suarno). Сообщение о коронации Даниила не датировано. Кромер в большей степени пишет о политических предпосылках и последствиях этого события, в целом ориентируясь на те оценки, которые мы обнаруживаем и в хронике Длугоша.

Представленное в хронике Длугоша пространное описание захвата Люблина – важнейшей военно-политической акции Даниила, Кромер «сворачивает» до одной фразы[79]. Князь Шварно удостоен большего внимания: описаны два «вероломных» нападения этого князя на Польшу, однако источник познаний Кромера здесь не столь очевиден. О первой акции Шварно Кромер упоминает сразу после сообщения о коронации Даниила, утверждая, что эти действия непосредственно направлялись «королем Руси»[80], хотя об этом ничего не говорилось в хронике Длугоша. В описании второго похода Шварно, датированного 1265 г., о смерти Даниила говорится как о свершившемся факте[81], что никак не сочетается с хроникой Длугоша, датировавшего смерть этого монарха 1266 г.[82] Можно предположить, что путаница могла возникнуть под влиянием разной последовательности описания этих двух событий –

---

[78] Для сравнения: Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 186–187 ; Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia... P. 128.

[79] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 231.

[80] Ibid. P. 233.

[81] Ibid. P. 235.

[82] Длугош сообщает о второй войне Шварно с Польшей и смерти Даниила под одним и тем же 1266 г., но именно в такой последовательности (Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. T. 4. Cracoviae, 1975. P. 149–150, 153–155), тогда как русские летописи датируют смерть Даниила 1264 г.

смерти Даниила и второго похода Шварно – в других источниках, доступных Кромеру. Так, к примеру, в Великопольской хронике о смерти Даниила (De obitu Danielis regis Russie) упоминается в 147-й главе, тогда как о второй войне Шварно с поляками – в 149-й главе[83].

В **10-й книге** Кромер практически в неизменном виде воспроизводит фрагмент хроники Длугоша, посвященный разгрому армии русского князя Льва, сына Даниила, приводит данные об огромных потерях русских и разорении их земель войсками Лешека Черного[84].

В **12-й книге** Кромер сообщает о произошедшем в XIV в. включении части русских земель в состав Польши. Рассказ об этом важнейшем событии предваряется кратким историческим очерком развития польско-русских отношений, который, несомненно, принадлежит самому Кромеру и служит своеобразным идеологическим обоснованием расширения польских владений за счет Руси[85]. Факты излагаются на основе 9-й книги хроники Длугоша[86]. Кромер пересказывает сообщения Длугоша о поводе для вмешательства Польши во внутренние дела Руси, описывает важнейшие акции Казимира Великого, благодаря которым эти планы были воплощены в жизнь[87], уделяет внимание конфликту с Литвой в борьбе за приграничные русские территории. Реляции Кромера в основном согласованы с хроникой Длугоша – путаница происходит лишь с именами литовских князей, которые контролировали Владимирскую землю: Кромер оспаривает верность свидетельства Длугоша о том, что Владимир находится в руках Кейстута и на этом месте видит Любарта. Кроме того, в хронике Кромера мы обнаруживаем еще один любопытный «полемический» фрагмент, в котором автор ставит под сомнение свидетельство Длугоша о завоевании Владимира поляками и высказывает предположение, что Длугош путает Владимир и Галич, поскольку первый, по замечанию Кромера, его предшественник продолжает причислять к литовским владениям[88]. Таким образом, отношение Кромера к «русским» известиям Длугоша не было пассивным – в имевшемся в его распоряжении историческом материале этот историк пытается обнаружить ошибки и противоречия.

---

[83] Chronica Poloniae Majoris // Monumenta Polonica Historica. Ser. Nov. Warszawa, 1970. T. 8. P. 120–121.

[84] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 247.

[85] Ibid. P. 301.

[86] Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. T. 5. Warszawa, 1978. P. 215–217.

[87] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 302.

[88] Ibid. P. 308.

В **13-й книге** Кромер в рамках небольшого фрагмента рассматривает два вопроса, имеющие отношение к русской истории: положение католической церкви на Руси и усиление венгерского присутствия в Галиче, а также на других русских землях, захваченных Казимиром Великим. Эти вопросы рассматриваются в связке из-за того, что именно «король венгерский и польский Людовик», по свидетельству Кромера, приложил немало усилий для укрепления позиций католического вероучения в Галицкой Руси. Польский историк рассказывает о планах Людовика основать два епископства во Владимире и Перемышле, а также архиепископство в Галиче, о чем этот монарх просил разрешения через своего посла у папы Григория XI. Источником Кромера в данном случае были венгерские хроники и, прежде всего, сочинение Антонио Бонфини, на которое дана ссылка. Для полноты картины Кромер в этом фрагменте приводит также свидетельства Длугоша об основанном «еще раньше» архиепископстве во Львове. Также по Длугошу и Бонфини Кромер описывает ситуацию с постепенным вытеснением поляков венграми в Галиче – со ссылкой на последнего приводятся имена четырех венгерских наместников, управлявших Русью «от имени Людовика» (Russiam Ludovici nomine cum imperio obtinuerunt)[89].

К теме польско-венгерской борьбы за Галицкую Русь Кромер возвращается в последующих двух книгах своей хроники. В **14-й книге** он свидетельствует о том, что после смерти Людовика венгры отдали полученные от него «префектуры» на Руси «за огромное количество золота и серебра луцкому князю Любарту», и таким образом, констатирует Кромер, литовцы с этого времени «узурпировали» Волынь (в редакции хроники 1589 г. эта фраза была исключена из основного текста, но указание на «передачу» Волыни венграми литовцам сохранилось в выносной глоссе)[90]. В **15-й книге** мы находим краткое сообщение о военном походе королевы Ядвиги в целях возвращения Польше русских крепостей и изгнании «венгров и силезцев», которое идентично соответствующей реляции Длугоша[91].

Кромер не проявляет особого интереса к вопросам истории взаимоотношений Руси и Литвы – в его хронике мы не обнаруживаем каких-либо сведений о подчинении русских земель литовским князьям. Однако заключение династической унии Польши и Литвы включает в сферу его интересов целый ряд новых вопросов – и, прежде всего, интересующую нас проблему взаимоотношений Литовского княжества с его

[89] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 331.
[90] Ibid. P. 337 ; Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia... P. 233.
[91] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 359.

восточными соседями – Смоленском и Москвой. Во фрагментах, посвященных описанию событий, происходивших до конца XIV столетия, никаких упоминаний об этих землях в хронике Кромера нет (что было характерно и для сочинений его предшественников). Свидетельства о событиях на восточных границах Литвы можно встретить уже в 15-й книге, где кратко упоминаются Рязань, Орша и Витебск в описаниях междоусобных войн и внешнеполитических акций литовских князей[92]. В **16-й книге** Кромер свидетельствует о вторичной победоносной войне великого литовского князя Витольда против «мятежного» Смоленска при поддержке поляков, в результате которой «все это княжество было превращено в провинцию» (principatum omnem in formam provinciae redegit)[93]. В **19-й книге** мы находим краткое упоминание о походах этого же князя против «свободных народов» Новгорода и Пскова[94].

Первые упоминания о Московском государстве относятся к эпохе Василия I, которого Кромер знает как зятя Витольда[95]. Отношения между родственниками и их государствами характеризуются в хронике поразному – приведены примеры «дружественных» взаимоотношений, а также военных столкновений. В частности, Кромер подробно описывает литовско-московскую войну 1406 г., и, ориентируясь на хронику Длугоша, объединяет в одном фрагменте его свидетельства о походах Витольда 1406 и 1408 гг. Под выносной глоссой «Moschi» этот рассказ был дополнен кратким экскурсом в историю Москвы[96], который, в свою очередь, сопровождался напоминанием о том, что данный вопрос уже был освещен в 1-й книге хроники.

К «московской» проблематике Кромер также обращается в двух последних книгах своего сочинения. **29-я книга** содержит рассказы

---

[92] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 362.

[93] Ibid. P. 372.

[94] В первом издании хроники Кромер свидетельствует о походе Витольда лишь против «новгородских русских» (*contra Novogrodensibus Rusis bellum intulit.* См.: Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 426), а в редакции 1589 г. добавляет также, что военная акция была предпринята и против их «соседей псковичей» (*Piscovensium vicinis* См.: Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia... P. 295). Оба эти похода были подробно описаны Длугошем и, в связи с этим, не вполне понятно, почему Кромер проигнорировал реляцию своего предшественника об акции литовского князя против Пскова в первой редакции хроники.

[95] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 362.

[96] Ibid. P. 375.

о захвате «мосхами» Новгорода (Novogrodum captum a Moschis) и присоединении к владениям московского князя других русских земель, находившихся в сфере влияния Литвы. В реляции о присоединении Новгорода Кромер всецело ориентируется на Длугоша и Ваповского, причем отмечает разночтения между их известиями в изложении отдельных деталей. Представляет особый интерес фрагмент, в котором описывается переход северских князей (Russorum Severiensium principes) на сторону Москвы, о чем Кромер сообщает под 1491 г.[97] Происхождение полного текста этой реляции не связано ни с одним из известных нам исторических трудов. О нем не упоминают ни Меховий, ни Ваповский, и лишь Герберштейн дает краткую ремарку о северских князьях, которые «повиновались князьям Литвы, но передали себя под власть Моска» (imperio Mosci se tradunt)[98]. Все это дало основание Л. Финклю высказать предположение о том, что источником познаний Кромера в данном случае была устная традиция[99].

«Московские» известия заключительной **30-й книги** *De origine et rebus* основаны на реляциях Меховия, Ваповского и Герберштейна. Здесь Кромер уделяет особое внимание московско-литовским отношениям, прежде всего военным конфликтам конца XV – начала XVI в. между «великим князем мосхов Иоанном» (Ioannes magnus dux Moschorum) и литовским князем, а впоследствии польским королем Александром. Следует отдать должное польскому историку, который не ограничивается здесь лишь описанием фактов, но также дает политическую оценку потенциалу противоборствующих сторон, пытается объяснить причины их противостояния и неудач литовского государства[100]. Ссылаясь на Герберштейна, Кромер излагает «московскую» точку зрения на причины войны, которая датирована 1499 г., а также добросовестно передает его краткий рассказ о ходе и результатах этого конфликта[101]. Под 1502 г. описана вторая война, развязанная «Мосхом» в целях захвата Смоленска, в ходе которой, по свидетельству Кромера, московской армией командовал «сын великого князя Ивана и шурин короля Александра» Дмитрий, установивший, по итогам не увенчавшегося успехом смоленского похода, перемирие на шесть лет[102]. Об этой войне не упо-

---

[97] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 639–640.

[98] Rerum Moscoviticarum Commentarij... P. 12.

[99] *Finkel L.* Marcin Kromer. Historyk Polski XVI wieku: Rozbiór krytyczny. Kraków, 1883. S. 78.

[100] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 655–656.

[101] Rerum Moscoviticarum Commentarij... P. 12.

[102] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. P. 660.

минает Герберштейн, и потому главным источником Кромера в данном случае становится хроника Ваповского.

Последним заслуживающим нашего внимания свидетельством автора *De origine et rebus* о новейшей истории Московского государства становится его пространная реляция, посвященная результатам правления «московского князя Ивана», поводом для которой послужило сообщение о его смерти. В этот фрагмент Кромер включил свидетельства всех своих предшественников – Длугоша, Меховия, Ваповского и Герберштейна, в связи с чем именно его описание мы можем признать наиболее полным. По понятным причинам упор здесь сделан на внешнеполитических акциях московского князя, а также уделено внимание вопросу спорного престолонаследия в Москве[103].

Результаты историографической деятельности Кромера для своего времени были выдающимися. Его сочинение получило заслуженное признание: было удостоено похвалы польского Сената, известные ученые второй половины XVI столетия, как в личной переписке с Кромером, так и в своих произведениях, подчеркивали достоинства стиля и содержания его трактата, который на многие десятилетия стал образцом латинской научной литературы, а также способствовал популяризации истории Польши за рубежом[104]. При этом рецензентами превозносились как литературные достоинства, так и методологическое новаторство автора сочинения. Показателем популярности хроники были не только упомянутые нами выше ее переиздания и переводы на иностранные языки, но также компиляции и «компендиумы» (сокращенные редакции), издававшиеся поклонниками историографического таланта Кромера в XVI и XVII вв., нередко без ссылки на первоисточник[105].

Вплоть до конца XVIII в. предложенная Кромером трактовка национальной истории Польши исполняла роль историографического канона, на нее ориентировались последующие поколения историков, представлявшие разные страны.

---

[103] Martini Cromeri de origine et rebus... Basileae, 1555. 668.

[104] *Starnawski J* Wstęp // Marcin Kromer. Mowa na pogrzebie... S. VIII ; *Barycz H* Szlakami dziejopisarstwa staropolskiego: studia nad historiografią w. XVI XVIII. Wrocław [etc.], 1981. S. 92–102.

[105] См., например: *Herburt de Fulstin J* Chronica sive Historia Poloniae compendiosa. Basiliae, 1571 ; *Demitrowicz P.* Compendium abo Krotkie opisanie tak Książąt y Krolow Polskich jako spraw przypadkow y dawnych dziejow krolestwa Polskiego z Kroniki Marcina Kromera Biskupa Warmińskiego y inszych <...>. Lubicz, 1625.

Содержательная и методологическая девальвация исторических представлений Кромера произошла лишь под влиянием достижений критической историографии XIX в., что одновременно способствовало объективной научной оценке значения его труда в истории исторической мысли. Значительный вклад в изучение наследия Кромера внесли как специалисты в области истории литературы и общественной мысли ренессансной Польши (М. Вишневский[106], Т. Улевич[107], С. Заблоцкий[108], С. Гжыбовский[109] и др.), так и историки историографии (Л. Голембиовский[110], Л. Финкель[111], К. Тыменецкий[112], Х. Барыч[113], Ю. Раджишевская[114] и др.).

Высочайших оценок была удостоена литературная форма сочинения Кромера, превосходное владение изящной классической латынью и удачная композиция материала. Именно эти особенности, по мнению рецензентов, отличали *De origine et rebus* от средневековых хроник. По выражению С. Заблоцкого, Кромер стремился создать «прозаическую эпопею», излагал исторический материал «в изысканной форме, моделью для которой служили античные образцы»[115]. Эта тенденция, во многом отвечавшая требованиям ренессансной литературной моды, сделала хронику Кромера одной из самых читаемых исторических книг своего времени, что объективно способствовало популяризации представленного на ее страницах исторического материала.

---

[106] *Wiszniewski M.* Historia literatury polskiej. T. 7. Kraków, 1845. S. 396–402.

[107] *Ulewicz T* Sarmacja: Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków, 1950. S. 93–102.

[108] *Zabłocki S* Od Renesansu do Oświecenia: Z dziejów inspiracji klasycznych w literaturze polskiej. Warszawa, 1976. S. 127–128.

[109] *Grzybowski S* Marcin Kromer... S. 43–70.

[110] *Gołębiowski Ł.* O dziejopisach polskich, ich duchu, zaletach i wadach. Warszawa, 1826. S. 94–96.

[111] *Finkel L* Marcin Kromer. Historyk Polski XVI wieku: Rozbiór krytyczny. Kraków, 1883.

[112] *Tymieniecki K* Zarys z dziejów historiografii polskiej. Kraków, 1948. S. 25–27.

[113] *Barycz H* Szlakami dziejopisarstwa staropolskiego... S. 72–123.

[114] *Radziszewska J* Warsztat naukowy Marcina Kromera [1512–1589] w jego dziele «De origine et rebus gestis Polonorum» // Prace Naukowe / Uniw. Śląskiego w Katowicach. 1982. № 525: Historia i Współczesność. 6. S. 131–162 ; *Radziszewska J.* Źródła Marcina Kromera do dzieła «De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX» // Studia Warmińskie. 1989 [druk: 1994]. T. 26. S. 225–234.

[115] *Zabłocki S* Od Renesansu do Oświecenia... S. 127.

Не столь однозначны оценки научного метода Кромера. Говоря о положительных чертах историографического подхода этого автора, исследователи указывали на гуманистический характер его манеры изложения исторического материала и, как правило, признавали достижения Кромера прогрессивными по сравнению с опытом предшественников, прежде всего Яна Длугоша. В заслугу автору *De origine et rebus* были поставлены реализм и исторический объективизм, способность к упорядочиванию материала в соответствии с избранными критериями, объединение разрозненных описаний событий, позаимствованных у более ранних историков, «прагматической связью»[116]. Наконец, очевидно прогрессивным достижением Кромера, по заключению С. Гжыбовского, следует признать сознательное применение им научных методов в историографии, которая его современниками все еще воспринималась как один из жанров художественной литературы[117].

Вместе с тем, высказывались и критические замечания в адрес историографического метода Кромера. Чаще всего это были упреки в компилятивности: механическое перенесение фрагментов исторического материала, главным образом из хроники Длугоша, а также сочинений Меховия и Ваповского. М. Вишневский усматривает в таком подходе этическую проблему, полагая, что Кромер, «переодев его [Длугоша] хронику в подходящие выражения, легким способом приобрел огромную славу»[118]. Сравнивая Кромера с Длугошем, Л. Финкель называет Длугоша «великим историком в одеянии хрониста», тогда как его последователь характеризуется как «сухой средневековый хронист в одеянии историка»[119].

Несмотря на акцентирование отдельных изъянов исторического сочинения Кромера, исследователи старопольской историографии, тем не менее, в целом склонны признавать его бесспорное научное и социально-политическое значение. В частности, Х. Барыч полагал, что историческая концепция автора *De origine et rebus* заслуживает определения «национального исторического синтеза» (narodowa synteza dziejowa), под которым этот исследователь подразумевал специфический способ видения и интерпретации исторических явлений и процессов, устанавливающий самостоятельную точку зрения в оценке исторических событий, создающий образ прошлого в соответствии со взглядами,

[116] *Barycz H.* Kromer Marcin // Polski slownik biograficzny. 1970. T. 15. S. 323.
[117] *Grzybowski S.* Marcin Kromer... S. 55.
[118] *Wiszniewski M.* Historia literatury polskiej... S. 398.
[119] *Finkel L.* Marcin Kromer... S. 70.

стремлениями и целями, характерными для определенной замкнутой исторической эпохи[120]. «Исторический синтез» Кромера, по мнению Х. Барыча, блестяще выполнил эту задачу, поскольку именно после публикации его хроники в распоряжении польского общества оказался «образ истории, в полной мере согласованный с тогдашними целями польского правительства и установками его внешней политики»[121]. Таким образом, сочинение Кромера было включено в арсенал средств осуществления актуальной государственной политики Польши, предоставило весомые аргументы для ее исторического обоснования.

К изучению «русских» и «московских» известий Кромера в рамках специальных работ исследователи вплоть до настоящего времени практически не обращались. Российские историки нового времени – В. Н. Татищев и Н. М. Карамзин хорошо знали хронику Кромера, использовали ее при написании своих сочинений, на страницах которых можно встретить ссылки на свидетельства этого автора, впрочем, весьма немногочисленные.

В XX в. «русские» известия Кромера интересовали исследователей, как правило, в качестве источника знаний об истории Руси других польских авторов. Так, А. И. Рогов в монографии, посвященной историографической концепции Мачея Стрыйковского, выявил случаи заимствования Стрыйковским известий *De origine et rebus*, определил роль этого сочинения в сравнении с другими источниками (трудами Длугоша, Меховия и Ваповского). К концепции истории Руси, содержавшейся в хронике Кромера, А. И. Рогов не проявил интереса, ограничившись указанием на то, что этот автор «был ценен для Стрыйковского, в первую очередь, как историк, располагавший дополнительными, по сравнению с Длугошем, русскими летописями и даже сопоставлявший эти летописи с тем, что имелось у его славного предшественника»[122]. Таким образом, А. И. Рогов не только не сомневался в том, что Кромер использовал русские летописи при написании своего труда, но и считал несомненным достижением этого автора критическое отношение к данному источнику.

Надо сказать, что польские исследователи, обращавшиеся к изучению источников хроники Кромера, либо вовсе игнорировали вопрос использования им «русских анналов» (например, Л. Финкель), либо,

---

[120] *Barycz H* Szlakami dziejopisarstwa staropolskiego... S. 72.

[121] Ibid. S. 84.

[122] *Рогов А И* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966. С. 41.

признавая факт такого использования, выражали недоумение в связи с тем, что данный автор в своем сочинении крайне редко ссылается на русские летописи при описании истории Руси и отдает предпочтение источникам иностранного происхождения[123].

Б. Н. Флоря обратил внимание на идеологическое значение концепции истории Руси Кромера в контексте развития русско-польских отношений на рубеже средних веков и нового времени. С его точки зрения, сопоставление представлений о русской истории, отразившихся в хрониках Длугоша, Меховского и Кромера, позволяет проследить эволюцию польских политических концепций в период «инкорпорации» Великого княжества Литовского в состав Польской короны[124]. По мнению исследователя, несмотря на «идейную преемственность» сочинений этих авторов, именно в сочинении Кромера происходит «резкое повышение удельного веса восточноевропейских проблем», в числе которых важное место занимали вопросы истории возникновения Московского государства и соотношения между «Московским» народом и народом «Русским». В структуре его хроники появилась особая глава, посвященная данной проблематике. Б. Н. Флоря полагает, что подобного рода смещение акцентов в работе историка, дипломата и советника Сигизмунда II было не случайным и свидетельствовало о «смещении сферы интересов польской правящей элиты на Восток», «солидаризации с литовской внешнеполитической программой» и, в конечном итоге, преследовало цель ее историко-правового обоснования под влиянием угрозы, порожденной «деятельностью великорусского политического центра»[125].

Белорусская исследовательница А. Семянчук, напротив, обращает внимание на то обстоятельство, что Кромер в структуре своей хроники, в отличие от других исторических трудов второй половины XVI в., никак не акцентирует «русские» известия, не посвящает этому вопросу «специального раздела о Литве и Руси, какой позже появился у М. Бельского и М. Стрыйковского»[126].

Несмотря на некоторые достижения наших предшественников в изучении концепции истории Руси Мартина Кромера, в целом степень

---

[123] *Radziszewska J* Warsztat naukowy Marcina Kromera... S. 151.

[124] *Флоря Б Н* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 22.

[125] *Флоря Б Н* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы... С. 23.

[126] *Семянчук А А* Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі. Гродна, 2000. С. 117.

проработки этой темы представляется неудовлетворительной. Прежде всего, требуется дальнейшее исследование этногенетической концепции автора *De origine et rebus*, позволявшей путем применения передовой для того времени техники научного доказательства доказать престижное происхождение восточных славян от прославленных народов древности. Нуждается в изучении и вопрос пересмотра Кромером отдельных элементов концепции истории Руси Яна Длугоша, особенно тех ее составляющих, которые были исключены или подверглись существенной корректировке под влиянием свидетельств Сигизмунда Герберштейна.

Глава 4

История русских земель в трудах Марчина и Иоахима Бельских

Kronika wszytkiego swyata/ na ssesc wyekow/ Monarchie czterzy rozdzielona/ s Kozmographia nowa y z rozmáitemi krolestwy ták pogáńskimi/ Zydowskyemi yáko y Krzescyáńskyemi/ s Sybillami y proroctwy ich/ po Polsku pisána s figurámi.

Wktorey tez zywoty Cesarskye/ Papyeskye/ ynszych krolow z ich krolestwy/ Assyryskich/ Egipskich/ Zydowskich/ Greckich/ Perskich/ Tatarskich/ Wegyerskich/ Czeskich/ y innych rozmáitych thák Krolow/ Kxyąząt/ yáko innych przelozonych od początku swyátá áz do thego roku ktory sie pisze 1551. są nápisáne.

Myedzy ktoremi tez nászá Polská ná ostátku zosobná yest wypisána.

RE FACTIS EST VIR

FAMAM EXTENDE

TVTIS OPVS.

Podług oryginału w bibl. Z. Czarneckiego.

Krákowie

[illegible]

Одной из важнейших особенностей интеллектуальной культуры эпохи Возрождения было использование в различных сферах гуманитарного научного знания национального языка. Эта тенденция, наряду с иными сферами познания, затронула также и историографию. В странах Европы одновременно с латиноязычными историческими хрониками трактатами создаются описания национальной истории на немецком, французском, итальянском, чешском и многих других языках. Широкое распространение получает также практика переводов на национальные языки наиболее популярных латиноязычных сочинений.

Польскоязычные исторические публикации в первой половине XVI в. были большой редкостью. На польский язык был переведен лишь *Трактат о двух Сарматиях* Меховия, тогда как историческая хроника этого автора, равно как и латиноязычные исторические сочинения его современников, не были доступны польским читателям на национальном языке[1].

Первым оригинальным (непереводным) польскоязычным историческим трудом, удостоенным публикации, становится *Хроника всего света* Марчина Бельского (Marcin Bielski, 1495–1575), которая издавалась трижды – в 1551, 1554 и 1564 гг. Имя Марчина Бельского значится также на титульном листе *Польской хроники*, опубликованной в 1597 г., спустя двадцать два года после смерти этого историка. Однако вопрос авторства этого произведения спорен, поскольку значительный вклад в создание *Польской хроники* внес сын Марчина Бельского – Иоахим (Joachim Bielski, 1550–1599), скромно именовавший себя издателем труда отца[2].

---

[1] Хроника Меховия была переведена на польский язык Станиславом Хвальчевским почти сразу после ее публикации, однако рукопись этого перевода не заинтересовала издателей и была опубликована лишь спустя три столетия (см.: Kronika Polska Stanisława Chwalczewskiego. Warszawa, 1829).

[2] На титульном листе хроники приведена следующая формулировка «Kronika polska, Marcina Bielskiego. Nowo przez Joach. Bielskiego syna iego wydana».

Структура и содержание *Хроники всего света* изменялись Марчином Бельским от издания к изданию.

В тексте первой редакции формально не выделялись книги или главы – материал был разделен по хронологическому либо территориально-географическому принципу, а также специфицировался тематическими заголовками и выносными глоссами. Вводная часть хроники включала Космографию – географическое описание «трех частей света», далее следовал очерк всемирной истории и хроники Венгрии, Чехии и Польши.

Космография, «то есть разделение земли согласно степеням и иным знакам в небесных сферах», представляла собой описание Азии, Африки и Европы. Очерк «истории мира» был разделен польским автором на шесть «веков» и четыре монархии, в соответствии с широко распространенными в его время представлениями о цивилизационном развитии человечества[3], и представлял собой совокупность выстроенных в хронологическом порядке описаний ключевых событий из истории государств Востока и Запада в древности и средневековье, христианства и магометанства, включал обзор истории папства, а также разные по объему рассказы, посвященные отдельным странам и населявшим их народам. В частности, Бельский уделил внимание французам, евреям, готам, вандалам, булгарам, итальянцам, немцам, испанцам, татарам и туркам. Венгерская и чешская хроники по объему значительно превосходили очерки истории вышеупомянутых народов, но уступали описанию польской истории, которое занимает почти половину текста первой редакции *Хроники всего света*.

Текст второй редакции разделен Бельским на четыре книги, а те, в свою очередь, – на разделы. 1-я книга, включающая 43 раздела, посвящена дохристианской эпохе. Здесь описываются первые пять «веков» истории человечества[4]. 2-я книга состоит из 20 разделов и включает очерки истории христианских и магометанских государств – от Древнего Рима до Османской империи[5]. В состав 3-й книги Бельский включил Космографию, перенесенную из вводного раздела первой редакции хроники, которая была дополнена описаниями венгерской, чешской и польской истории, а также новыми главами[6]. В первых двух книгах текст первой редакции дополнен новыми сведениями, но в целом сохраняется ориентация на содержание первого издания. Оригинальный

[3] Источником представлений Марчина Бельского о принципах хронологического членения мировой истории были популярные в середине XVI в. труды швабского гуманиста Иоганна Науклера, историка реформации Иоганна Слейдана и Якуба из Бергамо.

[4] *Bielski M.* Kronika wssythyego swyata na ssesc wieków a na cżwory księgi takiez Monarchie rozdzielona <...>. Kraków, 1554. L. 1–125.

[5] Ibid. L. 126–181.

[6] Ibid. L. 182–305.

материал мы находим лишь в 4-й книге, посвященной Великим географическим открытиям – плаванию Христофора Колумба и других первооткрывателей заморских территорий[7].

Третья редакция *Хроники всего света,* по сравнению с первыми двумя изданиями этого сочинения, была значительно дополнена новым материалом, причем изменения осуществлялись как за счет добавления новых массивов информации, так и за счет переработки ранее написанных разделов. Число книг было увеличено с четырех (во второй редакции) до десяти. Первые две книги были сохранены в неизменном виде. Большая часть нового материала разделена на книги не по хронологическому, а по географическому принципу: отдельные книги были посвящены истории Турции[8], Венгрии[9], Чехии[10], Польши[11], «московского или русского народа»[12], а также Реформации[13], Космографии[14] и описанию Нового Света[15].

---

[7] Ibid. L. 305–333.

[8] 4-я книга – *О Турции и о Скандерберге* (*Bielski M* Kronika, to iesth Historya swiata na sześć wieków i na cztery Monarchie rozdzielona <...>. Krakow, 1564. L. 240v–262).

[9] 6-я книга – *Хроника о Венгерском королевстве* представляла собой описание истории Венгрии с древнейших времен, а также включала главу *О татарском народе*, который Бельский связывал с гуннами, признавал их древними предками венгров (Ibid. L. 296v).

[10] 7-я книга – *Хроника о Чешском королевстве* (Ibid. L. 317v–332).

[11] 8-я книга – *Хроника о Польском королевстве* (Ibid. L. 333–425v) предварялась обращением «ко всему польскому рыцарству» и главой *О начале и происхождении польского народа*, содержание которых было изменено в сравнении с первыми двумя редакциями. Эта книга, помимо «погодного» описания истории Польши, включала также отрывок из хроники Ваповского и главы *О вандалитах, О готах, О прусах, О половцах* и *О Литве.*

[12] 9-я книга – *О народе Московском или Русском, согласно описанию Зыгмунта Херберштына, который туда троекратно ездил в Посольстве от Цесарей Христианских* (Ibid. L. 426–440).

[13] 3-я книга – *Хроники всего света* – представляла собой пересказ сочинения И. Слейдана о реформации, впервые опубликованной в 1556 г. под титулом *Записки о состоянии религии и государства при императоре Карле V* (Ibid. L. 193–239).

[14] 5-я книга – *О Космографии, то есть о разделении мира,* включала позаимствованное из ранних редакций хроники описание трех частей света, а также главы: *О Греции, О славянских землях, О Валахии, Об итальянских землях, О британских островах, Об Испании, О Галлии либо Франции, О немецких странах, О Швейцарской земле, Об Эльзасской земле, О Бельгии, О Швабской земле, О Баварской земле, О Франконии, О верхней Паннонии, О саксах, О Поморской земле, О Датском королевстве, Готты или Готтландия, О Норвежском королевстве, О Шведском королевстве* и ряд других (Ibid. L. 263–295v).

[15] 10-я книга – *Об островах морских вновь открытых, которые могут быть названы новым светом* (Ibid. L. 440v–467v), в состав которои включены главы: *О евреях, О рае, Об аде* и *О воскрешении и судном дне.*

Польская хроника, опубликованная Иоахимом Бельским в 1597 г., представляла собой расширенную, за счет сведений, заимствованных из сочинений других авторов, версию очерка истории Польши *Хроники всего света*. Она была разделена на 6 книг, которые, в свою очередь, подразделялись на главы, посвященные периоду правления тех или иных польских монархов.

Источниками представлений Марчина и Иоахима Бельских об истории Руси и Московии были труды более ранних польских авторов – Меховия, Ваповского и Деция. При написании отдельных фрагментов третьей редакции *Хроники всего света*, а также *Польской хроники*, помимо указанных авторов, использовались сочинения Кромера, Герберштейна и Стрыйковского.

В составе всех трех изданий *Хроники всего света* общую характеристику русских земель мы находим в Космографии, а конкретно – в главе, которая посвящена географическому описанию Польши. Под выносной глоссой «Русь» (Rus) Бельский указывает на «двоякий» характер этой страны, составлявшей, по его мнению, «третью часть Европы»: выделяет «Великую Русь», к которой отнесена «вся Москва» (Moskwa wszystka), и «Малую Русь», к которой отнесены все русские земли, находившиеся «под королевством Польским в Сарматии»[16].

В описании «шести веков и четырех монархий» всемирной истории сведения о русских землях, а также населяющих их народах встречаются очень редко. Тем не менее, упоминания эти крайне важны, поскольку благодаря им Бельский стремится согласовать древнейшую историю восточных славян с историей цивилизационного ареала античности. Так, мы находим упоминания о русских в описании войн древних сарматов с армиями Митридата Евпатора[17]. Русские земли признаются Бельским древней родиной славянских народов[18] и в этом качестве упоминаются в разделах хроники, посвященных этногенезу поляков[19], а также булгар[20] и вандалов[21], в славянском происхождении которых этот польский автор не сомневался. Во второй и третьей редакциях

---

[16] *Bielski M.* Kronika wszytkyego świata na sześć wieków, Monarchie cztery rozdzielona <...>. Kraków, 1551. L. Fiij.

[17] Ibid. L. 35–35v; 155–155v.

[18] Этот тезис Бельский заимствует у Ваповского, на мнение которого он прямо ссылается (Ibid. L. 158–159).

[19] Ibidem.

[20] Ibid. L. 79v.

[21] Ibid. L. 155v–156.

Хроники всего света мы находим также упоминание о происхождении «московского народа» от младшего сына Яфета Мезеха[22].

В описании истории Польши, содержательно идентичном во всех трех редакциях *Хроники всего света*, ранней этнополитической истории русских земель посвящена отдельная глава *О Руси*[23]. Здесь акцент сделан на крещении Руси и деяниях первых русских князей. Источником познаний Бельского является хроника Меховия[24], «русские» фрагменты которой автором *Хроники всего света* переданы почти дословно (в авторском переводе с латыни на польский язык). Лишь отдельные, причем очевидно ошибочные свидетельства о ранней истории Руси были результатом дополнения текста Меховия самим Бельским. Например, рассказывая о выборе веры Владимиром, Бельский указывает на то обстоятельство, что этого русского князя стремились склонить к принятию своей веры татары (Włodzimirz... był namawian s Tatar, aby ich wiarę przyjął)[25], а несколько позже утверждает, что этот русский князь принял крещение «в Царьграде»[26].

В *Польской хронике* упомянутая глава была дополнена и представлена под титулом *О русском народе*[27]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в результате этих изменений в *Польской хронике* была нарушена последовательность описываемых событий характерная для сочинения Меховия. В частности, реляция о войнах Владимира с печенегами предшествует рассказу о крещении этого князя[28]. В такой последовательности события ранней истории Руси излагались лишь

---

[22] *Bielski M.* Kronika wssythyego swyata... 1554. L. 6v.

[23] *Bielski M.* Kronika wszytkyego świata... 1551. L. 165v.

[24] К такому же выводу пришел в свое время А. И. Рогов, который полагал, что Марчин Бельский знал также и труд Длугоша, чему приводит доказательства, с нашей точки зрения не вполне убедительные (*Рогов А И* Известия по истории России в «Хронике всего света» Мартина Бельского // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 125).

[25] *Bielski M* Kronika wszytkyego świata... 1551. L. 166v.

[26] Ibid. L. 167.

[27] Kronika polska, Marcina Bielskiego. Nowo przez Joach. Bielskiego syna iego wydana. Kraków, 1597. S. 54–55.

[28] У Меховия рассказ о походе Владимира на Корсунь и последующем крещении Руси мы находим в III главе 2-й книги (*Mathia de Mechow.* Chronica Polonorum. Craccoviae, 1519. P. XXV–XXVI), тогда как рассказ о противоборстве русских и половцев на реке Трубеже – в X главе той же книги (P. XXXIIII). В той же последовательности эти события излагаются в хронике Длугоша и русских летописях.

в одном источнике второй половины XVI в. – хронике Мачея Стрыйковского, опубликованной в 1582 г.[29] Поскольку Марчин Бельский скончался в 1575 г., едва ли приходится сомневаться в том, что изменения в текст описания польской и русской истории *Хроники всего света* могли быть внесены лишь Иоахимом Бельским, который дополнил соответствующий раздел сочинения своего отца реляциями, заимствованными у Стрыйковского, ориентируясь на последовательность изложения событий в этом источнике. При этом Иоахим, очевидно, не ставил перед собой задачи верификации сведений, содержавшихся в исходном тексте Бельского-старшего, поскольку в *Польской хронике* были воспроизведены все упоминавшиеся нами выше ошибки[30].

События ранней этнополитической истории Руси также освещаются в 9-й книге третьей редакции *Хроники всего света*, которая представляет собой сокращенный пересказ исторического очерка *Записок о Московитских делах* Сигизмунда Герберштейна. Иоахим Бельский включил в *Польскую хронику* некоторые свидетельства из этого раздела, дополнив ими главу *О русском народе* (в самом начале этой главы мы находим заимствованные Бельским-старшим у Герберштейна реляции о происхождении названия «Русь»[31]).

В последующих разделах очерков истории Польши *Хроники всего света* и *Польской хроники* «русские» известия переданы согласно выявленному нами выше принципу. Марчин Бельский поддерживает две линии их изложения: с одной стороны, ориентируется на хронику Меховия (в составе очерка истории Польши во всех трех редакциях) и, с другой стороны, излагает версию Герберштейна (в 9-й книге третьей редакции). Иоахим Бельский объединил обе эти линии изложения, отдавая предпочтение первой, и скомбинировал в своем варианте описания реляции Стрыйковского, Длугоша и Кромера. Остановимся на важнейших «русских» сюжетах, нашедших отражение на страницах *Хроники всего света* и *Польской хроники*.

Большей частью «русские» известия в сочинениях Бельских затрагивают вопросы двусторонних польско-русских отношений.

Уделено внимание русским походам Болеслава Храброго. Марчин Бельский допускает лишь отдельные расхождения с реляциями Меховия,

---

[29] *Stryjkowski M* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiey Rusi <...>. Królewec, 1582. S. 135–139.

[30] Kronika polska... S. 55.

[31] Для сравнения: Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain <...>. Basileae, 1551. P. 1 ; *Bielski M* Kronika, to iesth Historya swiata... L. 427 ; Kronika polska... S. 53–54.

в частности, упоминает о том, что в числе союзников противника польского короля русского князя Ярослава, помимо печенегов, были также и половцы[32], тогда как его предшественник вовсе не упоминает этот народ в своем рассказе о русских войнах Болеслава I[33]. В *Польской хронике* реляция Марчина Бельского о половцах повторяется и дополняется сведениями из хроники Стрыйковского, на что указывает идентичная последовательность изложения событий в сочинениях Стрыйковского и Бельского-младшего[34].

Русская война Болеслава Смелого в *Хронике всего света* также описывается по Меховию. Марчин Бельский ориентируется на его концепцию, которая, как мы отмечали, отличалась от представлений Длугоша (в нее не были включены вымышленные Длугошем подробности, характеризующие польского короля с отрицательной стороны – как развратника и жестокого оккупанта, что, по мнению этого автора, усугубило процесс деморализации польской армии во время ее пребывания в Киеве). Автор *Хроники всего света*, вслед за Меховием, подчеркивает, что Болеслав II достойно вел себя в оккупированном Киеве и «приказал своим рыцарям, чтобы они никакого насилия в городе не чинили»[35]. Аналогичные реляции мы обнаруживаем также и в *Польской хронике*[36].

В дальнейшем Марчин Бельский при описании истории Руси в очерке истории Польши следует хронике Меховия. Он почти дословно воспроизводит значительную часть VI главы 3-й книги этого сочинения, где речь идет о междоусобицах русских князей и их войнах с половцами, а также совместном нападении русских и половцев на Польшу под предводительством половецкого князя Боняка[37]. Упоминание об угрозе польским землям со стороны половцев дает основание Бельскому-старшему охарактеризовать этот народ в разделе *О половцах* (его содержание идентично во всех трех редакциях хроники). Этот раздел включает

---

[32] *Bielski M.* Kronika wszytkyego świata... 1551. L. 168.

[33] Половцы в хронике Меховия впервые упоминаются в главах, посвященных эпохе правления Болеслава II (*Mathia de Mechow.* Chronica Polonorum... P. LI).

[34] Для сравнения: *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska... S. 170–172 ; Kronika polska... S. 58–59.

[35] У Меховия дословно: «Prohibuitque cunctus suis militibus ne spolia et expilationes in cives agerent» (*Mathia de Mechow.* Chronica Polonorum... P. XLVI). Марчин Бельский на польском языке буквально передает эту фразу: «.. przykazal swemu Rycerstwu aby zadnych gwałtow w miescie nie czynili» (*Bielski M* Kronika wszytkyego świata... 1551. L. 173v).

[36] Kronika polska... S. 79–80.

[37] *Bielski M.* Kronika wszytkyego świata... 1551. L. 176–177.

краткий очерк истории половецкого народа, в том числе сведения о его происхождении, значении этнонима, занимаемых территориях, а также отношениях с Русью. Автор хроники не ссылается на источник своих познаний, но в данном случае можно с уверенностью утверждать, что сведения о половцах им были заимствованы не только из сочинения Меховия[38], но также из венгерских хроник (здесь приведен венгерский вариант экзоэтнонима половцев, неизвестный Меховию) и ряда других источников, происхождение которых исследователи, изучавшие историографическое наследие Бельского, не берутся определить[39]. В *Польской хронике* реляция Бельского-старшего о половцах передана дословно[40].

В *Хронике всего света* и *Польской хронике* приведен рассказ о заговоре русских князей против власти поляков, в раскрытии которого ключевую роль сыграл Петр Властович[41]. Источником в данном случае также является хроника Меховия, из реляции которого исключены лишь отдельные второстепенные детали[42].

Еще один «русский» сюжет, который актуализирован в обоих сочинениях, хотя и представлен с разной степенью полноты – польско-русские конфликты в период правления Казимира Справедливого, связанные с «отступлением» от Польши Бреста Литовского, Дрогичина, Галича и Перемышльского края[43]. В *Хронике всего света* воспроизведен соответствующий фрагмент сочинения Меховия[44], а в *Польской хронике* мы впервые (применительно к «русским» известиям) сталкиваемся с прямой ссылкой на Длугоша, что подтверждается деталями повествования, которые могли быть заимствованы лишь из его хроники[45]. Таким образом, Иоахим Бельский при подготовке этого сочинения к публикации обращался непосредственно к сочинению Длугоша для дополнения «русских» известий своего отца. На это обстоятельство может также указывать заимствованная из хроники Длугоша датировка некоторых событий в истории русско-польских отношений в тексте

Mathia de Mechow. Chronica Polonorum... P. CXX. Из сочинения Меховия Марчином Бельским были заимствованы сведения об ареале расселения половцев, их родстве с готами, а также взаимоотношениях с «турецким императором Баязетом».

[39] *Рогов А. И.* Известия по истории России... С. 129.

[40] Kronika polska. . S. 86.

[41] *Bielski M.* Kronika wszytkyego świata... 1551. L. 181v–182 ; Kronika polska . S. 109

[42] *Mathia de Mechow*. Chronica Polonorum... P. LXXX.
Bielski M. Kronika wszytkyego swiata... 1551. L. 187–187v.

[43] *Mathia de Mechow.* Chronica Polonorum... P. CIII.
Kronika pol ka.. S. 130 131

Польской хроники (войны Казимира с русскими князьями датированы в сочинении Иоахима Бельского, как и у Длугоша 1182 и 1185 гг[46], тогда как эти даты не указываются Меховием, а стало быть не фигурировали в сочинении Марчина Бельского). Обращение Бельского-младшего к хронике Длугоша в данном случае мы можем объяснить еще и тем обстоятельством, что в одном из главных источников «русских» известий *Польской хроники* – сочинении Стрыйковского – именно об этих событиях рассказывается очень кратко, из-за чего и могла возникнуть потребность в восполнении недостатка сведений посредством привлечения дополнительного материала из хроники Длугоша.

В *Хронике всего света* вовсе проигнорировано одно из важнейших событий в истории польско-русских отношений – нападение на Польшу Романа Галицкого, завершившееся разгромом русских в битве под Завихостом. Следует отдать должное Иоахиму Бельскому, который в *Польской хронике* восполнил этот пробел. В данном случае он, по всей видимости, воспользовался сочинением Кромера. На это указывают «полемические» акценты в соответствующем фрагменте *Польской хроники*, поскольку из авторов, описывавших эти события, лишь Кромер размышляет о вероятных положительных и отрицательных последствиях принятого решения о передаче власти в Галицком княжестве Роману. Именно его аргументы повторяет Иоахим Бельский, который при описании интересующих нас событий, подобно Кромеру, не выказывает излишней эмоциональности характерной для Длугоша[47].

Хроника Кромера также была источником Бельского-младшего при описании похода Романа на Польшу. На это указывает последовательность излагаемых фактов и некоторые детали повествования в частности, из всех польских авторов, известных Бельскому-младшему, лишь Кромер, свидетельствуя об отказе владимирского «владыки» благословить Романа на поход против Польши, приводит его мнение о том, что «христианин выступающий войной против христиан, не может быть благословен»[48]. Этот аргумент Кромера Иоахим Бельский воспроизводит почти дословно. Мы обнаруживаем лишь одно расхождение с описанием событий 1205 г. в сочинениях Бельского-младшего и Кромера. Автор *Польской*

---

[46] Historia Polonica Joannis Długossi <...>. Dobromili, 1615. P. 489–495.

[47] Для сравнения: Historia Polonica Joannis Długossi... P. 515–517; Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia, sive de origine et rebus gestis Polonorum libri XXX <...>. Coloniae Agrippinae, 1589. P. 120–121 (здесь и далее мы даем ссылку на последнее, пятое издание хроники Кромера 1589 г., которым, по всей видимости, пользовался Иоахим Бельский при написании «Польской хроники»); Kronika polska... S. 137–138.

[48] Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia... P. 126.

хроники утверждает, что, выкупив тело погибшего под Завихостом князя Романа, русские его «погребли в Киеве среди других своих героев» (pochowali miedzy Bohatyry swe w Kijowie)[49], тогда как Кромер и прочие польские авторы называли местом захоронения Романа Владимир[50].

Под 1208 г. Марчин Бельский на страницах *Хроники всего света* описывает конфликт Руси, Венгрии и Польши, связанный с престолонаследием в Галиче, почти буквально пересказывая Меховия[51]. Иоахим Бельский в рассказе о тех же самых событиях ориентируется исключительно на содержание хроники Кромера[52] и при этом вовсе не использует сочинения отца. В концовке этого фрагмента Иоахим Бельский добавляет от себя лишь описание трофеев, доставшихся полякам в результате победы над русскими князьями. По его свидетельству, это были ценности, некогда захваченные сыном Романа Даниилом во время его «набегов» на Грецию, а также богатая казна сбежавшего в Галич «константинопольского цесаря»[53].

Бельские дают краткую справку о войне русско-половецкой коалиции с татарами под 1211 г. Здесь мы не находим каких-либо существенных отличий в описании этого сюжета в *Хронике всего света* и *Польской хронике*, нет также существенных расхождений их свидетельств с реляциями предшественников[54].

В разделах очерка польской истории *Хроники всего света*, посвященных периоду с 1211 по 1339 г., «русские» известия крайне немногочисленны. Вскользь упоминается о разорении Руси татарами. Вовсе не упоминаются князья Даниил и Шварно, несмотря на то, что о них был осведомлен Меховий. Лишь одна фраза посвящена войне Лешко Черного и русского князя Льва. Столь же краток Марчин Бельский в описании «великого мора» на Руси, случившегося в 1288 г.

---

[49] Kronika polska... S. 143.

[50] Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia... P. 126.

[51] *Bielski M* Kronika wszytkyego świata... 1551. L. 192.

[52] Для сравнения: Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia... P. 127–128 ; Kronika polska... S. 143–145.

[53] Kronika polska... S. 145. Эта реляция Бельского-младшего была основана на известиях, содержавшихся в хрониках Длугоша (Historia Polonica... P. 522), Меховия (*Mathia de Mechow*. Chronica Polonorum... P. CXIII) и Кромера (Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia... P. 121) о бегстве константинопольского императора Аскария (в хронике Кромера – Алексия), опасавшегося завоевателей-крестоносцев, «в Галицию к Роману». Эти известия современные исследователи склонны считать вымыслом Длугоша (См.: *Щавелева Н. И* Древняя Русь... С. 442).

[54] *Bielski M* Kronika wszytkyego świata... 1551. L. 192v ; Kronika polska... S. 145–146.

В *Польской хронике*, при той же тенденции снижения интереса к «русской» проблематике, коронации Даниила, а также вторжениям в польские земли князя Шварно посвящаются несколько небольших фрагментов[55]. Иоахим Бельский остается верен себе: он составляет рассказ об этих событиях и оценивает их значение, опираясь на хронику Кромера. Реляции этих двух историков отличаются лишь в одном немаловажном аспекте: тогда как Кромер пишет о том, что Даниил «послал» (misit) своего «племянника» Шварно (sororis filium Suarno) опустошить Мазовию и прочие польские земли[56], Бельский-младший называет Даниила непосредственным участником и зачинщиком этой войны[57]. К хронике Кромера Иоахим Бельский обращается также при описании «зимней» войны 1280 г. Лешко Черного и Льва[58], свидетельство о которой передано без каких-либо изменений.

Под выносной глоссой «Русские земли присоединены к Польше» в обеих хрониках мы обнаруживаем краткий рассказ о важнейших акциях Казимира Великого – осаде Львова, покорении перемышльской, галицкой, львовской, саноцкой, «луковской», владимирской, любачовской, требовельской и ряда других земель[59]. В *Хронике всего света* это описание является дословным переводом на польский язык соответствующего фрагмента сочинения Меховия[60]. Что любопытно, Иоахим Бельский без изменений переносит рассказ отца в *Польскую хронику*, однако дополняет его сведениями из хроники Кромера о разделении русских земель «на воеводства и повяты» по образцу других земель в Польше и о разграничении сфер влияния на Руси между польским королем и тремя литовскими князьями, сыновьями Гедимина Явнутом, Кейстутом и Любартом[61]. В дальнейшем Бельские при описании русской политики Казимира и последующих польских монархов (королевы Ядвиги и Владислава Ягелло) пользуются каждый своим источником: Марчин – хроникой Меховия, Иоахим – сочинением Кромера[62].

---

[55] Ibid. S. 183, 184–185.

[56] Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia... P. 161.

[57] Kronika polska... S. 183.

[58] Ibid. S. 191–192.

[59] *Bielski M.* Kronika wszytkyego świata... 1551. L. 217v ; Kronika polska... S. 228.

[60] *Mathia de Mechow*. Chronica Polonorum... P. CCXXV.

[61] Для сравнения: Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia... P. 207 208 ; Kronika polska... S. 228.

[62] «Русские» известия, которые мы находим в посвященных данному вопросу фрагментах *Польской хроники,* касаются главным образом польско-венгерско-литовского соперничества за русские земли (Kronika polska... S 237, 242, 250, 276).

В разделах, посвященных событиям XV в., мы уже не находим сколько-нибудь содержательных реляций о событиях на Руси и польско-русских отношениях. В то же время приобретает популярность «московская» тематика. Мы уже говорили о том, что Марчин Бельский в Космографии разделял восточнославянские земли на два региона – Великую и Малую Русь. Обратившись к описанию Великой Руси, он представляет на страницах своего сочинения две версии ее истории: «польскую», излагаемую в рамках исторического очерка Польши, и «московскую», излагаемую в 9-й книге третьей редакции *Хроники всего света*.

В очерке истории Польши Москва как самостоятельное государство впервые упоминается под 1403 г.[63], что не вполне верно отражает датировку описываемых событий в сочинениях предшественников Бельского-старшего (Длугоша и Меховия)[64], но по содержанию его свидетельства не содержат ничего нового. Здесь под выносной глоссой «Витольд разгромил Москву» (Witołt Moskwę poraził) описывается его поход против зятя, московского князя Василия. Иоахим Бельский исправляет ошибку отца в датировке походов Витольда (Witułt) и рассказывает о них под 1406 г.[65], явно ориентируясь при этом на реляции все того же Кромера. Однако из своего источника он заимствует лишь описание фактов (обнаруживается лишь одно несоответствие: вместо Угры, лежавшей на пути литовцев по пути в Москву, Бельский-младший упоминает Волгу), но в то же время игнорирует краткий экскурс в историю Московской Руси, который мы находим у Кромера[66].

Под 1477 г. в *Хронике всего света* упоминается о «взятии Новгорода великим московским князем Иваном». В реляции Бельского-старшего содержится упрек, адресованный польскому королю Казимиру Ягеллончику,

---

[63] *Bielski M.* Kronika wszytkyego świata... 1551. L. 231 (в использовавшемся нами экземпляре дефект пагинации – 231 лист пронумерован как 131).

[64] *Mathia de Mechow.* Chronica Polonorum... P. CCLXXVII.

[65] Kronika polska... S. 287.

[66] Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia... P. 261. Столь избирательное изложение материала хроники Кромера в целом было свойственно для Бельского-младшего; в частности, он также игнорирует рассуждения своего предшественника о причинах присоединения к Польше Галицкой Руси, то есть последовательно исключает из повествования те фрагменты, которые носят характер субъективных авторских реляций. Подобная избирательность может свидетельствовать о стремлении историка скрыть несамостоятельный характер своего сочинения, избежать обвинения в плагиате. На верность такого предположения указывает отсутствие ссылок на источники автора *Польской хроники*. Труд Кромера, несмотря на очевидность заимствований, не упоминается Иоахимом Бельским в качестве источника «русских» и «московских» известий его сочинения.

который «оставил без внимания» этот город[67]. Такая оговорка не вполне понятна из-за того, что этот историк, равно как и его информатор Меховий, предшествующих событий из истории польско-литовско-новгородских отношений не описывают. Вместе с тем, именно они давали основание для сожаления по поводу «потери» поляками Новгородскои земли. Этот информационный изъян был устранен Бельским-младшим, который посвятил вопросу развития отношений польско-литовского союза с Псковом и Новгородом два небольших рассказа, датированных 1426 и 1428 гг., в которых речь шла о военных экспедициях Витольда против «вольных» русских городов[68]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что свидетельства Иоахима Бельского на сей раз не только не являются калькой с реляции Кромера, но и значительно содержательнее ее[69]. Если же судить по деталям, источником при описании этих событий в *Польской хронике* могло быть только сочинение Длугоша[70].

О присоединении Новгорода к Москве Бельский-младший упоминает в рамках заимствованного у Кромера рассказа о деяниях московского князя Ивана[71], в который были включены также некоторые свидетельства из хроники Стрыйковского[72]. Здесь же автором *Польской хроники* на основании реляции Кромера упоминается о главном внешнеполитическом успехе московского князя – освобождении Москвы от татарской «неволи»[73].

---

[67] *Bielski M* Kronika wszytkyego świata... 1551. L. 250v.

[68] Kronika polska... S. 327, 329.

[69] Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia... P. 295.

[70] На заимствование из хроники Длугоша указывают некоторые детали повествования Бельского-младшего. В частности, он пишет о том, что Витольд на пути к Новгороду был вынужден собрать десять тысяч «крестьян», которые прорубали путь через лес топорами. Эти подробности мы находим лишь у Длугоша (Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. T. 8. Varsaviae, 2000 P. 244), они не были упомянуты ни Кромером, ни Стрыйковским.

[71] Для сравнения: Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia... P. 430 , Kronika polska... S. 473–474.

[72] *Stryjkowski M* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska.. S. 658. У Стрыйковского Иоахимом Бельским заимствуются сведения о дани, уплачивавшейся новгородцами Литве со ссылкой на «русские летописи», которых мы не находим у Кромера. В частности, упоминается о том, что дань уплачивалась мехами с точным указанием меры (сорок сороков) и разновидностей пушного зверя, шкуры которых передавались литовцам. В прочих известных нам польских исторических сочинениях этих сведении нет и потому заимствование сведений у Стрыйковского в данном случае очевидно

[73] Kronika polska... S 473.

О польско-литовско-московских отношениях конца XV – начала XVI в. в *Хронике всего света* мы находим лишь краткие ремарки[74], ориентированные на хронику Меховия. Лишь в одном случае свидетельство Бельского-старшего содержательнее свидетельства его источника. Автор *Хроники всего света* под выносной глоссой «Московская королева» более обстоятельно, нежели Меховий, описывает дочь московского князя Ивана Елену, которая была выдана замуж за литовского князя Александра, ставшего в 1501 г. польским королем. Марчин Бельский акцентирует внимание на сложностях, возникших в связи с нежеланием Елены перейти в католичество[75]. Поскольку этих подробностей в хронике Меховия мы не находим, можно предположить, что Бельский-старший в данном случае воспользовался альтернативным источником – вероятнее всего сочинениями Ваповского или Герберштейна. В дальнейшем же Бельский-старший остается верен себе: продолжает использовать в качестве главного источника хронику Меховия, в частности, ее свидетельства легли в основу сообщения автора *Хроники всего света* о смерти Ивана III, включавшего краткое описание его достижений и сведения о престолонаследии в Москве[76].

Бельский-младший уделяет значительно больше внимания проблемам отношений Литвы и Польши с Москвой в интересующий нас период. Подробно описывая войну Руси и Литвы 1499–1500 гг., а также сопутствующие ей события, автор *Польской хроники* ориентируется на сочинение Стрыйковского, свидетельства которого пересказываются в сокращенном виде[77]. Исключением является реляция о том, что супруге

---

[74] *Bielski M* Kronika wszytkyego świata... 1551. L. 256, 256v.

[75] Ibid. L. 258v. Этот вопрос был важен для Бельского-старшего, поскольку этот автор был убежденным сторонником протестантских ценностей и отличался критическим подходом к католической церкви. О стойкой приверженности «московской королевы» своей вере, неприятии ею католического обряда Бельский пишет с симпатией.

[76] *Bielski M* Kronika wszytkyego świata... 1551. L. 263.

[77] Для сравнения: *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska... S. 679–682 ; Kronika polska... S. 488–491. Иоахим Бельский игнорирует достаточно важные детали. Так, в рассказе о событиях 1499 г. из двух союзников Москвы, упомянутых Стрыйковским – «перекопского царя» Медликирея и «шурина» московского князя валашского воеводы Стефана, в *Польской хронике* упоминается лишь первый, а из трех известных Стрыйковскому литовских замков, доставшихся московскому государю по итогам воины – Дорогобужа, Залидова и Торопца – Иоахим Бельский упоминает первый и последний. В результате, пространное описание Стрыйковского было сокращено почти вдвое.

короля Александра Елене было отказано в коронации из-за ее приверженности православию. Этот факт Бельский заимствует из другого источника – по всей видимости либо у Кромера, либо у Герберштейна (Стрыйковский этот вопрос не освещает), а также добавляет от себя, что эта ситуация вызвала неудовольствие папы, тем не менее давшего польскому королю специальное разрешение на совместную жизнь с женой, необходимое при различии в вероисповедании супругов, которое соавтор *Польской хроники*, по его собственным словам, самолично обнаружил в метрике[78].

Фрагмент, включающий описание итогов правления Ивана, приуроченный к сообщению о его смерти, Бельский-младший заимствует из хроники Стрыйковского, исключив из описания этого историка некоторые детали[79].

Эпоха правления нового московского князя Василия, начало которой совпало по времени с вступлением на польский трон короля Сигизмунда Старого, рассматривается Бельскими в контексте непростых отношений Московского государства с Польшей и Литвой. Прежде всего, внимание обоих историков привлекает мятеж Михаила Глинского и последовавший за ним новый виток военной конфронтации на восточных границах Великого княжества Литовского, кульминацией которой становится присоединение к московским владениям Смоленска и битва под Оршей 1514 г.

Марчин Бельский при описании этих событий не имел возможности использовать свой прежний источник – хронику Меховия, поскольку она была доведена лишь до 1506 г. В связи с этим автор *Хроники всего света* сведения об эпохе правления Сигизмунда заимствует из третьей части очерка истории Польши Иодокуса Людовика Деция *О временах правления Сигизмунда* (De Sigismundi regis temporibus), опубликованного одновременно с хроникой Меховия. По Децию Бельский-старший описывает войну Сигизмунда и московского князя Василия Ивановича 1507–1508 гг., спровоцированную изменой Глинского[80], присоединение к Московскому государству Пскова[81], смерть Елены, вдовы короля Александра[82]

---

[78] Kronika polska... S. 494. В хронике дословно: «Papież... aby z nią mogł mieszkać poslal mu na to Dispensacją: ktorą widziałem w Metrice».

[79] Для сравнения: *Stryjkowski M* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska... S. 690–691 ; Kronika polska... S. 499.

[80] Для сравнения: *Decius J.* De Sigismundi regis temporibus. Liber III. Cracovia, 1521. P. LXIIII–LXVII ; *Bielski M* Kronika wszytkyego swiata... 1551. L. 265–266v.

[81] *Decius J* De Sigismundi... P. LXXI ; *Bielski M* Kronika wszytkyego świata.. 1551. L. 267v.

[82] *Decius J.* De Sigismundi... P. LXXXV ; *Bielski M* Kronika wszytkyego świata... 1551. L. 272v.

и начавшуюся после этого новую войну Сигизмунда с Московским государством, ознаменованную взятием «мосхами» Смоленска[83], а также победной для поляков битвой под Оршей[84]. Было бы некорректно утверждать, что свидетельства автора *Хроники всего света* являются лишь буквальным переводом на польский язык реляций Деция. В целом ряде случаев используемые им польские определения, применявшиеся для характеристики тех или иных событий и процессов, не в полной мере отвечают значению латинских определений его предшественника, задают совершенно иной вектор их оценки[85].

На страницах *Польской хроники* Иоахим Бельский эти же события описывает по сочинению Стрыйковского, который фактический материал, по всей видимости, заимствовал либо из трактата Деция, либо из хроники Ваповского, но придал ему эмоциональную окраску и литературно развил сюжет[86]. Расхождения с текстом хроники Стрыйковского в *Польской хронике* не столь значительны. Главным образом они были связаны не с изменением акцентов в передаче свидетельств или переоценкой описываемых событий, а с сокращениями фактического материала[87].

---

[83] *Decius J* De Sigismundi... P. LXXXVII ; *Bielski M* Kronika wszytkyego świata... 1551. L. 273.

[84] *Decius J* De Sigismundi... P. XCI ; *Bielski M.* Kronika wszytkyego świata... 1551. L. 274–274v.

[85] Один из таких случаев переоценки значения описываемых событий при пересказе свидетельств Деция Бельским-старшим выделяет А. И. Рогов (*Рогов А. И.* Известия по истории России... С. 130), в свое время обративший внимание на использованный в трактате Деция латинский глагол «amitto» (терять), примененный к ситуации включения Пскова в состав Московского государства (глосса: «Plescouia amissa»), и его замену в *Хронике всего света* польским глаголом «wziąć» (взять). Бельский делает акцент на том, что «Василий взял Псков благодаря добровольной передаче русских попов». Разница в подходе двух авторов состоит в том, что секретарь короля Сигизмунда I и современник описываемых событий Деций истолковал переход формально независимого Пскова как «потерю» для польско-литовского союза, тогда как Марчин Бельский, опубликовавший свое сочинение тремя десятилетиями позже, воспринимает эти события иначе и не видит особых оснований относить Псков к сфере влияния своей страны и сожалеть по поводу его потери.

[86] *Рогов А. И.* Известия по истории России... С. 229.

[87] Бельский-младший, сокращая пространные рассказы Стрыйковского, по своему усмотрению исключает некоторые факты. К примеру, в описании присоединения Пскова к московским владениям опущены подробности передачи этого города под власть московского государя, известные Стрыйковскому, а также аналогия с более поздним захватом Полоцка, которые заменены указанием на то, что Псков был «получен обещаниями и хитростью», не противоречившим общей направленности в оценке этих событий Стрыйковским (*Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska... S. 715 ; Kronika polska... S. 514).

Альтернативная версия истории Московской Руси была представлена в книге *О народе Московском или Русском* третьей редакции *Хроники всего света*, где на польском языке пересказывался пространный очерк истории Московского государства, содержавшийся в трактате Сигизмунда Герберштейна. На титульном листе изображена генеалогическая таблица – «родословная Московских князей», которая не встречается ни в одном из изданий сочинения Герберштейна, и вероятно, была составлена Марчином Бельским самостоятельно. Несмотря на многочисленные ошибки и неточности, допущенные при составлении данной таблицы, важно отметить, что именно этот историк первым из польских авторов связал родословные киевских и московских князей.

Уже само название 9-й книги указывало на то, что ее автор принял за основу идею общности происхождения русского и московского народов и в дальнейшем трактовал историю московского государства как продолжение истории древнерусской державы. Бельский более подробно, нежели Кромер, передает содержание записок Герберштейна. В частности, в его сочинении почти буквально воспроизведены свидетельства немецкого автора о противостоянии московского князя Дмитрия с «татарскими царями» Мамаем и Тохтамышем, о чем вовсе не упоминали более ранние польские историки[88]. Бельский-старший единственный из польских авторов того времени упоминает о междоусобной воине наследников Василия Дмитриевича: Василия, Юрия, Андрея и Дмитрия «Семечки»[89]. Наибольшее внимание он уделяет эпохе правления Ивана III и Василия III, при этом воспроизводит не только факты, изложенные в трактате Герберштейна, но также нетипичные для польской историографии оценки выдающихся политических достижений этих московских князей. Наконец, еще одной особенностью 9-й книги является раздел, посвященный престолонаследию в московском государстве и титулу московского монарха, форма которого объясняется Бельским с помощью исторических аргументов[90].

Подводя итог нашему обзору свидетельств об истории Руси и Московии, содержавшихся в двух важнейших работах, опубликованных под именем Марчина Бельского, мы можем сделать ряд выводов. Во-первых, на страницах этих сочинений были представлены две значительно отличавшиеся версии истории восточнославянских земель, взаимной противоречивости которой Бельский-старший, по всей видимости, в полной мере

---

[88] В отличие от Герберштейна, Бельский, упоминая о борьбе с татарами, называет Дмитрия «великим Князем Московским» (Dymitr wielki Kniaz Moskiewski porażił Mamai Carza Tatarskiego dwa razy).

[89] *Bielski M.* Kronika, to iesth Historya swiata... L. 428.

[90] Ibid. L. 429–429v.

не осознавал[91], а его сын не решился интегрировать их в рамках единой концепции (можно отметить лишь отдельные и не вполне последовательные попытки такой интеграции). Во-вторых, описанные нами сочинения, вопреки позиционированию *Польской хроники* в качестве доработки содержавшегося в *Хронике всего света* очерка истории Польши, являлись самостоятельными сочинениями, что нашло отражение в освещении русской и московской проблематики. Лишь изредка Бельский-младший переносит в свое сочинение фрагменты хроники отца, более того, ряд свидетельств об истории восточнославянских земель он заимствует из сочинения Стрыйковского, опубликованного уже после смерти Марчина Бельского.

Историографические достижения Марчина и Иоахима Бельских неоднозначно оценивались представителями критической историографии XIX в. Главной заслугой этих авторов, как правило, признавалось использование национального языка при написании исторических сочинений, «настройка» последнего «на научный стиль»[92]. В. А. Мачейовский отмечал умение этих авторов (главным образом Бельского-старшего) «понимать историю органически, в тесной взаимосвязи с жизнью народов», описывать ее наряду с «преданиями», сочетать с географическими и этнографическими экскурсами[93].

Вместе с тем, критические оценки сочинений Бельских превалировали над положительными отзывами. В частности, Л. Голембиовский, обобщивший достижения польской и европейской историографии XVIII – начала XIX в. в области изучения исторической мысли ренессансной Польши (труды Д. Брауна, Ф. Богомольца, И. Лелевеля и др.), не был склонен относить сочинения Бельских к «наивысшим историческим памятникам» и полагал, что эти авторы взяли на себя лишь «хроникарскую повинность», ограничились лишь записью событий[94].

Пожалуй, наиболее важным и в то же время дискуссионным вопросом, занимавшим исследователей историографического наследия Бельских, является проблема авторства *Польской хроники*. В монографии В. Неринга изложены наиболее убедительные доводы в пользу того, что это сочинение было написано Иоахимом Бельским. Этот ученый,

---

[1] На это указывает хотя бы то обстоятельство, что Бельский-старший не пытается объяснить противоречий двух подходов к освещению русской истории в сочинениях Меховия и Герберштейна, которыми он пользовался при написании очерков истории Польши и Московского государства в составе *Хроники всего света*

Gołębiowski Ł. O dziejopisach polskich, ich duchu, zaletach i wadach. Warawa 1826. S. 104.

Maciejowski W. A. Pismiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830. T. 1. Warszawa, 1851. S. 403.

Gołębiowski Ł. O dziejopisach polskich... S. 107.

проанализировавший содержание фрагментов трудов Марчина и Иоахима Бельских, посвященные описанию одних и тех же исторических событий, пришел к заключению о том, что в опубликованном Иоахимом описании польской истории очень мало мест, «которые следовало бы приписать Марчину Бельскому», а также сделал вывод, что *По ьская хроника* «с точки зрения языка является монолитной целостностью, где места, относящиеся к Марчину, являются "прожилками", которые портят единообразие». В результате В. Неринг без колебаний признает авторство Иоахима Бельского за исключением небольшого количества фрагментов, которые тот перенес в *Польскую хронику* из труда отца или из его записей. Сам факт публикации этого сочинения под именем Марчина Бельского польский исследователь объясняет заботой Иоахима Бельского о «родительской славе»[95]. Анализ происхождения «русских» и «московских» известий, обнаруженных нами в составе *Польской хроники*, также подтверждает эту гипотезу В Неринга и может служить дополнительным свидетельством в пользу обоснованности авторских прав Бельского-младшего на это сочинение.

Хроника всего света значительно чаще, нежели *Польская хроника* привлекала внимание исследователей в XX в. Выдающиися историк польской литературы И. Хржановский оценивал это сочинение как характерный образчик исторической прозы своего времени, компиляцию, лишенную всякого «исторического критицизма», упрекал его автора за отсутствие способностей к «разделению исторической правды и вымысла, правдивых и фантастических событий, важных и второстепенных фактов»[96]. Столь критическая общая оценка, тем не менее, не означала отрицания функциональности этого труда. Притом, что И. Хржановскии вовсе не видел в хронике Марчина Бельского гуманистических черт и считал ее пережитком средневековой компилятивной историографии, красноречивым свидетельством отставания гуманитарного знания Польши в этой сфере от других стран Европы, он, тем не менее, признавал ее «трудом огромного значения» как в истории польской литературы, так и в истории цивилизации в Польше, в связи с тем, что она представляла собой первую и одновременно последнюю попытку «изображения» польским автором истории всего мира. Ученый полагал, что достоино сожаления лишь то, что этот шаг был предпринят дилетантом, а не наиболее компетентными представителями польской интеллектуальной элиты, занятыми в это время религиозной полемикой и предпочитавшими писать свои сочинения исключительно на латыни[97].

---

[95] *Nehring W* O życiu i pismach Joachima Bielskiego. Poznan, 1860 S 26

[96] *Chrzanowski J* Marcin Bielski: Studium literackie Warszawa 1906 S 100

[97] *Chrzanowski J* Marcin Bielski... S. 101.

Современный польский исследователь Д. Щнежко противопоставляет представленной в монографии И. Хржановского скептической в целом оценке наследия Марчина Бельского, иную точку зрения, нашедшую поддержку в трудах ряда авторитетных ученых[98]. Он склонен признать автора *Хроники всего света* «фигурой более важной» по сравнению с Кромером из-за того, что его сочинение было адресовано тем читателям, которые «не шлифовали латынь в Падуе», то есть было рассчитано на публику, которой, как правило, пренебрегали гуманисты. По мнению Д. Щнежко, именно для нее Марчин Бельский собирал анекдоты и занимательные истории, создавая тем самым «популярный образ мира, востребованный в более широких (нежели гуманистические элиты) кругах польского общества»[99].

Историк старопольской литературы М. Королько обратил внимание на дидактические тенденции и «морализаторские» черты *Хроники всего света*, отражавшие особенности религиозного мировоззрения Марчина Бельского, тяготевшего к протестантизму. Именно эти особенности, по мнению М. Королько, специфицируют данное сочинение, поскольку историк той эпохи, описывая исторические события, при формулировке выводов руководствовался симпатиями и антипатиями, продиктованными его религиозными взглядами, что в немалой степени сказалось на восприятии ключевых событий в истории Польши и других стран, нашло выражение в «смелости и отважности» в оценках и аллюзиях, критических замечаниях, несвойственных польским историкам эпохи Возрождения, ориентированным на консервативные католические ценности[100]. М. Королько, как многие его предшественники, обратил внимание на то обстоятельство, что Иоахим Бельский при написании *Польской хроники* стремился полностью избавить образ истории своей страны от черт, порожденных интеллектуальным духом протестантизма[101].

Проблема освещения истории Руси и Московии в сочинениях Марчина и Иоахима Бельских привлекла внимание С. Пташицкого, А. И. Соболевского, И. Хржановского, Е. В. Чистяковой, А. И. Рогова, Ю. А. Мыцыка, Н. А. Казаковой, О. В. Творогова и др. Во многом этот

---

[98] См., например: *Budzyk K* Szkice i materialy do dziejów literatury staropolskiej. Warszawa, 1935. S. 172. К. Будзык полагал, что Бельский «пытался своими примитивными средствами» содействовать реализации целей общественного прогресса великих представителей польского Возрождения.

[99] *Śniezko D* Kronika wszystkiego świata Marcina Bielskiego: Pogranicze dyskursów. Szczecin, 2004. S. 312–313.

[100] *Korolko M* Pioner sarmackiego dziejopisarstwa – Marcin Bielski // Pisarze staropolscy. Warszawa, 1991. T. 1. S. 456, 459.

[101] Ibid. S. 460.

интерес был вызван тем влиянием, которое *Хроника всего света* оказала на московскую и западнорусскую (украинскую) книжность второй половины XVI–XVII вв. Исследователи установили, что это влияние осуществлялось через посредничество русских и западнорусских переводов «космографии» Марчина Бельского, делавшихся, как правило, с текста третьей редакции хроники[102], благодаря которым это сочинение заняло важное место в истории русской культуры, стало для русских читателей первым ученым трудом, позволявшим получить представление об истории как латинского запада, так и православного славянского востока[103]. Важной чертой рецепции сведений хроники Марчина Бельского в великорусской исторической литературе XVII в. большинство исследователей считали преимущественное заимствование из этого сочинения сведений о других странах. К примеру, в *Скифской истории* А. Лызлова, по наблюдениям Е. В. Чистяковой, просматриваются заимствования из фрагментов труда Бельского-старшего, посвященных истории Турции.[104] В то же время, согласно выдвинутой Н. А. Казаковой гипотезе, сведения об истории православного славянского востока не заимствовались из *Хроники всего света*, поскольку русские книжники предпочитали использовать в качестве источника информации по данному спектру вопросов русские летописи и хронографы[105].

Совершенно иные тенденции выявили исследователи, занимавшиеся проблематикой рецепции польских исторических концепций эпохи Возрождения в малорусской летописной традиции интересующей нас эпохи. Ю. А. Мыцык обратил внимание на очевидные заимствования из сочинений Марчина и Иоахима Бельских в описаниях истории Руси, включенных в состав Густынской летописи[106], *Кройники* Феодосия Софоновича[107], летописи Яна Бинвилского.[108] По мнению Ю. А. Мыцыка, *Польская хроника* Иоахима Бельского в наибольшей степени оказала

---

[102] По свидетельству А. И. Соболевского, списки этих переводов, сделанных еще в XVI в., создавались и во второй половине XVII в., что свидетельствует об устойчивом интересе восточнославянских просвещенных элит к этому сочинению (*Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.: библиогр. материалы. СПб., 1903. С. 54).

[103] *Казакова Н. А.* Полные списки русского перевода «Хроники всего света» Марцина Бельского // Археографический ежегодник за 1980 г. М., 1981. С. 93.

[104] *Чистякова Е. В* «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI–XVII вв. // Тр. / Отд. древнерус. лит. 1963. Т. 19. С. 357.

[105] *Казакова Н. А* Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв.: из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 240.

[106] *Мыцык Ю. А.* Украинские летописи XVII в. Днепропетровск, 1978. С. 12, 15

[107] Там же. С. 17.

[108] Там же. С. 30.

влияние на автора Острожского летописца, который именно из этого сочинения позаимствовал свидетельства об истории Волыни, русско-польских и русско-литовских отношениях, а также Ливонской войне[109].

Ю. А. Мыцык признает фактор мощного влияния польских исторических памятников на украинское летописание XVII в. одним из элементов экспансионистской программы Речи Посполитой, инструментом расширения культурного влияния Польши на славянском востоке, хотя и дает понять, что из польской исторической литературы украинские летописцы заимствовали лишь фактическую информацию, сохраняя приверженность антипольским идеологическим акцентам[110]. Эту же тенденцию открыто признавал и всячески акцентировал И. Хржановский, подчеркивавший влияние *Хроники всего света* на авторов *Синопсиса* и *Скифской истории*, однако, в отличие от упомянутых нами выше отечественных исследователей, польский ученый полагал, что это сочинение Марчина Бельского, получившее известность далеко за границами родной страны его автора, имело для Руси не меньшее культурное значение, чем для Польши, знаменовало собой «первый большой триумф польской литературы в ее цивилизационном походе на славянский восток»[111].

Представления об истории Руси и Московского государства в *Хронике всего света* в качестве феномена исторической мысли ренессансной Польши привлекли внимание ведущего отечественного специалиста в области русско-польских культурных связей А. И. Рогова, который посвятил этому вопросу одну из своих статей. Исследователь отмечает огромный интерес Марчина Бельского к событиям на Руси, считая показателем этого интереса многократное обращение к русской проблематике на страницах хроники: в составе очерка польской истории, а также в обзоре истории «народа московского и русского», составленного по материалам записок Герберштейна. По мнению А. И. Рогова, Марчин Бельский воспринимает русских в целом позитивно, занимает толерантную позицию в отношении их культурных особенностей, а также выделяет их на фоне других славянских народов как последовательных приверженцев кирилло-мефодьевской традиции и насельников древней славянской прародины[112].

А. И. Рогов также пришел к выводу, что «русские» известия Марчина Бельского основывались на хронике Меховия. Вместе с тем, он полагал, что автору *Хроники всего света* была доступна также рукопись

---

[109] Данный памятник был обнаружен М. Н. Тихомировым и опубликован О. А. Бевзо (см.: *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники // Ист. арх. М., 1951. Т. 7. С. 236–253; *Бевзо О. А.* Львівський Літопис и Острозький літописєць. Київ, 1971).

[110] *Мыцык Ю. А.* Украинские летописи... С. 3–11.

[111] *Chrzanowski J.* Marcin Bielski... S. 102.

[112] *Рогов А. И.* Известия по истории России... С. 124.

хроники Длугоша[113]. Впрочем, аргументы, приведенные в работе этого исследователя в подтверждение данной гипотезы, представляются нам не вполне убедительными. Тем более надуманным кажется основанный на ней вывод А. И. Рогова о том, что Марчин Бельский якобы сознательно «предпочел» вариант трактовки начальной русской истории, изложенный Меховием, и тем самым «отверг» вариант Длугоша, то есть «не присоединялся к той точке зрения, которая выводила первых русских князей из Польши». С нашей точки зрения, «русские» известия, наряду с известиями по истории польского народа и истории других сопредельных с ними стран, были механически перенесены в состав очерка истории Польши, и, таким образом, Бельский-старший выбирал не между *концепциями*, а между *источниками*. По всей видимости, Меховия он предпочел из-за большего «технического» соответствия формата его сочинения собственному замыслу, сводившемуся к тому, чтобы на страницах своей хроники компактно изложить историю Польши и Руси[114].

Более конструктивным нам представляется отношение А. И. Рогова к вероятным заимствованиям известий из хроники Ваповского Бельским-старшим. Характер и масштаб использования утерянной впоследствии начальной части этого произведения был отнесен советским ученым к разряду неразрешимых загадок. Вместе с тем, А. И. Рогов справедливо обращает внимание на то обстоятельство, что, «говоря о степени оригинальности того или иного сведения Бельского, надо постоянно помнить о Ваповском, который, может быть, повлиял на Бельского с точки зрения не только фактов, но и их оценок»[115].

Вызывает интерес гипотеза А. И. Рогова, касающаяся возможностей использования автором *Хроники всего света* русского агиографического памятника (конкретно, западнорусской или украинской переработки жития князя Владимира), для которых были свойственны несоответствия с летописями. Именно влиянием такого источника исследователь пытается объяснить некоторые расхождения свидетельств Меховия и Бельского-старшего, касающихся ряда сюжетов ранней истории Руси[116], которые мы отнесли к разряду «ошибок» последнего.

---

[113] Там же. С. 125.

[114] Не случайно в этой связи, что в описании истории Польши и других стран Марчин Бельский не оспаривает мнения Меховия, а отличия его реляций от свидетельств предшественника либо сводятся к сокращению последних, либо обусловливаются спецификой перевода с латыни на польский язык (то есть на уровне подбора того или иного польского соответствия латинскому термину Меховия Бельский-старший мог слегка скорректировать отношение к тому или иному событию). К сожалению, на эти нюансы А. И. Рогов в своей работе внимания не обращает.

[115] *Рогов А. И.* Известия по истории России... С. 126.

[116] Там же. С. 128.

Кроме того, А. И. Рогов провел большую работу по выявлению источников «московских» известий автора *Хроники всего света,* представленных в 3-й книге этого сочинения. Помимо очевидных заимствований из сочинений Меховия, Герберштейна, Дециа и Ваповского, советский исследователь указал также на возможность использования неизвестных памятников при написании хроники. В частности, не находящая подтверждения в вышеназванных трудах речь Михаила Глинского, обращенная к жителям Смоленска, и ряд других свидетельств, происхождение которых остается неясным, дают основание А. И. Рогову предположить, что Бельский-старший располагал каким-то не дошедшим до нас польским источником по истории русско-польской войны начала XVI в.[117] Ученый также отмечает бóльшую самостоятельность польского хрониста в оценках событий новейшей истории Московской Руси и ее взаимоотношений с Польшей, обращает внимание на его выводы – более лояльные по отношению к Московскому государству, в которых «нет никакой вражды и неприязни к России, ...проявляется симпатия к ней, смягчаются слишком резкие отзывы и оценки по сравнению с источниками, которыми пользовался Бельский»[118].

К сожалению, А. И. Рогов прямо не отвечает на вопрос о причинах столь очевидных «русофильских» тенденций в хронике Бельского-старшего и его симпатий к Московскому государству (приводившийся выше тезис о производности русофилии этого историка от его славянофильских воззрений не вполне нас удовлетворяет). Между тем, ответ на этот вопрос может быть найден в антикатолической направленности как хроники в целом, так и концепции истории народов Восточной Европы, в частности, но А. И. Рогов в указанной работе об этом не пишет.

Еще одним очевидным упущением А. И. Рогова является «изолированное» рассмотрение *Хроники всего света* без учета дальнейшей трансформации образа русской и московской истории на страницах *Польской хроники* Иоахима Бельского, создававшейся в совершенно иной идейной среде и на основе других источников. Эти факторы не могли не сказаться на восприятии интересующего нас спектра вопросов читающей публикой Польши, ориентированной на польскоязычные исторические сочинения.

[117] *Рогов А. И* Известия по истории России... С. 131.
[118] Там же. С. 133.

Глава 5

Мачей Стрыйковский об истории восточных славян

Ktora przed- tym nigdy świá- tłá nie widźiáłá.

Kronika Pol-

[illegible] [illegible]tewska / Zmodzka / y wszyst-

n[illegible] [illegible] [illegible]ow[illegible]ey / Siewierskiey / Wol-
hinskiey / Podolskiey / Podgorskiey / Podláskiey / etc. Y rozmáite przypadki
woienne y domowe / Pruskich / Mázowieckich / Pomorskich / y inszych kráin
Krolestwu [illegible]olskiemu y Wielkiemu Xięstwu Litewskiemu przyległych /
Według istotnego y gruntownego zniesienia pewnych dowodow z rozmái-
tych Historikow y Autorow postronnych / y domowych / y Kijowskich / Mo-
skiewskich / Sławáńskich / Liflántskich / Pruskich stárych / Dotąd ciemnochmur-
ną nocą zákrytych Kronik / y Látopiszczow Ruskich / Litewskich / y DLVGO-
SZA Oycá dźieiow Polskich z inszymi / z wielką pilnośćią y węzłowátą
prácą (Osobliwie około Dźieiow Litewskich y Ruskich od
żadnego przedtym niekuszonych) Przez

M[illegible] C[illegible] OSOSTEWICIVSA STRIY-
[illegible] wypisána zł[illegible]ona / y na pierwsze świátło z wybadá-
nim prawdźiwie dowodney stárodawnośći włásnym wynálezieniem /
przeważnym dowcipem / y nákłádem nowo wydźwigniona
przez wszystki stárożytne wieki / áż do dźisiey-
szego Roku 1582.

[illegible] wszystkich ile ich kolwiek iest ludzkich ná
Swiećie Narodow gruntowne wywody.

[illegible] Priuilegium Kro: J. M:

W [illegible] [illegible]wcu u Gerzego Osterbergerá:

M. D. LXXXII.

Интерес к истории Польши и других стран и народов Восточной Европы во второй половине XVI столетия был вызван не одним только стремлением просвещенных поляков к знаниям, но и необходимостью осмысления тех грандиозных событий, которые в течение всего лишь нескольких десятилетий до неузнаваемости изменили политический ландшафт огромного региона. В это время происходит стремительный рост могущества Московского государства, начинается Ливонская война, а польско-литовский союз трансформируется в Речь Посполитую. Данные реалии сделали востребованным историческое произведение совершенно нового типа, способное раскрыть исторические предпосылки происходивших изменений, рассказать о прошлом уже не одной только Польши, но и других народов, являвшихся субъектами региональной политики.

Труды Длугоша, Меховия, Кромера и Марчина Бельского не смогли выполнить эту миссию из-за своего избыточного полоноцентризма. Впрочем, как мы могли убедиться, в сочинениях двух последних авторов предпринимались попытки преодоления этой тенденции. Так, в заслугу Мартину Кромеру можно поставить обоснование сарматской теории славянского этногенеза, акцентировавшего роль восточных славян как насельников древней славянской прародины – Сарматии. Марчин Бельский представил на страницах своего сочинения альтернативную «московскую» версию истории восточных славян, заимствованную из сочинения Сигизмунда Герберштейна. Вместе с тем, автором, впервые решившимся на радикальный пересмотр концепции региональной истории был Мачей Стрыйковский (Maciej Stryjkowski, 1547–1590), в трудах которого значительное внимание было уделено описанию истории Литвы, Руси, Московии, Пруссии и других стран, которые на протяжении многих столетий являлись важнейшими внешнеполитическими партнерами польского государства в Восточной Европе.

Биография Стрыйковского вызывает споры исследователей. Согласно данным автобиографического очерка, который мы находим в составе

его сочинений, этот автор получил неплохое среднее и высшее гуманитарное образование – был выпускником Бжезиньской приходской школы, а затем обучался в Краковской академии[1], где имел возможность получить знания в области всемирной истории, познакомиться с достижениями античной литературы, овладеть латынью. По окончании обучения в университете Стрыйковский не стал «кабинетным» ученым. Он принял деятельное участие в Ливонской войне, многие годы провел в пограничном Витебске, немало путешествовал как по различным провинциям Речи Посполитой, так и по другим странам (биографы Стрыйковского обращают особое внимание на его путешествия по Швеции и Прибалтике, а также участие в посольской миссии в Турцию в качестве секретаря польского посла Анжея Тарановского, направленного в Стамбул в 1574–1575 гг.).

Писательский талант Стрыйковского раскрылся при написании цикла стихов и очерков исторической тематики[2]. К работе над исторической хроникой этот автор приступает в 1570-х гг., в разгар Ливонской войны. Интересовавшие его источники были собраны во время путешествий по странам Восточной Европы и обработаны в годы службы в Витебске. В это время произошел нелицеприятный инцидент: по свидетельству самого Стрыйковского, принадлежавшая ему рукопись хроники, оставленная без должного присмотра, была присвоена его непосредственным командиром Александром Гваньини, который впоследствии опубликовал похищенные материалы под своим именем[3]. Несмотря

---

[1] Мнения разных исследователей по поводу этого эпизода биографии Стрыйковского расходятся: А. И. Рогов не сомневается в достоверности содержащихся в автобиографическом очерке сведениям об обучении Стрыйковского в университете (*Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: Стрыйковский и его хроника. М., 1966. С. 21); Ю. Раджишевская полагает, что историк «приписал» себе высшее образование (*Stryjkowski M.* O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, zemojdzkiego i ruskiego <...>. Warszawa, 1978. S. 609).

[2] Библиографию опубликованных и неопубликованных сочинений Стрыйковского издала И. Терещиньская (*I. T.* Stryjkowski Maciej // Dawni pisarze polscy: od początków piśmiennictwa do Młodej Polski / przewodnik biograficzny i bibliograficzny. Warszawa, 2003. T. 4. S. 166–167).

[3] Речь идет об ученом трактате, впервые опубликованном в 1578 г. в Кракове под титулом *Sarmatiae Europeae Descriptio*, который в дальнейшем неоднократно переиздавался в разных европейских странах и стал одной из самых популярных книг о странах Восточной Европы. Проблема плагиата Гваньини и в наши дни вызывает споры исследователей, которым мы уделим внимание в заключительной главе нашей монографии, посвященной историографическим достижениям этого итальянского автора.

на пропажу рукописи, Стрыйковский продолжил исторические изыскания и в 1582 г. в Крулевце (Кёнигсберге) опубликовал свое самое известное историческое сочинение – *Хронику Польскую, Литовскую, Жмудскую и всей Руси* (Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiey Rusi; далее по тексту – *Хроника*)[4]. В рукописи сохранился еще один «универсальный» исторический труд Стрыйковского – меньшая по объему, написанная преимущественно в стихотворной форме историческая повесть *О началах, происхождении, доблестях рыцарских и гражданских деяниях славного народа литовского, жемоидского и русского* (O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego; далее по тексту – *О началах*)[5].

Как следовало из пространного заголовка *Хроники* Стрыйковского, главным достоинством своего сочинения сам автор считал привлечение для его написания не только свидетельств отечественных (domowych) историков, но и сочинений «сторонних» (postronnych) писателей. Эта разносторонность в привлечении источников была характерна и для известий по истории восточнославянских земель. Для ее описания Стрыйковский использовал наиболее известные польские сочинения, упомянул их в приведенном на обороте титульного листа перечне «историков и авторов», труды которых использовались при написании *Хроники*. Помимо «отца польской истории» Длугоша, Стрыйковский в числе своих информаторов называет Меховия, Ваповского, Бельского, «просветителя польской истории» Кромера, Винцентия Кадлубка, Иоста Людовика Деция и некоторых других своих соотечественников. Вместе с тем, в этом перечне мы не находим ряда памятников, использовавшихся его предшественниками – хроники Галла Анонима, Великопольской хроники, средневековых анналов (рочников).

---

[4] *Stryjkoswski M* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiey Rusi <...>. Królewiec, 1582.

[5] В научной литературе нет единого мнения относительно повести Стрыйковского. А. И. Рогов называет повесть «рукописным экземпляром» хроники Стрыйковского (*Рогов А И* Русско-польские культурные связи... С. 28), тогда как Ю. Раджишевская настаивает на том, что этот труд является самостоятельным произведением (*Radziszewska J* Maciej Stryjkowski: historyk-poeta z epoki Odrodzenia. Katowice, 1978. S. 56). Ряд содержательных и композиционных отличий дает нам основание трактовать повесть как самостоятельное произведение, которое в равной степени может быть адресовано историкам литературы, историографам как образец романа в стихах, написанного по мотивам реальных исторических событий. Для нас представляет интерес сопоставление реляций хроники и повести, содержащих сведения об одних и тех же событиях истории русских земель.

Стрыйковский имел широкий доступ к восточнославянским летописным источникам благодаря содействию покровительствовавших ему литовско-русских магнатов и церковных иерархов. Среди них упоминаются «4 старые киевские хроники» (Kijowskie kroniki stare 4), «старые русские хроники» (Ruskie kroniki stare) и «московская история» (Moskiewskie dzieje). Какие именно летописные памятники были использованы при написании хроники, Стрыйковский не сообщает. А. И. Рогов пришел к выводу, что большая часть летописей, использовавшихся польским автором, находились в частных собраниях князей Заславских и Слуцких, а также Яна Ходкевича, который был опекуном Супрасльского монастыря, тесно связанного с Киево-Печерским монастырем – крупнейшим центром западно-русской книжности того времени[6]. Эти возможности, по мнению А. И. Рогова, позволили польскому автору познакомиться с *Повестью временных лет* через посредство Новгородско-Софийского свода 1448 г., Тверской летописи и Летописца Переяславля Суздальского[7]. Именно они составляли «летописную основу» «русских» известий Стрыйковского, благодаря чему реляции этого польского автора оказались гораздо содержательнее сообщений Длугоша, также использовавшего русские летописи при написании своей хроники[8]. Интереснейшим источником познаний Стрыйковского об истории Руси А. И. Рогов называет «русскую хроничку» – не сохранившийся до наших дней в составе летописных сводов «особый русский летописец», описывавший события второй половины XI – начала XII в. (открывается известием о смерти князя Ярослава Владимировича)[9]. Источником для составителя хронички, по мнению А. И. Рогова, послужили Печерская летопись и ряд других памятников[10].

Не вполне ясно, что именно подразумевает Стрыйковский под «киевскими летописями» и «московской историей», фигурирующими в реестре источников его хроники. По всей видимости, определение «киевский», применительно к источнику исторических сведений, употребляется в данном случае как синоним определения «русский», поскольку в тексте хроники первого словосочетания мы ни разу не встречаем. Упоминая о «московской истории», Стрыйковский, очевидно, имел в виду не какой-либо конкретный памятник, а всю совокупность исторических свидетельств московского происхождения, использовавшихся

[6] *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи... С. 31–32.
[7] Там же. С. 108.
[8] Там же. С. 110.
[9] Там же. С. 83.
[10] Там же. С. 117–118.

преимущественно при написании заключительных книг *Хроники*. О том, что это были за памятники, мы можем лишь догадываться по весьма скупым оговоркам Стрыйковского. Так, по словам историка, в его распоряжении находилась некая «старая московская хроника» (stara kronika Moskiewska, której ja też exsemplarz mam), содержание которой польский автор даже соотнес с содержанием исторического блока записок Герберштейна и сумел выявить между ними сходство[11]. О наличии в арсенале источников Стрыйковского каких-либо иных московских памятников нам ничего не известно.

«Русские» известия Стрыйковского чаще всего представляют собой комбинацию заимствований из польских хроник и русских летописей. В числе польских источников предпочтение отдается свидетельствам Меховия и Кромера – именно через их посредничество передаются посвященные событиям на Руси фрагменты хроники Длугоша. В то же время прямые ссылки на русские летописи в тексте хроники Стрыйковского являются большой редкостью: лишь однажды он прямо указывает на свой источник – «русскую хроничку», тогда как большинство заимствований из летописей сопровождаются ссылками самого общего характера[12].

Помимо польских и русских источников, для изучения истории русских и московских земель Стрыйковским были привлечены свидетельства зарубежных авторов. Их можно разделить на две группы. Одну из них составляют писатели, на авторитетное мнение которых польский историк ссылается в 1 и 4-й книгах хроники, стремясь доказать древнее происхождение русского и московского народа. В числе привлекавшихся для достижения этой цели источников были книги Ветхого завета (Biblia wszystka), а также труды историков и географов древности. Другую группу составляют средневековые авторы, а также современники Стрыйковского, в сочинениях которых польский историк находил сведения об истории восточнославянских народов. Среди них наибольшее значение имел труд Сигизмунда Герберштейна (в тексте хроники можно встретить постраничные ссылки на базельское издание 1571 г.), а также сочинения Иоанна Зонары (Zonaras), Ламберта Шафнабургского (Lambertus Safnaburgensis), Луитпранда (Luitprandus) и ряда других авторов, содержавшие свидетельства о начальном периоде

[11] *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 128.

[12] Стрыйковский не конкретизирует ссылки на свои восточнославянские источники, использует следующие формулировки: «их старые летописи свидетельствуют...» (ich Latopiszcze stare świadczą) или «русские летописи не упоминают...» (Latopiszcze Ruskie wzmianki nieczynią).

истории русского государства. Отметим, что некоторые из них были привлечены Стрыйковским для описания русской истории даже раньше Мартина Кромера[13].

Два главных исторических произведения Стрыйковского, содержавших известия об истории восточнославянских земель – повесть *О началах* и *Хроника* – имели различную структуру.

Повесть *О началах* представляет собой совокупность исторических рассказов различного объема, большинство которых составлено в стихотворной форме. Эта особенность повести Стрыйковского позволяла ему, с одной стороны, избежать обвинений в компилировании сочинений предшественников, и, с другой стороны, делала описание более привлекательным для читателя, открывая широкие возможности для амплификации: литературного развертывания и эпизации сюжетов, представляемых в стихотворной форме. Сам историк не разделяет повесть на книги или главы (хотя изначально, по всей видимости, такое разделение предполагалось, на что указывают заголовки вводных разделов сочинения). Однако в ее содержании можно выделить несколько тематических блоков: 1) авторское введение[14]; 2) изложение аргументов, проясняющих вопрос происхождения литовского народа[15]; 3) описание истории взаимоотношений русских княжеств и Польши в конце XI – начале XIII в.[16]; 4) описание истории Литвы и ее взаимоотношений с соседними народами и государствами в XIII в.[17]; 5) описание истории Литвы в эпоху правления князей Гедимина, Ольгерда и их потомков, а также ее взаимоотношения с Польшей в XIV в.[18]; 6) описание истории Литвы после заключения литовско-польского союза (конец XIV – начало XVI в.)[19]. Повесть заканчивается сообщением о коронации Сигизмунда I (1507 г.). Фрагменты, посвященные описанию истории русских земель и Московского государства, их взаимоотношений с Польшей и Литвой, в данном сочинении Стрыйковского имеют вспомогательное значение – они призваны лишь дополнить главную сюжетную линию повести, ориентированную на изложение истории Литвы и литовско-польских отношений.

---

[13] Например, сочинение Зонары Кромер использует лишь в последнем издании своей хроники, опубликованном в 1589 г., тогда как Стрыйковский ссылается на этот источник в хронике, опубликованной в 1582 г.

[14] *Stryjkowski M.* O początkach... S. 33–40.

[15] Ibid. S. 41–95.

[16] Ibid S. 96–171.

[1] Ibid. S 171–227.

[18] Ibid S. 227–305.

Ibid. S 305–600.

Совершенно иначе организована *Хроника* Стрыйковского. Исторический материал здесь строго упорядочен разделен на 25 книг, каждая из которых, в свою очередь, дробится на нумерованные главы (разделы), большая часть которых имеет развернутые заголовки, а некоторые из них – на подразделы, также озаглавленные, но непронумерованные

Хотя Стрыйковский в этом сочинении также делает акцент на описа нии истории литовского народа и государства, вопросы истории русских и московских земель здесь акцентированы в гораздо большеи степени, что нашло отражение в структуре хроники. В тои или инои степени восточнославянская проблематика затрагивается практически во всех книгах хроники, однако наибольшее внимание вопросам эволюции русской государственности и проблемам взаимоотношении русских с соседними народами Стрыйковский уделяет в 4, 5 и 6-и книгах, которые в совокупности могут рассматриваться нами как наиболее по ıныи и систематизированный очерк истории Руси в польскои историографии того времени, в рамках которого польский историк предпринимает попытку представить развитие этой страны на протяжении многих столетий – с момента возникновения русского народа до начала XIII в.

Наибольший интерес представляет **4-я книга** *Хроники*, которую сам автор неоднократно анонсирует в вводных разделах своего сочи нения как источник сведений о происхождении и раннеи истории рус ского народа и, как правило, при этом называет ее русскои хроникои › Между тем, не только по своему полному заголовку, но и по содержанию 4-я книга такому определению не вполне соответствует, поскольку здесь Стрыйковский излагает свою оригинальную концепцию происхождения всех славянских народов, которая напрямую увязывается с проблемой происхождения Руси и русских.

4-я книга представлена Стрыйковским под заголовком *Хрони а польская, русская, киевская, московская также содержащая надежные и доказательные сведения о происхождении всех народов славян ких собранные с огромным старанием и трудом* . В ее 1 и главе изложена авторская этногенетическая концепция Стрыиковского. Польскии историк предпринимает попытку связать происхождение всех славян со славным прошлым двух восточнославянских народов русских и московитов, которых, в свою очередь, производит от хорошо известных польскои просвещенной публике по сочинениям античных авторов народов древности, а также библейских героев. Здесь Стрыиковскии, подобно

[20] *Stryjkowski M* Ktora przedtym nigdy swiatła nie widziała Kronika Pol ka S. 86.

Кромеру, имеет возможность продемонстрировать свою эрудицию, прежде всего познания в области древней истории, привлекает авторитетные источники – библейские тексты и труды античных и средневековых писателей, в том числе сочинения авторов, использованных Кромером (Бероса, Корнелия Тацита, Иосифа Флавия, Плиния, Птолемея и Страбона), дополняет список источников своего предшественника сочинением Ксенофонта[21], а также апеллирует к трудам современных европейских авторов – Герберштейна, Тилеманна Стеллы[22] и Теодора Библиандра[23]. Для доказательства отдельных положений своей концепции Стрыйковский ссылается также на сочинения Длугоша, Меховия, Ваповского, Бельского и Кромера, отдельные тезисы которых он оспаривает, а иные привлекает для верификации собственных гипотез. В результате, на страницах вводной главы 4-й книги представлен причудливый симбиоз устаревших мифологем и протонаучных догадок, способствовавший коренной трансформации представлений о происхождении славянских народов.

Не меньший интерес для нас представляет глава *О происхождении славного народа русского, славянского, сарматского, а также о том, почему они названы славаками*[24]. Постановка вопроса в таком ключе прямо вытекала из выводов, к которым Стрыйковский пришел в результате доказательства своей концепции этногенеза первого уровня[25], требовавшей конкретизации, привлечения дополнительного исторического материала, а также дополнения доказательствами и свидетельствами, позволявшими согласовать приписываемые древним славянам достижения с их актуальным положением. Необходимые аргументы польский историк находит в трудах древних и современных ему писателей: Трога Помпея[26],

---

[21] Ксенофонт – древнегреческий ученый V–IV вв. до н. э., автор *Греческой истории* в 7 книгах.

[22] Тилеманн Стелла (Tilemann Stella) – немецкий географ и картограф XVI в.

[23] Теодор Библиандр (Theodor Bibliandr) – историк и издатель ученых трудов XVI в.

[24] *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 94.

[25] В данном случае мы пользуемся термином, предложенным в свое время А. С. Мыльниковым, который подразумевал под «представлениями об этногенезе первого уровня» ученые концепции, «обращенные на объяснение процесса возникновения славянства как этногенетического целого и обстоятельств его расселения на обширных пространствах Европы» (*Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 1996. С. 20).

[26] Трог Помпей (Trogus Pompeius) – древнеримский историк I в. н. э., автор описания истории Греции в 40 книгах и ряда других трудов.

Помпония Мелы[27], Евтропия[28], Диона Кассия[29], Светония[30], Иорнанда[31], Прокопия Кесарийского[32], Волатерана[33] и других авторов, упоминавших в своих сочинениях либо о славянах, либо об отождествлявшихся с ними сарматах. Дополняя заимствованные у этих авторов сведения ссылками на авторитетное мнение Кромера, Стрыйковский обосновывает феномен разделения русско-славяно-сарматской общности на отдельные народы[34].

Заголовок 3-й главы 4-й книги – *О белой и черной Руси, восточных, северных и южных древних народах и их князьях Великоновгородских, Изборских, Псковских, Белозерских, Киевских, Луцких, Владимирских, Волынских, Галицких, Подгорских, Подольских и т д.*[35] – уже сам по себе

---

[27] Помпоний Мела (Pomponius Mela) – автор трактата *Космография или о положении мира* (начало I в.), который оценивался учеными эпохи Возрождения как одно из выдающихся географических сочинений античности.

[28] См. примеч. 32 к гл. 2.

[29] Дион Кассий (Dion Cassius) – древнеримский историк II–III вв., автор описания истории Рима, доведенного до эпохи правления императора Александра Севера.

[30] См. примеч. 15 к гл. 2.

[31] Стрыйковский исказил имя готского историка VI в. Иордана (Jordanes) – автора трактата *О происхождении и деяниях гетов*, а также описания истории Древнего Рима.

[32] Прокопий Кесарийский – византийский дипломат и историк VI в., участник войн с персами, вандалами и готами, которые были описаны в цикле трактатов, содержавших ценнейшие сведения по этнографии и географии различных регионов Византийской империи и примыкавших к ней областей.

[33] Волатеран (Volaterranus) – псевдоним Жанпьетро Маффея (Giampetro Maffei), современника Стрыйковского. Маффей принадлежал к ордену иезуитов, был участником католических миссий в странах Южной Азии. Также известен как переводчик с испанского языка на латынь записок путешественников, содержавших сведения о странах Востока.

[34] Важно отметить, что в составе повести *О началах* этногенетическую гипотезу Стрыйковского (по содержанию она существенно отличалась от версии *Хроники*) мы находим в главе, посвященной описанию событий начала XIII в. В данном случае польский историк называет источником своих познаний обнаруженную им в Кракове «никому еще не известную» рукопись некоего древнего историка, возраст которой, по его словам, насчитывает двести лет (*Stryjkowski M.* O początkach... S. 149). К сведениям своего информатора Стрыйковский относится без особого доверия, указывая на то, что «сам не знает, откуда тот взял известия о древностях», и поэтому предпринимает попытку верифицировать их посредством ссылок на авторитетные мнения тех же самых авторов древности и средневековья, которые фигурируют и в *Хронике* (тогда как о краковском манускрипте в этом сочинении уже не упоминается).

[35] *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska .. S. 110.

указывает на особенности концепции истории развития русских земель на протяжении многих веков, представленной в хронике Стрыйковского. Главным источником описания истории упомянутых в названии главы земель казалось бы должны быть, прежде всего, русские летописи. Однако польский историк остается верен себе и для установления взаимной связи истории Руси с описанным в предыдущих разделах славным прошлым русско-славяно-сарматского народа он опять же привлекает труды авторитетных авторов древности – Птолемея, Страбона, Тацита, а также сочинение своего современника Иоганна Кариона[36] в целях подтверждения факта пребывания предков народа Руси на территории Восточной Европы.

В этой главе Стрыйковский также обращается к вопросу происхождения этнонима «Русь», со ссылкой на древние и современные источники излагает касающиеся данного вопроса гипотезы, большую часть которых сам же и опровергает. Описывая расселение восточнославянских племен, а также раннюю этнополитическую историю Руси, Стрыйковский контаминирует известия, заимствованные из русских летописей и хроники Длугоша, свидетельства которой, в большинстве случаев, передаются через посредничество хроники Меховия, и нередко дополняет их собственными умозаключениями[37].

Основным «иностранным» источником при описании Стрыйковским начальной истории Руси были записки Герберштейна: именно из них заимствуются свидетельства, которые мы не обнаруживаем в древнерусских летописях. Кроме того, в 3-й главе 4-й книги Стрыйковский также обращается к запискам кремонского епископа Луитпранда, но особенно часто ссылается на *Annalium Graeciae* Иоанна Зонары. В частности, к этим памятникам польский историк апеллирует при описании неудачного для русских морского похода на Константинополь

[36] Иоганн Карион (Johann Carion) – немецкий историк XVI в., автор описания всемирной истории. Хроника Кариона была написана на немецком языке, но была переведена на несколько европейских языков, в том числе и на латынь.

[37] К авторским гипотезам Стрыйковского, пытавшегося связать заимствованные из доступных ему источников факты, можно отнести его реляции относительно «подвластности» Радима, Вятко и Дулебы Кию (*Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 115), прямо противоречившие версии Длугоша о происхождении поляков от «русского народа полян» (Ibid. S. 114) и, наконец, высказанное на основе собственных наблюдений в период пребывания в Стамбуле предположение о преемственности древнерусской и московской геральдики (Ibid. S. 120).

под предводительством князя Игоря[38]. Ссылки на труд Зонары мы также встречаем в рассказе о крещении Ольги и Владимира[39], а также в сообщении о первой попытке обратить Русь в христианскую веру, предпринятой во времена правления императора Василия Македонянина[40].

Вместе с тем, многие «фактические» элементы описания ранней этнополитической истории Руси в 3-й главе 4-й книги хроники Стрыйковского не находят подтверждения ни в одном из указанных выше источников – например, свидетельство о княжении и последующем захоронении «Трувора или Трубора» в Пскове[41], а также указание на то, что княгиня Ольга происходила из Пскова и была правнучкой Гостомысла[42]. А. И. Рогов, обративший внимание на данные несоответствия, высказал предположение, что эти сведения Стрыйковский мог получить непосредственно от какого-то жителя Пскова во время своих путешествий[43].

3-я глава завершается обстоятельным рассказом о крещении князя Владимира и всей Руси. По заключению А. И. Рогова, основным источником Стрыйковского в данном случае был русский летописный рассказ в польской или западнорусской (прокатолической) обработке[44], дополненный свидетельствами Герберштейна и Зонары, а также собственными умозаключениями автора хроники (Стрыйковский не ограничивается пересказом заимствованных из источников известий, в ряде случаев беллетризирует свое описание, а также дополняет его отдельными деталями, происхождение которых установить не представляется возможным).

«Религиозная» тема находит продолжение в заключительной 4-й главе 4-й книги, где описывается языческий культ славян и других народов Восточной Европы – «стародавние церемонии, или скорее безумства идолопоклонников», а также различия их «ложных божеств»[45]. Здесь

---

[38] *Stryjkowski M* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 121–122. А. И. Рогов обратил внимание на расхождения свидетельств польского историка с известиями Лиутпранда и Зонары, предположив, что причиной этого могло быть либо весьма вольное отношение Стрыйковского к передаче содержавшихся в их сочинениях сведений, либо опосредованный характер самих заимствований (*Рогов А И* Русско-польские культурные связи... С. 51–52).

[39] *Stryjkowski M* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 125, 143.

[40] Ibid. S. 142.

[41] Ibid. S. 118.

[42] Ibid. S. 121.

[43] *Рогов А И.* Русско-польские культурные связи... С. 49–51.

[44] Там же. С. 64.

[45] *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska . S. 144.

мы не находим сколько-нибудь ценной информации об истории русских земель, интересны могут быть лишь отдельные сравнительные наблюдения и выводы Стрыйковского.

5-я книга *Хроники* охватывает временной промежуток с конца X в. по 1139 г., и разделена на 13 глав. Здесь речь идет о разделении русского государства на уделы, а также уделяется значительное внимание взаимоотношениям Руси с соседними странами и народами – прежде всего Польшей и половцами.

1-я глава 5-й книги содержит рассказы о разделении русского государства между двенадцатью сыновьями Владимира и смерти этого князя, междоусобной войне наследников Владимира, походах на Русь польского короля Болеслава Храброго и завершается сообщением об установлении единоличной власти над русскими землями князя Ярослава. Стрыйковский для описания этих событий привлекает свидетельства «русской хроники» (kronika ruska) Длугоша и Меховия. Польский историк чередует фрагменты, заимствованные из польских и русских источников, не только трактовавших описываемые им события поразному, но и использовавших различные системы летоисчисления (польские источники – от Рождества Христова, русские – от сотворения мира). По этой причине рассказ Стрыйковского изобилует противоречиями в датировке событий. К примеру, датировав смерть Владимира 6525 г. (1017 г. от Р.Х.), ориентируясь на свидетельство русской летописи[46], польский историк, в дальнейшем, в соответствии с хронологией Длугоша и Меховия, сообщает о походе Болеслава Храброго на Русь, состоявшемся в период междоусобной войны наследников Владимира, под 1008 г.[47] Контаминация известий русских и польских источников очевидна также при описании событий, предшествовавших смерти Владимира, и последующей войны его сыновей. Противоречивость свидетельств источников самим Стрыйковским не была в полной мере осознана. Повторяя Кромера, он ограничивается констатацией факта игнорирования «русскими хрониками» двух из трех сражений Болеслава Храброго с войском его противника князя Руси Ярослава, завершившихся поражением последнего. Об итогах войны наследников Владимира, возвращении Болеслава Храброго в Польшу и смерти Святополка Стрыйковский приводит согласованные свидетельства польских и русских источников, и делает акцент на результат этих событий – «Ярослав стал править во всей Руси».

---

[46] В датировке смерти Владимира Стрыйковский допускает погрешность – русские летописи сообщали об этом событии под 6523 г. от сотворения мира.

[47] *Mathia de Mechow*. Chronica Polonorum. Craccoviae, 1519. P. XXXIIII–XXXV.

Заголовок 2-й главы 5-й книги *Ярослав Владимирович – единовластец всей Руси в 1009 году* лишний раз подтверждает отмеченную нами выше приверженность Стрыйковского хронологии русской истории, предложенной в свое время Длугошем. Впрочем даже эта ошибочная хронология в *Хронике* искажается, поскольку к раннему периоду правления Ярослава, по свидетельству Стрыйковского завершившемуся в 1018 г. вторым походом Болеслава Храброго на Русь, отнесены увековечение памяти Бориса и Глеба[48], строительство в Киеве церкви св. Софии[49], войны с полоцким князем Бретиславом[50], «князем Вотмутаракани» Мстиславом[51], «князем с Косхохона» Редедой[52], и даже поход под предводительством сына Ярослава Владимира на Константинополь[53]. Сам Стрыйковский ни одно из этих событий не датирует, в результате чего складывается впечатление их синхронности в пределах, по крайней мере, одного десятилетия.

Общей тенденцией, характерной для 3-й главы 5-й книги становится упоминание дат, знаменующих важнейшие события польской истории, к которым «привязываются» недатированные сообщения о событиях на Руси. Так, под 1018 г. описывается вторая война Ярослава и Болеслава,

---

[48] Этот фрагмент пересказан Стрыйковским по Герберштейну (см.: Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain <...>. Basileae, 1551. P. 9).

[49] Русский летописец сообщает о строительстве «митрополичьей церкви» св. Софии в Киеве под 1037 г., Длугош и Меховий – под 1033 г.

[50] Война Ярослава с Брячиславом, стремившимся овладеть Новгородом, в *Повести временных лет* описана под 1021 г. В хрониках Длугоша и Меховия имя полоцкого князя пишется на польский манер *Brzetislaus*, а связанные с ним события излагаются под 1011 г. (*Mathia de Mechow*. Chronica Polonorum... P. XXXV).

[51] Свидетельство русской летописи о походе Мстислава Тьмутараканского «на Ярослава с Козаръı и съ Касогъı», завершившемся разделом Руси между братьями по Днепру, которое датируется 1023–1024 гг., Длугош и Меховии пересказывают под 1014 г.

[52] Судя по написанию термина *Koschochon*, Стрыйковский использовал в качестве источника текст хроники Меховия (*Mathia de Mechow*. Chronica Polonorum... P. XXXV), который, повторяя Длугоша, под 1014 г. сообщает о попытке Ярослава покорить одноименный народ. Русский летописец упоминает о разгроме касожского князя Редеди под 1022 г., однако победителем касогов называет не Ярослава, а Мстислава Тьмутараканского. Стрыйковский повторяет ошибку, допущенную ранее Длугошем, который некорректно передал свидетельство *Повести временных лет*.

[53] О походе «Володимера на Грькы» русские летописи сообщают под 1043 г., Длугош и Меховий датируют эту войну 1040 г. Стрыйковский упоминает об этом походе дважды во 2 и 3-й главах 5-й книги.

в рассказе о которой акцент сделан на генеральном сражении, состоявшемся на Буге, и последующем захвате польским королем русских земель. Стрыйковский здесь прямо называет своими источниками польские хроники, поскольку, по его словам, «этой войны и поражения Ярослава русские хроники не упоминают». Под 1025 г. сообщается о смерти Болеслава Храброго и последовавших после нее «мятежах» на землях, отторгнутых этим польским монархом от Киевской державы, а также о попытках Ярослава, действовавшего совместно с братом Мстиславом (здесь: Мецлавом), вернуть эти территории под свой контроль военным путем. Эти известия могли быть заимствованы Стрыйковским как из русских летописей[54], так и из польских хроник[55].

К периоду правления польского короля Мечислава II (1025–1034) Стрыйковским отнесены два значимых события в истории русских земель – смерть Мстислава Владимировича, «единовладца Северских земель», обернувшаяся присоединением его владений «к киевской столице», и разгром огромного войска печенегов, осадившего Киев. Судя по компоновке материала, эти сведения Стрыйковский заимствовал из хроники Меховия[56], в том числе упомянул о возведении церкви св. Софии в ознаменование победы над печенегами, упустив из виду то обстоятельство, что это же событие ранее он связывал с первым десятилетием правления Ярослава.

С периодом бескоролевья в Польше Стрыйковский связывает походы Ярослава «по Бугу до Подляшья и до тех земель, где ныне Мазовия». Указание на Подляшье позволяет сделать вывод о заимствовании этого известия из хроники Кромера[57], поскольку данной детали мы не находим в других источниках. Помещенное под 1041 г. известие о женитьбе нового польского короля Казимира на сестре «русского монарха» Ярослава Марии, дочери Владимира Святославича, «рожденной императрицей греческой Анной», дополненное сообщением об условиях примирения Руси и Польши, является почти буквальным пересказом соответствующего

---

[54] Русский летописец упоминает о походе Ярослава и Мстислава «на Ляхы» под 1031 г.

[55] А. И. Рогов высказал предположение, что искажение имени Мстислав указывает на использование в качестве источника при передаче этого сообщения хроники Кромера (*Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи... С. 77).

[56] Для сравнения: *Mathia de Mechow.* Chronica Polonorum... P. XXXVI ; *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 176–177.

[57] Для сравнения: Martini Cromeri de origine et rebus gestis Polonorum libri XXX <...>. Basileae, 1555. P. 71 ; *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 177.

фрагмента хроники Меховия (опущено лишь указание на родство Марии с греческими императорами Василием и Константином, имеющееся у Длугоша и Меховия)[58].

Остается загадкой, какие источники являлись ориентиром для Стрыйковского при описании разделения Руси между наследниками Ярослава. Рассказ об этом событии не датирован годом, хотя точно указаны день и месяц кончины русского князя и количество лет его правления. Список имен Ярославичей Стрыйковский мог заимствовать у Длугоша и Меховия, или напрямую из русских летописей, а сверить по хронике Кромера (на такую сверку указывает наличие в его сочинении двух вариантов имен *Swantosław / Stosław* и *Ihor / Hrehor* которые мы находим лишь в тексте *De origine et rebus*[59]). Отметим, что со свидетельствами перечисленных нами выше источников Стрыйковского совпадают описания владений лишь трех князей – Изяслава (Заслава), Святослава и Всеволода, тогда как с уделами остальных сыновей Ярослава нет полной ясности. Так, Игорю (Григорию) Стрыйковский «приписывает», помимо Владимира, также и Смоленск, а Вячеслава, за которым большинство известных нам памятников закрепляли Смоленск, называет князем Пскова и Великого Новгорода. Источники своих познаний Стрыйковский в данном случае не указывает, но излагает «альтернативное» мнение Меховия, основанное на хронике Длугоша, и свидетельствах русской летописи[60], никак не комментируя разночтений. Что любопытно, здесь же, сославшись на Длугоша, сообщившего в своем сочинении под 1054 г. о последовавшей вскоре после кончины Ярослава смерти двух сыновей этого князя, Стрыйковский называет первого из них (Вячеслава) «князем Смоленским», а второго (Григория) «князем Владимирским»[61].

3-я глава 5-й книги завершается рассказом о вражде русских князей и вмешательстве в русские междоусобицы польского короля Болеслава Смелого. Стрыйковский воспроизводит ключевые факты, заимствованные из сочинений предшественников, скрупулезно перечисляет источники своих познаний, а также не упускает случая упрекнуть «русские хроники» в том, что они «не упоминают ни о Болеславе, польском короле, ни о том, что ему пришлось дважды сопровождать

[58] Для сравнения: *Mathia de Mechow*. Chronica Polonorum... P. XL ; *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 178.

[59] Для сравнения: Martini Cromeri de origine et rebus gestis Polonorum libri XXX <...>. Basileae, 1555. P. 79 ; *Stryjkowski M* Ktora przedtym nigdy swiatła nie widziała. Kronika Polska... S. 179.

[60] *Mathia de Mechow*. Chronica Polonorum... P. XLII.

[61] *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 179.

Изяслава в Киев»[62]. Вместе с тем, по сравнению с реляциями более ранних польских авторов, рассказ Стрыйковского о данных событиях весьма краток и практически лишен идеологических акцентов.

Компенсировать недостаток сведений, заимствованных из русского летописания, польский автор пытается посредством инкорпорирования в состав своего сочинения краткой «Русской хронички» (Kroniczka Ruska), занимающей вторую половину 4-й главы 5-й книги[63]. Этот документ, в свое время охарактеризованный А. И. Роговым как «особый русский летописец» в составе хроники Стрыйковского, содержит описание политической и культурной (религиозной) истории Руси второй половины XI – начала XII в., а также ценнейшие сведения о ранних этапах русско-половецких отношений, тем самым в значительной степени дополняет не только сочинения польских историков, но и русских летописей[64].

По всей видимости, именно свидетельства «Русской хронички» о войнах русских с половцами послужили стимулом для углубленной проработки вопроса происхождения и ранней этнической истории половецкого народа. Результаты исследования изложены в 5-й главе 5-й книги хроники, где речь идет «о частых битвах с русскими князьями половцев и печенегов», сведения о которых собраны из русских летописей и сочинений польских авторов (прежде всего здесь очевидно влияние трудов Меховия, Ваповского и Бельского), а также дополнены оригинальными этногенетическими гипотезами самого Стрыйковского.

Обращает на себя внимание также фрагмент 5-й книги *Хроники*, в котором автор в рамках оригинального авторского очерка подводит итог княжения киевского «единовластца» Владимира Мономаха (Wołodimerz Monomach Xiązę Kijowskie y Jedynowładziec). Упомянув о смерти этого князя, польский историк указывает точную дату этого события сразу в двух системах летоисчисления (10 мая 1126 г. от Р.Х. и 6633 г. от сотворения мира[65]) со ссылкой на «русские хроники» и сочинение Гербершейна. Между тем, именно этим источникам данные Стрыйковского противоречат, поскольку в русских летописях фигурирует иной год и день, а Гербершейн указывает лишь год в летоисчислении «от сотворения мира», но не указывает на конкретный день кончины Владимира Мономаха. Упоминаемые Стрыйковским детали позволяют утверждать, что для уточнения своих известий он пользовался также хроникой Меховия,

---

[2] *Stryjkowski M* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 181.

Ibid. S. 184–186.

[64] Подробный анализ этого фрагмента хроники Стрыйковского осуществлен А. И. Роговым (см.: *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи... С. 83–90).

Стрыйковский неверно соотнес даты из двух систем летоисчисления: 6633 г. от сотворения мира соответствует 1125 г. от Р.Х.

из которой заимствовал сведения о погребении Владимира в церкви св. Софии «в отцовской гробнице»[66].

Упомянув о заслугах Владимира Мономаха, польский историк рассказывает о захвате русским князем в качестве трофея в войне против «генуэзцев итальянцев», в те времена господствовавших в Таврии, регалий высшей государственной власти, которые достались ему от «гетмана» и старосты Кафы, побежденного Владимиром в единоборстве. Источником представлений автора *Хроники*, касающихся обстоятельств появления на Руси этих регалий, могло быть только сочинение Герберштейна, в котором как раз и упоминались «бармы» (barmai), взятые Владимиром у побежденного им под Кафой генуэзца[67]. Однако, в отличие от автора *Записок о Московитских делах*, польский историк литературно развивает данный сюжет и сопровождает свой рассказ обстоятельными пояснениями, связывает трофей Владимира с символами власти современных ему московских царей, то есть конструирует на основе свидетельства Герберштейна концепцию, позволявшую обосновать преемственность монархических традиций Киева и Москвы[68]. Таким

---

[66] Для сравнения: *Mathia de Mechow*. Chronica Polonorum... P LXXXIII , *Stryjkowski M* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska .. S. 210.

[67] У Герберштейна дословно: Barmai est veluti torques latae formae ex serico villoso, extrinsecus tamen auro & omnis generis gemmis concinne confectus. quem Vuolodimerus praefecto cuidam Caphae Ianuensi profligato ademit Стрыйковскии при написании своей хроники, пользовавшийся, по всей видимости самым поздним из доступных ему латинских трактатов Герберштеина (Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein <...> Ba ileae, 1571), дает ссылку на 22-ю страницу этого издания.

[68] Несоответствие исторической действительности фактов, положенных в основу переданного Герберштейном свидетельства о происхождении «регалий Мономаха», было доказано рядом авторитетных ученых (М М. Щербатовым, В. Т Пашуто, Р. П. Дмитриевой, А. И. Роговым). По мнению А. И. Рогова в основе таких представлений могла лежать легендарная повесть, возникшая на рубеже XV и XVI вв. и дававшая альтернативное «каноническому» объяснение появлению царских регалий на Руси, которое было включено в состав *Сказания о князьях Владимирских* и трактовало княжеские регалии как дар Владимиру от византииского императора Константина Мономаха, переданный в знак примирения двух держав А. И. Рогов называет версию, переданную Стрыиковским и Герберштеином «контрповестью о князьях владимирских», поскольку она «принижает значение московских регалий, делая их просто военным трофеем, взятым всего лишь у воеводы генуэзской колонии Кафы и лишая их значения символа преемственности Византии – Второго Рима» (*Рогов А. И* Русско-польские культурные связи .. С. 94) Исследователи трактата Герберштейна не поясняют «альтернативнои» трактовки происхождения регалий Мономаха, ограничиваясь констатациеи того факта что «Герберштейн передает версию, восходящую к польско-литовскои традиции и противостоящую русской» (см.: *Герберштейн С* Записки о Московии пер с нем А. И. Малеина и А. В. Назаренко ; вступ. ст. А Л. Хорошкевич М , 1988 С 304)

образом, наряду с этногенетическими рассуждениями Стрыйковского, данный фрагмент 5-й книги является примером творческого подхода этого польского автора к описанию истории русских земель.

Свидетельства Стрыйковского об истории Руси, содержащиеся в заключительных главах 5-й книги, находят соответствие в сочинениях Меховия и Кромера, реже Бельского, который, вероятно, был ценен для Стрыйковского как пересказчик недоступной ему хроники Ваповского[69]. В этих разделах хроники польский автор чередует рассказы о русско-половецких столкновениях с известиями о «внутренних» войнах русских князей, а также сообщениями о взаимоотношениях Руси с Венгрией, Литвой и Польшей. В заслугу Стрыйковскому и здесь можно поставить не только обобщение опыта освещения данной темы в сочинениях предшественников, но и стремление хронологически упорядочить изложение событий русской истории, исправить ошибки в датировке, допущенные предшественниками[70]. Стрыйковский, разбивший изложение на небольшие рассказы, даже если не указывает дат, старается изложить события русской истории последовательно, пользуясь логическими приемами, и в ряде случаев исправляет обнаруженные «фактические» погрешности[71].

События русской истории, представленные в 5–13-й главах 5-й книги *Хроники* освещаются Стрыйковским также и на страницах повести *О началах*, причем различия в текстах этих двух источников минимальны (в повести эти разделы, как и в хронике, изложены в прозе). При их сопоставлении мы обнаружили лишь два существенных разночтения.

Во-первых, следует отметить уже привлекавший наше внимание фрагмент, посвященный итогам правления Владимира Мономаха. В повести *О началах* к этому русскому князю не применяются характеристика «единовластец» и прозвище «Мономах»[72]. Здесь также нет ссылки

---

[69] В ссылках на источники в 5-й книге *Хроники* нередко можно встретить латинскую формулу «Bielscius ex Vapovio».

[70] Ошибки в датировке событий русской истории, допущенные Длугошем, в дальнейшем компилировались его последователями – Меховием, Бельским, Кромером и, вероятно, Ваповским. Никто из этих авторов не ставил перед собой задачи коррекции хронологии Длугоша.

[71] Например, во фрагменте о междоусобицах русских князей в 90-х гг. XI в. Стрыйковский поправляет Меховия, называвшего сына Владимира Мономаха Изяслава киевским князем. Стрыйковский считает это ошибкой, на том основании, что на момент описываемых событий киевским престолом владел Святополк (*Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 195–196).

[72] Соответствующий фрагмент повести имеет заголовок: *O rozterkach książąt ruskich po smierci Włodzimirza kijowskiego* (*Stryjkowski M.* O początkach... S. 117). Тот же раздел хроники озаглавлен: *O rosterkach Xiąząt Ruskich po śmierci Włodimirza Monomacha Kijowskiego Jedinowładce* (*Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy swiatła nie widziała. Kronika Polska... S. 210).

на сочинение Герберштейна и отсутствуют признаки знакомства польского историка с реляциями немецкого автора о Владимире и версией происхождения княжеских регалий. Таким образом, возникают закономерные вопросы о времени и обстоятельствах написания повести, а также ее источниках. Дело в том, что ссылок на сочинение Герберштейна в описании событий начала XII в. мы не находим; нет никаких признаков знакомства Стрыйковского с этим источником и в других фрагментах повести, например, в разделах, посвященных истории татарского нашествия и характеристике татарского народа[73]. Эти особенности позволяют сделать вывод о том, что именно при создании *Хроники* Стрыйковский значительно расширил свою источниковую базу за счет зарубежных ученых трактатов, что значительно обогатило представления этого автора об истории стран и народов Восточной Европы, в том числе русских земель.

Во-вторых, в русле отмеченной нами выше тенденции использования Стрыйковским в повести лишь польских источников, в главе *О свержении русскими князьями польского ига* в оригинальном латинском варианте приводится текст речи киевского князя Ярополка в редакции Кромера. В *Хронике* латинской версии речи мы не находим. Стрыйковский ограничивается пересказом основных ее тезисов и дает возможность читателю ознакомиться лишь с собственной редакцией политического манифеста Ярополка[74].

История Руси второй половины XII – начала XIII в. излагается в первых десяти главах **6-й книги** *Хроники*. Значительную часть русских известий мы находим также на страницах повести *О началах*. Польский историк комбинирует здесь известия своих соотечественников, изредка дополняя их сведениями заимствованными, по его собственным словам, из русских летописей.

Во фрагментах, посвященных событиям середины XII в. акцент сделан на «жестоких и непрерывных распрях» (srogi i ustawiczne rozterki) русских князей за контроль над «киевской столицей». Стрыйковский ссылается на хроники Длугоша и Меховия, а также сочинения Винцентия Кадлубка, Кромера и русские летописи (по заключению А. И. Рогова, по русским источникам он сверял, прежде всего, названия местностей[75]).

---

[73] Речь идет о фрагменте 6-й книги *Хроники*, где характеристика татар подтверждается ссылками на мнение авторитетных иностранных авторов, в том числе и Герберштейна (*Stryjkowski M* Ktora przedtym nigdy swiatła nie widziała. Kronika Polska... S. 262). В тексте повести ссылок на зарубежные источники мы не обнаруживаем, материал излагается лишь по польским источникам трудам Меховия и Кромера (*Stryjkowski M* O początkach... S. 164–167).

[74] Для сравнения: *Stryjkowski M* O początkach... S. 119 121 ; *Stryjkowski M* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska .. S. 213 215.

[75] *Рогов А И* Русско-польские культурные связи .. С. 98.

Следуя тенденции, наметившейся в работах его предшественников, при описании событий конца XII в. и последующих эпох Стрыйковский делает акцент на истории Галицкой Руси и противостоянии в этом приграничном регионе русских и польских князей. В ряде фрагментов исторический материал изложен в стихотворной форме (причем не только в повести *О началах*, но и в *Хронике* – в обоих источниках стихотворные фрагменты идентичны). Автор акцентирует внимание читателя на том, что в основе его виршей лежит не художественный вымысел, а свидетельства, заимствованные из ученых трудов (в прозаических послесловиях даются ссылки на источники). В стихотворной форме описаны, в частности, важнейшие русско-польские войны, произошедшие на рубеже XII и XIII вв., в том числе битвы под Галичем 1182 г.[76] и под Завихостом 1205 г.[77], а также конфликты 1208 и 1211 гг.[78]

В 9-й главе 6-й книги *Хроники* Стрыйковский описывает «первое появление скифов или татар в тех местностях, где они ныне осели» в качестве предпосылки одного из важнейших событий в истории русских земель – битвы на реке Калке. Эта глава, являющаяся ярким примером ренессансного полемического научного очерка, заслуживает самого пристального внимания, прежде всего из-за самостоятельного подхода Стрыйковского к решению вопросов этногенеза и ранней этнической истории татар, а также истории их взаимоотношений с Русью, которая излагается с учетом политических тенденций развития ситуации в Восточной Европе в целом, посредством привлечения свидетельств широкого круга авторитетных авторов, в отношении которых польский историк занимает критическую позицию.

Важно также указать на различия в содержании этой главы в двух сочинениях Стрыйковского – повести *О началах* и *Хронике*, характер которых позволяет проследить эволюцию взглядов польского историка на данную проблематику. В составе повести мы обнаруживаем сокращенную редакцию главы о первом появлении татарского народа в Восточной Европе. Стрыйковский упрекает «литовских летописцев» в том, что они начинают историю татарского нашествия со времен «императора Батыя» (cesarz Baty) и приводит доказательства того, что столкновение Руси и татар произошло гораздо раньше. Здесь же польский автор кратко излагает концепцию происхождения татарского народа

[76] *Stryjkowski M.* O początkach... S. 133–136 ; *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 229–231.

[77] *Stryjkowski M.* O początkach... S. 143–145 ; *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 240–242.

[78] *Stryjkowski M.* O początkach... S. 159–164 ; *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 252–258.

и историю его переселений, сведения о которых он заимствует из 3-й книги хроники Меховия и 7-й книги сочинения Кромера[79]. О битве на Калке Стрыйковский рассказывает по этим же хроникам, сопоставив свидетельства их авторов с известиями Бельского, на что также имеется указание в тексте.

Рассказ о татарском нашествии на русские и половецкие земли, содержавшийся в повести *О началах*, в *Хронике* воспроизведен в неизменном виде и дополнен новыми сведениями о «деяниях и древности народа скифов или татар» со ссылкой на сочинения «очень древнего историка» Диодора Сикула[80]. Стрыйковский приводит также обширный перечень трудов, в которых он обнаружил сведения, подтверждающие тот факт, что «татары издавна проживали на реках Танаисе и Волге» в близком соседстве с «нашими предками славаками». В этот перечень включены сочинения Геродота, Трога Помпея, Юстина, Каллимаха, Герберштейна, Иоганна Кариона и Венгерские хроники[81]. Тем самым на страницах *Хроники* Стрыйковский, посредством конструирования собственной этногенетической гипотезы, предпринимает попытку пересмотра традиционной для средневековой хронографии концепции происхождения татарского народа, изложенной со ссылкой на польских историков, а также связывает ее с опубликованной в 1 и 4-й книгах концепцией происхождения славян.

Стрыйковский завершает 9-ю главу 6-й книги сообщением о смерти «коронованного князя либо царя Галицкого» Мстислава Мстиславича Храброго (Mścisław Mścisławic Chrobry, xiązę albo carz Halicki, koronowany), датируя это событие 1212 г., и последующей передаче галицкой короны венгерскому королевичу Коломану, правившему Галичем, согласно реляции Стрыйковского, до 1225 г. Здесь каких-либо ссылок на источники мы не находим, хотя последняя дата была известна Длугошу, и потому можно предположить использование его хроники. Именно на 1225 г. прерывается систематическое описание Стрыйковским событий русской истории. В дальнейшем этот автор обращается к ним крайне редко, уделяя внимание преимущественно истории Литовского княжества.

---

[79] Стрыйковский предпринял попытку сравнения этих двух источников, обратив внимание на противоречия в их реляциях о комете 1211 г, считавшейся предзнаменованием нашествия татар (см.: *Stryjkowski M.* O początkach... S. 165–166; *Stryjkowski M* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 259–260).

[80] *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska .. S. 261.

[81] Ibid. S. 262.

Упоминание русских земель связано, главным образом, с взаимоотношениями Литвы и Руси в военно-политической сфере. Стрыйковский свидетельствует об установлении власти литовских князей над отдельными русскими землями, упоминает русских либо как противников литовцев, либо как их союзников в описаниях войн, которые вели литовские князья в XIII и XIV вв.[82] В результате, как для повести *О началах*, так и для *Хроники* общей становится тенденция изложения истории русских земель в контексте истории Литвы. Исключения из этого правила крайне немногочисленны. К примеру, событиям на Руси без прямой их связи с историей Литвы посвящены лишь отдельные фрагменты 8 и 12-й книг *Хроники*[83].

В 3-й главе **8-й книги** Стрыйковский описывает коронацию Даниила Романовича, «князя Киевского, Галицкого, Владимирского, Дрогичинского и проч.»[84], а в 6-й главе той же книги рассказывает о нападении русского князя Шварно на Польшу[85]. В совокупности эти два фрагмента представляют собой краткий очерк истории Юго-Западной (Галицкой) Руси второй трети XIII в. и содержат, помимо заимствованных у предшественников сведений (дана ссылка на 45, 53 и 63-ю главы 3-й книги хроники Меховия, а также 9-ю книгу хроники Кромера), рассуждения и сравнительно-исторические выводы самого Стрыйковского, сделанные им на основе анализа политической ситуации, сложившейся в Восточной Европе в середине XIII в.

В 5-й главе **12-й книги** Стрыйковский свидетельствует о «завладении» (posiedzenie) русскими землями Казимиром Великим, а также о соглашении (ugoda) этого польского монарха с литовскими князьями. В выносной глоссе дана ссылка на 12-ю книгу сочинения Кромера как основной источник познаний Стрыйковского по этому вопросу, но при этом в тексте автор называет в числе своих информаторов Длугоша[86]. Факты действительно излагаются по двум этим источникам, однако Стрыйковский комбинирует их таким образом, что захват Казимиром

---

[82] Применительно к первым двум десятилетиям XIII в. чаще упоминается о поражениях литовцев, но начиная с 20-х гг. картина меняется: Стрыйковскии все чаще пишет об успехах литовских князей, а в 12-й главе 6-й книги уже именует князя Мингайло (Mingajło Erdźiwiłowic) князем «литовским и русским» (*Stryjkowski M* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 271). В дальнейших разделах хроники определение «русский» становится неотъемлемым элементом титула литовских князей.

[83] В составе повести *О началах* этих фрагментов мы не обнаруживаем.

[84] *Stryjkowski M* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 330

[8] Ibid. S. 341.

[86] Ibid S. 428.

русских земель представляется как раздел Руси между двумя могущественными державами – Литовским княжеством и Польским королевством. В этой связи весьма важны экскурсы в историю подчинения русских земель власти литовских князей, призванные подтвердить обоснованность претензий Литвы на Русь, уравнять их с претензиями Польши.

В последующих разделах *Хроники* Стрыйковский рассматривает западные русские земли как провинции Великого княжества Литовского и Польского королевства, не уделяя их истории существенного внимания.

Начиная с 12-й книги *Хроники*, а также в повести *О началах* мы находим ценную информацию об истории Московской Руси, а также других северо-восточных русских земель, которые сохранили независимость от Польши и Литвы. Как мы помним, вопрос происхождения московского народа и государства Стрыйковский затрагивает уже в 4-й книге своей *Хроники*. В 3-й главе 12-й книги польский историк уделяет внимание политической истории Московского княжества в рассказе о конфликте Великого московского князя Дмитрия «Семечки» (Dimitr Semeczka) с Великим литовским князем Ольгердом (в повести *О началах* представлена в стихотворной форме краткая редакция этого рассказа[87]).

В описании данного сюжета немало загадок и противоречий. Во-первых, Стрыйковский путается в датах: в повести помещает интересующий нас рассказ под 1331 г., в *Хронике* – под 1332 г. Во-вторых, некоторые сложности возникают с идентификацией одного из героев повествования – «потомка русских монархов» Великого московского князя Дмитрия, называемого «Семечкой» со ссылкой на Герберштейна и Ваповского[88]. Приписываемые ему заслуги, прежде всего «жестокий разгром» татарского царя Мамая, о котором Стрыйковский мог узнать

---

[87] Для сравнения: *Stryjkowski M.* O początkach... S. 260–262 ; *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 419–424.

[88] Хотя Стрыйковский ссылается на труд Герберштейна, вопреки обыкновению он не указывает страницы, где имеется указание на данный вариант прозвища московского князя (в соответствующей выносной глоссе в кёнигсбергском издании хроники не вписан номер страницы). Едва ли такое упущение является типографской ошибкой, скорее мы можем предположить, что у польского историка были сомнения в правомерности тождественности Дмитрия Семечки, о котором писал Герберштейн, и князя – победителя Мамая. От себя добавим, что эти сомнения были оправданы. Немецкий автор словом «Семечка» передает чужое и непонятное для него русское слово «Шемяка», прозвище другого русского князя – Дмитрия Юрьевича, участника феодальной войны за обладание московским великокняжеским престолом между наследниками сыновей Дмитрия Донского Юрия и Василия (у Герберштейна дословно: Demetrius autem dictus fuit cognomento Semecka. См.: Rerum Moscoviticarum Commentarij... 1551. P. 11).

из записок все того же Герберштейна, не оставляют сомнений в том, что польский историк в данном случае имел в виду Дмитрия Донского. Таким образом, возникает противоречие между датировкой описываемых событий и двумя главными героями сюжета, поскольку оба получили титулы великих князей в своих государствах значительно позже указанной Стрыйковским даты[89].

Вместе с тем, несмотря на путаницу, рассказ Стрыйковского интересен тем, что именно в нем обосновывается преемственность государственной традиции Киевской и Московской Руси, генеалогия русских монархов ведется от Рюрика и важнейшим ее звеном автор хроники называет Владимира Мономаха, а «замыкается» она Великим московским князем Дмитрием. Здесь же Стрыйковский представляет очерк драматичных взаимоотношений русских князей с татарскими ханами. Факты переданы по Герберштейну, однако их изложение подчинено собственному замыслу Стрыйковского, в частности, историк подводит читателя своей *Хроники* к выводу о могуществе бросившего вызов татарам Дмитрия, который осмелился «надменно» разговаривать с литовскими князьями, чем вызвал их гнев и был наказан военным походом их армии, возглавляемой Ольгердом, на Москву. О таких походах, действительно предпринимавшихся этим литовским князем, польский историк, по его собственным словам, был осведомлен по литовским летописям, изучению которых он посвятил многие годы.

Таким образом, Стрыйковский в рассказе, помещенном в хронике, контаминирует свидетельства, заимствованные из литовских летописей и сочинения Герберштейна, произвольно комбинирует их в целях подчинения повествования важной для него задаче – прославлению доблестей Ольгерда. По всей видимости, уже упоминавшаяся нами более ранняя версия данного рассказа, изложенная на страницах повести *О началах*, отражавшая свидетельства одних только литовских летописей (свидетельства Герберштейна не использовались), не могла в полной мере выполнить эту задачу и требовала укрепления образа противника Ольгерда посредством «приписывания» московскому князю еще не совершенных им подвигов[90]. Так или иначе, несмотря на некоторые искажения последовательности в изложении событий, читатель хроники

---

[8] Ольгерд получил титул Великого князя Литовского в 1345 г., а Дмитрий становится Великим князем Владимирским и Московским в 1359 г.

[0] В стихотворнои редакции рассказа история конфликта начинается с упоминания о поводе к воине – «надменном ответе» Дмитрия Ольгерду и не содержит какои-либо подробнои характеристики московского князя (в его титуле нет определения ‹ Великий»), а также реляций о преемстве князей Киевской и Московскои Руси

Стрыйковского имел возможность получить из этого рассказа сведения о внешнеполитических акциях Московского княжества и отношениях с Литвой (подробно описана линия пограничного размежевания двух государств) и татарами в XIV в.

Эти же темы привлекают внимание Стрыйковского и в дальнейшем, при описании событий XV и XVI вв. Они нашли отражение в повести *О началах*, а также в большинстве книг, составляющих вторую часть *Хроники*.

В **14-й книге** *Хроники* московско-литовские отношения освещаются в 4 и 8-й главах. Речь в них идет о взаимоотношениях двух породнившихся, благодаря браку детей, монархов – Василия и Витольда. В 4-й главе содержится краткая историческая справка о Смоленске, в связи с упоминанием о переговорах, прошедших здесь между литовским и московским князьями, в которой Стрыйковский свидетельствует об обстоятельствах присоединения этого города к Литве, а также о последовавшем спустя столетие его возвращении в состав Московского княжества[91]. В повести *О началах* этих экскурсов мы не находим, а встреча двух князей описывается здесь в стихотворной форме[92]. Каких-либо указаний на источники польский историк здесь не дает, а также не датирует описываемые события. Между тем, смоленская встреча Василия и Витольда была упомянута в хронике Кромера (о неи не сообщали ни Длугош, ни Меховий), которая, по всей видимости, и является источником Стрыйковского.

Рассказ о первом походе Витольда на Москву в 1406 г. представлен Стрыйковским в стихотворной форме и почти без изменений перенесен из повести *О началах* в 8-ю главу 14-й книги *Хроники*[93]. Описывая этот поход, Стрыйковский отдает предпочтение литовским памятникам, главным образом летописи Быховца[94]. Второй поход Витольда на Москву описан по польским источникам, на что указывает сам автор хроники

---

[91] *Stryjkowski M* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska . S. 505–506.

[92] *Stryjkowski M* O początkach... S. 332.

[93] В хронике стихотворный рассказ дополнен прозаическим послесловием, в котором излагаются некоторые важные факты, касающиеся последствии войны Литвы и Москвы.

[94] По заключению А. И. Рогова, Стрыйковский описывает первую войну Витольда против Василия в полном соответствии с летописцем Быховца (*Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи... С. 201). Обращение Стрыйковского к летописям мы можем объяснить краткостью реляции польских источников о первом московском походе Витольда.

в выносных глоссах, не только называя свои источники, но и подтверждая свои сведения цитатами из сочинений предшественников, которые для убедительности приводятся в оригинальном варианте, то есть на латыни[95].

Наиболее содержательным «русским» фрагментом в составе **15-й книги** *Хроники* является сообщение о «подчинении Литве» (podbice ku Litwie) усилиями Витольда княжеств Великого Новгорода и Пскова, датированным 1414 г. (в повести *О началах* об этих событиях сообщается в кратком стихотворном фрагменте[96]). Своих источников польский автор не называет. В тексте имеются ссылки на труды Герберштейна, Кранца и даже Мюнстера[97], однако их реляции использованы лишь для общей характеристики Пскова и Новгорода, тогда как о самом походе литовского князя в указанный период никто из вышеперечисленных авторов даже не упоминает. Любопытно, что Стрыйковский, описывая эти события, игнорирует труды своих соотечественников – Длугоша и Кромера, в которых мы находим описание экспедиций Витольда против псковичей и новгородцев, датированных, правда, более поздним временем[98]. Между тем, не только по датам, но и по деталям повествования, их описания не имеют ничего общего с реляцией Стрыйковского. А. И. Рогов называет единственным источником польского историка о походе Витольда на Псков и Новгород свидетельства летописи Быховца (по которой описаны не столько сами походы, сколько характер зависимости русских княжеств от Литвы, особенно размер взымаемой ежегодно дани), однако при этом исследователь подвергает сомнению саму достоверность описываемых фактов, на том основании, что никакие другие источники «не имеют об этом ни малейшего упоминания»[99].

---

[95] *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 517–518.

[96] *Stryjkowski M.* O początkach... S. 367–368.

[97] *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 544.

[98] Длугош упоминает о походе Витольда на Псков под 1426 г., а на Новгород под 1428 г. Кромер эти события вовсе не датирует. Исключением является лишь хроника Меховия, который в этом вопросе изменяет компилятивному отношению к тексту хроники Длугоша и игнорирует реляции о походах Витольда. Возможно, таким образом весьма компетентный в вопросах новейшей истории Пскова и Новгорода Меховий проявил сомнение в достоверности сведений, содержавшихся в данном фрагменте сочинения Длугоша, написание которого совпало по времени с присоединением Новгорода к владениям московского князя и потому могло быть результатом прямой фальсификации.

[99] *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи... С. 201–202.

Также не вполне достоверна реляция Стрыйковского о датированной 1442 г. войне Литвы и Московского княжества, которую мы находим в 8-й главе **17-й книги** *Хроники*. Здесь в рамках пространного рассказа описывается военная кампания, в которой, по словам Стрыйковского, войско московского князя, призвавшего на помощь казанских татар, потерпело поражение в войне с польско-литовской армией, возглавляемой Станиславом Кишкой[100]. Источник этих сведений не вполне ясен – никто из более ранних польских историков о каких-либо войнах Литвы с Москвой, состоявшихся в данный период, не упоминал. Летописи различного происхождения, как было установлено А. И. Роговым, давали несколько иную картину происходящего на границах Московской Руси и Литвы в это время[101]. Таким образом, Стрыйковский вновь пытается преувеличить масштаб московской угрозы Литве, причем в ряде случаев делает это посредством очевидного искажения свидетельств своих источников.

В заключительных книгах *Хроники* «московские» известия сводятся, главным образом, к описанию экспансии Московского государства в западном направлении, преимущественно войн великих московских князей Ивана III и Василия III с польско-литовскими монархами. Эти известия Стрыйковского, а также их соответствие свидетельствам источников (преимущественно летописцу Быховца, а также сочинениям Длугоша, Меховия, Кромера, Деция, Бельского и Гербершейна) были проанализированы в свое время И. А. Тихомировым и А. И. Роговым и потому нам останавливаться на них нет смысла[102].

Свидетельства об истории Московского государства и его взаимоотношениях с Литвой и Польшей, содержащиеся в заключительных разделах повести *О началах* (описание событий здесь доведено до 1506 г.), почти полностью идентичны соответствующим известиям *Хроники*, как по форме (все «московские» фрагменты излагаются в прозе), так и по содержанию. Вызывает интерес лишь несколько нетипичных для иных разделов этого источника явлений. Во-первых, текст повести в ряде случаев переносится в *Хронику* в сокращенном виде (ранее мы отмечали

---

[100] *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 596–597.

[101] *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи... С. 208–209

[102] *Тихомиров И.* О составе западнорусских, так называемых литовских летописей // Журн. М-ва нар. просвещения. 1901. Ч. 2. С. 70–117 ; *Рогов А И* Русско-польские культурные связи... С. 216–235.

обратную тенденцию). Во-вторых, именно в заключительных главах повести мы находим ссылки на сочинение Герберштейна[103], признаков использования которого в иных разделах этого сочинения Стрыйковского нами не обнаружено. Данные особенности позволяют высказать предположение, что работа над заключительными главами повести *О началах* проводилась Стрыйковским значительно позже создания основного текста этого источника, и, возможно, даже совпала по времени с написанием соответствующих глав *Хроники*.

Подводя итог нашему обзору свидетельств об истории Руси и Московии, содержавшихся в двух важнейших исторических сочинениях Мачея Стрыйковского, мы можем сделать ряд выводов. Содержательные различия «русских» и «московских» фрагментов повести *О началах* и *Хроники* минимальны. За исключением ряда оговоренных нами случаев, свидетельства переносились из повести в *Хронику* и дополнялись автором. Таким образом, некорректно говорить, имея в виду два эти сочинения, о каких-либо принципиальных отличиях в освещении истории Руси (исключением является лишь этногенетическая концепция Стрыйковского представленная в 4-й книге *Хроники,* которая выглядела в повести принципиально иначе). Между тем, именно *Хроника* Стрыйковского является наиболее полной компиляцией русских и московских известий польских историков конца XV–XVI вв. Именно в этом сочинении были объединены свидетельства польских, европейских, восточнославянских и литовских источников. В заслугу автору *Хроники* можно также поставить концептуализацию истории русских земель, дополнение пересказа источников собственными гипотезами, касавшимися проблематики этногенеза восточных славян.

Историографические достижения Стрыйковского вызывали интерес как у современников этого автора, так и у потомков. Долгое время его хроника оставалась самым содержательным источником знаний об истории восточнославянских земель, получила широкое распространение не только в Польше, но также на Западной Руси и в Московском государ-

---

[103] Стрыйковский дважды ссылается на Герберштейна, причем в первый раз не вполне корректно, приписывая ему заимствованные из литовских летописей известия (*Stryjkowski M.* O początkach... S. 559). Это несоответствие впоследствии было осознано и потому фрагмент со ссылкой на Герберштейна не был включен в текст хроники (*Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 679). Вторая ссылка содержится во фрагменте, посвященном итогам правления Ивана III, где мнение Герберштейна привлекается при описании престолонаследия в Московском государстве (*Stryjkowski M.* O początkach... S. 576).

стве. Труд Стрыйковского знали и использовали при создании своих исторических сочинений восточнославянские книжники XVII в. (составители украинских летописных сводов, Иннокентий Гизель, Андрей Лызлов и др.), а также российские историки XVIII столетия, в числе которых выделяются Алексей Манкиев, Василий Татищев, Михаил Щербатов[104]. Можно без преувеличения говорить о том, что по своему просветительному значению труд Стрыйковского превзошел все иные созданные в XVI столетии исторические сочинения польских авторов.

Исследователи, представлявшие критическую историографию XIX – первой половины XX в., давали противоречивые оценки его методу историописания. Л. Голембиовский признавал масштабность замысла Стрыйковского, подчеркивал важность использования при его реализации национального языка, однако упрекал этого автора в неспособности сориентироваться в огромной массе привлеченных для написания *Хроники* источников. Главными недостатками историографического метода Стрыйковского Л. Голембиовский называет «отсутствие критических способностей», неумение видеть недостатки и противоречия в реляциях источников, низкое качество их перевода с иностранных языков, что стало причиной многочисленных искажений передаваемой информации о прошлом[105]. Вердикт, вынесенный Стрыйковскому критиком, был нелицеприятен – Л. Голембиовский называет его труд «славным по замыслу, но дурно реализованным предприятием»[106], «библиографической редкостью, в которой содержится больше болтовни, чем сюжета», из которой старательный исследователь способен получить представление не столько о сути описываемых событий в истории, сколько о «состоянии политических дел» во времена написавшего такой труд автора[107]. Оценка хроники Стрыйковского, предложенная Л. Голембиовским, долгое время была ориентиром для многих поколений польских исследователей, ей следовали его современники: М. Малиновский, Ю. Крашевский, М. Вишневский, Й. Островский и ряд других авторов.

---

[104] О рецепции хроники Стрыйковского в российской историографии XVIII в. см.: *Rogow A* Maciej Stryjkowski i historiografia ukraińska XVII w. // Slavia Orientalis. 1965. № 3. S. 311–329 ; *Рогов А. И* Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 145–157.

[105] *Gołębiowski Ł* O dziejopisach polskich, ich duchu, zaletach i wadach. Warszawa, 1826. S. 102.

[106] Ibid. S. 103.

[107] Ibid. S. 104.

М. Малиновский, инициатор третьего издания хроники Стрыйковского[108], выступил в качестве критика историографического подхода ее автора во вводной статье, предварявшей публикацию этого труда[109]. По мнению М. Малиновского, Стрыйковский не представлял себе «как приноровиться к призванию историка» и потому использовал имевшиеся в его распоряжении источники лишь в той мере, в какой они отвечали потребностям его собственных доказательств[110].

Историк польской литературы М. Вишневский упрекает Стрыйковского в том, что тот не видел различий в исторических трудах, которые использовались им в качестве источников – «в один ряд ставил все, что находил, не обращая внимание на то, какой из них был более достоин доверия, ранний или поздний, отечественный или иностранный»[111]. Обратив внимание на некритичность описания Стрыйковским исторических событий, обвиняя его в «анахронизации» прошлого, М. Вишневский в то же время был склонен считать главной заслугой этого автора «спасение истории Литвы от полного забвения»[112].

Публицист и историк Й. Островский, отреагировавший на переиздание хроники Стрыйковского политическим очерком, пришел к выводу, что «ни стиль, ни композиция, ни анализ ее автора не могут удовлетворить даже самых умеренных требований». Этот критик полагает, что сочинение Стрыйковского не обладало простотой, наивностью и ясностью, присущими хронике Марчина Бельского, структурой и совершенством изложения, характерными для труда Мартина Кромера, а по уровню писательского мастерства стояло гораздо ниже, нежели сочинение Станислава Ожеховского[113].

Положительные отзывы о труде Стрыйковского были большой редкостью. К их числу мы можем отнести реляцию В. А. Мачейовского,

---

[108] Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszyskiej Rusi Macieja Stryjkowskiego. Wydanie nowe, będące dokładnem powtórzeniem wydania pierwotnego królewieckiego z roku 1582, Poprzedzone wiadomością o życiu i pismach Stryjkowskiego przez Mikołaja Malinowskiego, oraz Rozprawą o Latopiscach Ruskich Przez Daniłowicza <...>. T. 1–2. Warszawa, 1846.

[109] *Malinowski M* Wiadomość o życiu i pismach Macieja Stryjskowskiego / Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszyskiej Rusi Macieja Stryjkowskiego. Wydanie nowe... T. 1. S. 4–30.

[110] Ibid. S 17.

[111] *Wiszniewski M* Historia literatury polskiej. T. 7. Kraków, 1845. S. 487.

[112] Ibid. S. 492.

[113] *Ostrowski J B* Kronika Polska, Litewska, Żmudzka, i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego // Badania krytyczne-historyczne i literackie. Berlin ; Poznan, 1870. T. 4. S. 243.

признавшего хронику этого автора «шедевром» исторической мысли своего времени, лучшим историческим сочинением, которое было создано польской историографией после Длугоша[114].

Историографы и историки литературы Польши XX столетия (Ю. Кжыжановский, Б. Надольский, К. Тыменецкий, Т. Улевич, Х. Барыч, Е. Серчык и др.) подходили к оценке наследия Стрыйковского более взвешенно, трактовали его сочинения не в качестве исторических источников, чья репрезентативность не без оснований ставилась под сомнение, а в большей степени как самобытные произведения ренессансной исторической мысли, в которых нашли отражение свойственные для эпохи Возрождения черты восприятия прошлого[115].

Б. Надольский называет Стрыйковского «сказочником Литвы», которому не хватало историографических навыков, но при этом подчеркивает достоинства литературной формы его труда, выгодно отличавшие его от сочинений предшественников[116]. Достижения этого автора оцениваются с точки зрения востребованности его подхода к описанию прошлого, основанного в большей степени на «воображении», нежели на критике. Б. Надольский также обращает внимание на то обстоятельство, что Стрыйковский искренне «верил в то, над чем мы смеемся», не мог избежать в своем отношении к прошлому характерных для эпохи Возрождения коллизий – «был фантастом, поэтом и настоящим романтиком, однако несомненно обладал качествами историка»[117]. Сходной точки зрения придерживался К. Тыменецкий, полагавший, что Стрыйковский, воспользовавшийся приемами, характерными для историографии эпохи гуманизма, стремился связать начальную историю народов Восточной Европы с древнейшей историей человечества, прибегая в большей степени к приемам «фантастическим», но не критическим[118]. По мнению Т. Улевича, некритические реляции Стрыйковского действительно находили отклик и поддержку в его время, хотя и были, по выражению этого исследователя, «заметным шагом назад» в сравнении с трудом Кромера и даже с более близкой сочинению Стрыйковского

---

[114] *Maciejowski W A* Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych az do roku 1830. T. 1. Warszawa, 1851. S. 563–567.

[115] *Рогов А И* Русско-польские культурные связи... С. 13–14. В нашем дальнейшем обзоре мы обращаемся к позициям лишь тех авторов, которые не были упомянуты в историографическом обзоре А. И. Рогова.

[116] *Nadolski B* Kierunki razwojowe dziejopisarstwa staropolskiego. Lwow, 1938. S. 43.

[117] Ibid. S. 44.

[118] *Tymieniecki K* Zarys dziejów historiografii polskiej. Kraków, 1948. S. 28

по духу хроникой Бельского[119]. Е. Серчык сделал акцент на светском характере хроники Стрыйковского, что, по мнению этого исследователя, вызвало к ней интерес восточнославянских интеллектуалов[120].

В последней трети XX в. в Польше было опубликовано немало работ, посвященных Стрыйковскому[121]. В их числе выделяются труды Ю. Бардаха[122], Ю. Раджишевской[123], З. Войтковяка[124], а также публикация рукописи повести *О началах* (вводная статья и комментарии подготовлены Ю. Раджишевской[125]). В отечественной историографии достижения Стрыйковского освещались на страницах монографии А. И. Рогова[126] и в ряде статей этого ученого[127]. Также следует отметить биографическое исследование Л. Л. Михаловской[128].

По мнению А. И. Рогова, «труд Стрыйковского явился в известной мере итогом развития польской историографии XVI в.», поскольку в нем были учтены все ее достижения, использован накопленный богатейший фактический материал[129]. Уникальность историографического замысла этого автора отечественный исследователь видит в том, что Стрыйковский «поставил перед собой цель создать историю трех народов – польского, русского и литовского – в их неразрывной связи»,

---

[119] *Ulewicz T.* Sarmacja: Studium z problematyki słowiańskiej XV и XVI w. Kraków, 1950. S. 120.

[120] *Serczyk J.* 25 wieków historii: historycy i ich dzieła. Toruń, 1994. S. 165.

[121] Новейшая библиография научных публикаций, посвященных жизни и творчеству Стрыйковского, составлена И. Терещиньской (см.: *I. T.* Stryjkowski Maciej... S. 167–168).

[122] *Bardach J.* Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w. Warszawa, 1970. S. 68–85.

[123] *Radziszewska J.* Maciej Stryjkowski: historyk-poeta z epoki Odrodzenia. Katowice, 1978.

[124] *Wojtkowiak Z.* Maciej Stryjkowski – dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego: kalendarium życia i działalności. Poznań, 1990.

[125] *Radziszewska J.* Maciej Stryjkowski i jego dzieło // *Stryjkowski M.* O początkach... S. 5–25, 609–663.

[126] *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: Стрыйковский и его Хроника. М., 1966.

[127] *Рогов А. И.* Известия по истории Киевской Руси в Хронике Мацея Стрыйковского и их источники // Краткие сообщения Института славяноведения. 1964. Вып. 42. С. 52–64; *Рогов А. И.* Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 145–157.

[128] *Михаловская Л. Л.* Жизнь и творчество Мацея Стрыйковского // Вопр. истории. 1978. Вып. 5. С. 140–150.

[129] *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи... С. 6.

для реализации которои была проделана громадная работа по сведению и сопоставлению источников различных типов – письменных и устных свидетельств, а также археологических данных. Подвергавшиеся критике недостатки в подходе Стрыйковского – «доверчивое принятие ряда легенд и преданий» – А. И. Рогов склонен объяснить стремлением польского историка учесть интересы феодалов Великого княжества Литовского. Впрочем, ученый не придает этим изъянам особого значения, акцентируя внимание на главной функции хроники Стрыйковского – предоставлявшейся через ее посредничество возможности «проследить судьбу древнерусского культурного наследия на Украине и в Белоруссии», что, по мнению А. И. Рогова, дает основание оценивать этот памятник как «одно из самых ярких и характерных проявлений русско-польских культурных связей»[130].

Польский исследователь Ю. Бардах, опубликовавшии полемическую рецензию на монографию А. И. Рогова, так же как и советскии исследователь полагал, что Стрыйковский исполнял «общественныи заказ» магнатов и шляхты Великого княжества Литовского, сравнивая прошлое литовских элит с прошлым элит польских (коронных), реагируя таким образом на попытки «принижения» исторических доблестей литовцев в общественном мнении Польши, и со своей стороны стремился «повысить исторический престиж Великого княжества»[131]. Не соглашается Ю. Бардах с А. И. Роговым лишь в оценке идеологии Стрыйковского, полагая в корне неверными выводы советского ученого, усмотревшего в подходе польского историка «славянофильские» и «русофильские» мотивы [2].

Ю. Раджишевская пришла к выводу о том, что историческое мировоззрение Стрыйковского складывалось в равной степени как на основе исторических источников, так и литературных произведений, в связи с чем им и был создан ожидаемый общественностью «историческии эпос», чему, по ее мнению, исследователи деятельности Стрыйковского не уделяли должного внимания, поскольку «эрудиция историка и археолога до сих пор заслоняла творчество Стрыйковского-поэта»[133]. Ю. Раджишевская называет позицию Стрыйковского «особой» в ряду историографических достижений его времени, полагая, что этот автор, хотя и почерпнул основной массив исторических сведений из летописеи, «преобразовал

---

130 Там же. С. 307 308.

131 *Bardach J* Kronika Macieja Stryjkowskiego i jej rozpowszechnienie w Rosji // Przegląd Historyczny. 1967. Z. 2. S. 330.

132 Ibid. S. 336

133 *Radziszewska J* Maciej Stryjkowski: historyk-poeta .. S. 9 10

его, дополнил и обогатил... характерной для его эпохи исторической традицией», сконструировал свой образ прошлого из различных по происхождению материалов (nawarstwień)[134]. Именно комплексность историко-поэтического подхода Стрыйковского к описанию прошлого, по мнению Ю. Раджишевской, игнорировалась исследователями, что было причиной негативных оценок его историографических достижений[135].

В монографии З. Войтковяка представлены результаты сравнительного исследования двух «универсальных» исторических сочинений Стрыйковского – повести *О началах* и *Хроники*. Этот ученый аргументированно опровергает мнение о том, что опубликованный в 1582 г. труд Стрыйковского является лишь «отредактированной версией хроники-поэмы», характеризует *Хронику* в качестве сочинения, претендующего на изложение «истории если и не всего славянства, то наверняка Восточной Европы в представлениях того времени», тогда как повесть называет лишь описанием истории Великого княжества Литовского. З. Войтковяк также ставит под сомнение гипотезу своих предшественников о том, что стихотворная повесть *О началах* была написана раньше *Хроники*, полагая, что «легче готовый научный текст переложить на стихи, нежели наоборот»[136].

Интерес исследователей XIX – начала XX в. (И. Даниловича[137], И. Якубовского[138], И. Тихомирова[139]) к «русским» и «московским» известиям, содержавшимся в хронике Стрыйковского, был обусловлен богатством и многообразием источниковой базы этого памятника. Эти авторы выявили и изучили восточнославянские и литовские хроники, использованные Стрыйковским для освещения истории русских земель. Во второй половине XX в. исследования в этом направлении проводились Ф. Щелицким[140]. Их результаты нашли отражение также

---

[134] *Radziszewska J* Maciej Stryjkowski: historyk-poeta... Ibid. S. 140–141.

[135] *Radziszewska J* Maciej Stryjkowski i jego dzieło... S. 25.

[136] *Wojtkowiak Z* Maciej Stryjkowski... S. 195.

[137] *Danilowicz I* Wiadomość o właściwych litewskich latopiscach // Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszyskiej Rusi Macieja Stryjkowskiego. Wydanie nowe... T 1 S 31–60.

[1 8] *Jakubowski J* Kroniki Litewskie // Rocznik towarzystwa przyjaczół nauk w Wilnie. Wilno, 1909.

[13] *Тихомиров И* О составе... С. 70–117.

[4] *Sielicki F* Kroniki staroruskie w dawniej Polsce na tle polsko-ruskich to unkow kulturalnych Slavia Orientalis. 1964. T. 13. S. 151 ; *Sielicki F.* Kronikarze polscy w latopisarstwie i dawniej historiografii ruskiej // Slavia Orientalis. 1966 T 14 S. 162 170.

в упоминавшихся публикациях А. И. Рогова, Ю. Раджишевской, Ю. Бардаха, З. Войтковяка.

В контексте истории общественно-политической и ученой мысли XVI в. «русские» и «московские» фрагменты в составе сочинения Стрыйковского рассматривались В. Н. Татищевым, И. И. Первольфом, А. Н. Робинсоном, А. И. Роговым, Ю. Бардахом, В. Големаном, А. С. Мыльниковым, А. А. Семянчук и К. Ю. Ерусалимским.

Большинство отечественных авторов старались подчеркнуть симпатию Стрыйковского к восточным славянам, причем не только к населению «русских» областей польско-литовского государства, но и Московской Руси. Весьма лестные для Руси и Московии этногенетические гипотезы этого польского историка были упомянуты в публикациях В. Н. Татищева и И. И. Первольфа, хотя эти авторы решали посредством их акцентирования различные задачи. Тогда как Татищев усматривал в изобретенной Стрыйковским «мосоховой» генезе славян признаки «лестного коварства ко прельщению» русских[141], то Первольф, как искренний адепт панславистской доктрины, считал признаком «промосковского» расположения Стрыйковского ключевой тезис его концепции, а именно утверждение, что «Москва-Русь» является древней родиной всех русско-славянских народов и хранительницей важнейших ценностей славянской культуры, прежде всего греческо-славянской азбуки и «русского славянского языка»[142].

А. Н. Робинсон также усматривал в трактовке этногенеза славян через концепцию «Мосох-Москва», получившей наибольшее развитие именно в хронике Стрыйковского, указание на стремление этого автора «создать впечатление всемирного признания Московского государства от Мосоха», что, по мнению исследователя, отвечало умонастроениям той эпохи, «когда Западная Европа внезапно увидела на своих восточных окраинах вместо порабощенной татарами страны быстро возмужавшую огромную империю во главе с Москвой»[143]. А. Н. Робинсон приходит к выводу, что весьма лестная для Московского государства библейская генеалогия, обоснованная Стрыйковским, представляла Россию крупнейшей и сильнейшей славянской державой, населенной самым

---

[141] *Татищев В.* История Российская. Т. 1. М., 2003. С. 357.

[142] *Первольф И.* Славяне, их взаимные отношения и связи. Т. 2. Славянская идея в литературе до XVIII в. Варшава, 1888. С. 123–124.

[143] *Робинсон А. Н.* Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963. С. 105–106.

многочисленным и могущественным среди славян московским народом, а также наиболее «славной» по своему происхождению[144].

Близкие оценки подхода Стрыйковского к освещению истории Руси и Москвы высказывались и другими отечественными исследователями. В частности, А. И. Рогов не только подчеркивал приверженность польского историка идее славянского единства, но и полагал, что автор *Польской хроники* создал свое сочинение «к славе» русского народа, а также «восхищался его историей»[145]. А. С. Мыльников усматривал в «славянском космополитизме» Стрыйковского признаки гуманистического подхода к описанию этногенеза славянских народов. Этот исследователь полагал, что посредством акцентирования славянской идеи польский автор, несмотря на «наивность» созданной им концепции и довлевшие над ним стереотипы мифологического мышления, тем не менее «исходил из идеи сближения поляков, русских и остальных славянских народов как христиан, независимо от их внутриконфессиональной принадлежности»[146]. Сходная оценка идеологической направленности концепции Стрыйковского дается и в работах белорусской исследовательницы А. А. Семянчук, признававшей важнейшей заслугой этого автора преодоление обусловленной политической конъюнктурой неприязни к Руси, которая была характерна для польской средневековой хронографии[147].

По вопросу оценки идеологии труда Стрыйковского в принципиальную дискуссию с А. И. Роговым вступил Ю. Бардах. Этот польский исследователь решительно отверг тезис советского ученого о «восхищении» польского историка историей России и его славянофильских аспирациях. По мнению Ю. Бардаха, Стрыйковский представлял, прежде всего, интересы Литвы и тех русских земель, которые входили в состав Речи Посполитой, и хотя и имел «широкий взгляд» на вопросы истории славянского востока, но всегда трактовал их руководствуясь интересами Речи Посполитой[148]. Эта позиция в работах Ю. Бардаха подкрепляется выдержками из хроники Стрыйковского, подтверждающими, в целом, позитивное отношение ее автора к Люблинской унии[149]. Вместе с тем, оценивая отношение историка к «московской Руси», Ю. Бардах при-

---

[144] *Робинсон А. Н.* Историография славянского Возрождения... С. 112–113.

[145] *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи... С. 308.

[146] *Мыльников А. С.* Картина славянского мира... С. 37.

[147] *Semiańczuk A., Semiańczuk H.* Oblicza Wschodu w dziejopisarstwie polskim do końca XVI wieku // Oblicza Wschodu w kulturze polskiej. Poznan, 1999. S. 23.

[148] *Bardach J.* Kronika Macieja Stryjkowskiego... S. 331.

[149] Ibid. S. 329.

знает, что Стрыйковский не только «осознавал единство русских земель в историческом смысле, независимо от их актуальнои политическои принадлежности», но и нередко занимал нейтральную позицию в отношении прошлого московского государства, а в ряде случаев даже демонстрировал доброжелательное отношение (zyczliwość) к московитам[1] Чем именно обусловлена двойственная, а в ряде случаев и непоследовательная позиция Стрыйковского в оценке прошлого различных восточнославянских земель, польский исследователь не поясняет.

Попытка выявить роль «русского элемента» в созданном на страницах сочинений Стрыйковского историческом образе Великого княжества Литовского предпринимается в работе польского исследователя В. Големана. Сопоставив два главных сочинения Стрыйковского, этот автор приходит к выводу о том, что «печатная хроника, предназначенная для широкого круга читателей, как Великого княжества Литовского, так и Короны, тушует имеющееся в рукописной повести, некогда очень острые, заимствованные из русских источников, обвинения в адрес поляков»[151]. В. Големан ограничивается кратким описанием основных черт образа русской истории, подчиняя его нашедшей отражение в трудах Ю. Бардаха точке зрения о лояльности Стрыйковского унийной идее, а также приписывает этому автору весьма спорную, с нашеи точки зрения, оценку притязаний московских князей на русские земли, полагая, что Стрыйковский считал их «совершенно безосновательными»[152]. При этом проблема противоречивости позиции польского историка по вопросам трактовки русской истории В. Големаном даже не ставится.

В исследованиях современного российского ученого К. Ю. Ерусалимского концепция истории славянского востока, представленная на страницах сочинений Стрыйковского, рассматривается в контексте формирования «идеологии истории» Речи Посполитой на завершающих этапах Ливонской войны. Этот автор выделяет две различные по своей идеологической направленности «исторические модели» восточного соседа Польши, одна из которых нашла отражение в повести *О началах*, другая – в *Хронике*.

К. Ю. Ерусалимский приходит к выводу о том, что первая модель, созданная Стрыйковским в годы вынужденного перемирия Речи

---

[150] Ibid. S. 330.

[151] *Goleman W.* Wielkie Księstwo litewskie i jego mieszkańcy w oczach Macieja Stryjkowskiego // Uniwersalizm i regionalizm w kronikarstwie Europy Srodkowo-Wschodniej: średniowiecze – początek czasów nowożytnych. Lublin, 1996. S. 73

[152] Ibid. S. 78–80.

Посполитой и Москвы, в эпоху бескоролевья, содержала такое «прочтение» истории славянского востока, которое предполагало «осторожное и в ряде случаев подчеркнуто комплиментарное отношение к имперским амбициям царя»[153]. Ключевую роль при решении данной задачи, с точки зрения ученого, сыграла авторская версия этногенетической легенды, производившей славянские народы от эпонима Москвы, в рамках которой этот герой в родовой иерархии был расположен выше эпонимов поляков и чехов – Леха и Чеха, а также Руссы (сыновей Москвы), что давало возможность не только оправдать притязания московской династии на первенство в славянском мире, но и подтвердить ее право на владение русскими землями. По мнению К. Ю. Ерусалимского, обеспечение таких притязаний «историко-географической легитимацией» в разгар военного противостояния Польши и Москвы не воспринималось в качестве государственной измены в силу ряда обстоятельств: популярности в польской историографии этногенетических построений, связывавших легендарное прошлое славян с «альтернативным» эпонимом московитов ветхозаветным Мосхом, позиционирования Ивана IV в качестве кандидата на польско-литовский трон, а также в силу стремления Стрыйковского усилить позиции русско-славянской «партии» в Литве посредством акцентирования ее исторической связи с могущественным соседом[154].

Потенциал данной модели, по мнению К. Ю. Ерусалимского, был исчерпан после коронации Стефана Батория и возобновления активных боевых действий между Речью Посполитой и Московским государством. Именно эти обстоятельства исследователь считает причиной утверждения новой модели истории восточных славян, в рамках которой Стрыйковским полностью были устранены указания на московское участие в овладении «сарматским наследством», поскольку отразившая эту версию *Хроника*, в отличие от повести *О началах*, уже не содержала «никаких следов происхождения сарматских народов от Москвы», что способствовало опровержению «исторической легитимации великого князя Московского» и его претензий на русские земли Речи Посполитой[155].

Оценивая представленную точку зрения на проблему концептуализации и актуализации представлений об истории славянского востока

---

[153] *Ерусалимский К. Ю.* Идеология истории Ивана Грозного: взгляд из Речи Посполитой // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 635.

[154] Там же. С. 630.

[155] Там же. С. 632–633.

в трудах Стрыйковского, мы не можем не обратить внимание на ряд недостатков заявленного К. Ю. Ерусалимским подхода, которые очевидны с учетом проведенного нами выше сравнения русских и московских известий, содержащихся в повести *О началах* и *Хронике*.

Во-первых, не следует забывать о том, что в состав повести вовсе не были включены этногенетические гипотезы Стрыйковского о происхождении славян от библейских «первопредков» русских и московитов – Сарматы и Мосоха, которые нашли отражение в *Хронике*[156]. Этим концепциям, выполнявшим те же функции «историко-географической легитимации» московских государей, что и этногенетическая концепция происхождения славян от эпонима Москвы, в хронике посвящен специальный раздел, тогда как в повести *О началах* этногенетические рассуждения автора «рассеяны» по тексту и, как правило, «встроены» в рассказы не о русских или московских, а о литовских делах, из-за чего создается впечатление их периферийности и избыточной гипотетичности для самого автора.

Во-вторых, именно в *Хронике*, как мы могли убедиться, появляются «русские» и «московские» известия, заимствованные из сочинения Герберштейна, которые, наряду с весьма лестными для Москвы этногенетическими построениями самого Стрыйковского (развитие «мосоховой» генезы славян), позволяли обосновать право московских князей на русские земли, поскольку они на конкретных примерах подтверждали историческую преемственность киевской и московской великокняжеских династий (крайне важен сюжет о «регалиях» Владимира Мономаха, проигнорированный в повести). Именно дополнение *Хроники* этими материалами, с нашей точки зрения, ставит под сомнение высказанное К. Ю. Ерусалимским предположение о предпринятом Стрыйковским в этом сочинении пересмотре исторического прошлого восточнославянских народов в антимосковском ключе.

Таким образом, спор о тенденциях идеологизации истории славянского востока в сочинениях Стрыйковского едва ли близок к завершению. Вместе с тем, предпринятое нами выше изложение высказанных различными авторами точек зрения дает нам возможность прийти к выводу о том, что отдельные элементы концепции Стрыйковского могли быть использованы для обоснования его современниками самых

[156] Подробнее об этом см.: *Карнаухов Д. В.* Польский историк XVI в. Мачей Стрыйковский о происхождении восточных славян // Рос.-пол. ист. альм. 2006. Вып. 1. С. 18–32.

разных, нередко противоположных по своей направленности, политических задач. В частности, она была в состоянии обеспечить аргументами, необходимыми для легитимации прав на русские земли во внешнеполитическом противостоянии, обе заинтересованные стороны – как польско-литовские, так и московские элиты. Работа К. Ю. Ерусалимского зримо показывает возможности «эксплуатации» потенциала интересующей нас концепции истории славянского востока со стороны «интеллектуалов-эрудитов», шляхетской общественности и правящих кругов баторианской Польши, что является новым, прежде всего для отечественной историографии, до настоящего времени раскрывавшей влияние идей Стрыйковского лишь на восточнославянскую традицию исторических представлений.

Помимо приведенных нами выше общих оценок отношения Стрыйковского к вопросам восточнославянской истории, в последние десятилетия огромный интерес у исследователей, представляющих различные страны, вызывают отдельные аспекты отражения истории Руси в хронике этого автора. Полагаем важным представить здесь краткий обзор таких работ.

Белорусские исследователи Н. Улащик, А. Белый и О. Латышонок в своих работах уделили внимание представлениям Стрыйковского о территориальной дифференциации Руси, в частности, обратили внимание на особенности применения и трактовки географических терминов «Белая Русь» и «Черная Русь», а также связанных с ними этнонимов. О. Латышонок полагает, что Стрыйковский, по всей видимости, не имел собственной «терминологической концепции» и следовал при описании русских земель терминологии своих источников, чем и объясняются разночтения в названиях различных восточнославянских регионов[157]. Н. Улащик и А. Белый склонны видеть в «цвётной» маркировке русских регионов, предпринятой Стрыйковским, влияние хроники Кромера[158].

Некоторые авторы уделили внимание отдельным сюжетам, так или иначе связанным с прошлым Руси, нашедшим отражение в хронике

[157] *Łatyszonek O* Od Rusinów Białych do Białorusinów. U źródeł białoruskiej idei narodowej. Białystok, 2006. S. 91–92.

[158] *Улащик Н* Белая и Черная Русь в «Кронике» Матвея Стрыйковского // Імя тваё Белая Русь / укл. Г. М. Саганович. Мінск, 1991. С. 101 ; *Белы А.* Хроніка Белай Русі. Chronicon Russiae Albae. Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Мінск, 2000. С. 150.

Стрыйковского: ярким событиям или же образам героев Так, П. С. Стефанович рассматривает хронику Стрыйковского как один из ключевых источников формирования мифологического образа важного эпизода в истории русско-польских отношений первой половины XII в. пленения поляками перемышльского князя Володаря Ростиславича. Он показывает роль *Хроники* в освещении данного сюжета в сопоставлении с другими памятниками польской исторической мысли того времени[159]. Внимание Д. Домбровского привлекла проблема освещения на страницах сочинений Стрыйковского генеалогии Романовичеи – потомков легендарного галицко-волынского князя Романа Мстиславича, которая рассматривается в качестве важного фактора формирования историко-культурного образа Руси в ренессансной Польше, характеризуется как результат глубокой проработки Стрыйковским материалов русского летописания[160].

Подводя итог нашему обзору, следует отметить ряд тенденции в изучении историографических достижений Стрыйковского отечественными и зарубежными исследователями.

Научный интерес к концепции истории русских земель, созданнои Стрыйковским, обусловлен широтой круга источников этого автора, а также его активной личной позицией в освещении восточнославянской проблематики. Концепция Стрыйковского не укладывалась в стандартные схемы, поскольку, привлекая материал из источников различнои идеологической направленности, польский автор, находившиися под влиянием различных, нередко противоречивых идей, дискурсов – династического, метаэтнического, конфессионального и этнополитического, не ставил перед собой задачи согласования противоречий, и потому те или иные исследователи имели возможность посредством выборочного использования аргументации Стрыйковского увидеть в его сочинении значимые для себя идеи. В этой связи неслучайна отмеченная нами противоположность в подходах российских и польских ученых.

В связи с вышесказанным, остается лишь сожалеть о том, что до настоящего момента практически не предпринималось попыток провести

---

[159] *Стефанович П. С.* Володарь Перемышльскии в плену у поляков (1122 г.). источник, факт, легенда, вымысел *Древняя Русь. Вопросы Медиевистики* 2006. № 4. С. 78–89.

[160] *Dąbrowski D* Romanowicze w Kronice Polskiej, Litewskiej, zmudzkiej i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego (ze szczegolnym uwzględnieniem kwestii genealogicznych) // Senoji Letuvos literatura. 2006. T. 22. S 143 181

исследование этого памятника «на пограничье дискурсов», усмотреть в подходе Стрыйковского отражение той грандиозной региональной трансформации, которую Восточная Европа переживала на исходе XVI столетия, политические и культурные итоги которой для интеллектуалов того времени не были очевидны, что и обусловило некоторую эклектичность в их подходах к оценке истории.

Глава 6

История «Русской земли» и Московии в сочинениях Александра Гваньини

KRONIKA
Sármácyey Europskiey,

W KTOREY SIE ZAMYKA krolestwo Polskie ze wszystkiemi Páństwy, Xięstwy, y Prowincyámi swemi: tudźież też Wielkie Xięstwo Lithew: Ruskie, Pruskie, Zmudzkie, Inflantskie, Moskiewskie, y część Tátárow.

Przez ALEXANDRA GWAGNINA *z Werony, Hrábie Pálacu Láteráńskiego, Rycerzá pásowánego, y Rotmistrzá Iego K. M. Pierwey Roku 1578. po łácinie wydána. A teraz zás z przyczynieniem tych Krolow, ktorych w łácińskiey niemáß: Tudźież krolestw, Páństw, Insul, ziem y krain, ku tey Sármácyey przyległych: iáko Grecyey, ziem Słowieńskich, Wołoskiey, Pánnoniey, Bohemiey, Germániey, Dániey, Szwecyey, Gotyey, &c. Przez tegoż Autorá z wielką pilnośćią Rozdźiałámi ná X. Xiąg krociuchno zebrána, á z Łáćińskiego ná Polskie przełożona.*

Cum Gratia & Priuilegio S. R. M.

W KRAKOWIE,
w Drukárniey Mikołáiá Lobá, Roku Páńskiego 1611.

Публикация польскоязычной хроники Стрыйковского стала событием огромного значения в истории польской историографии. Вместе с тем использование национального языка существенно ограничило круг читателей этого сочинения: познакомиться с ним имели возможность лишь жители Речи Посполитой и сопредельных с ней славянских стран, знавшие польский язык. Именно это обстоятельство не позволило Стрыйковскому приобрести славу историографа в общеевропейском масштабе. За пределами Польши наиболее авторитетным ученым трудом об истории стран Восточной Европы по-прежнему считалась хроника Кромера.

Вместе с тем, огромный интерес к этому региону стимулировал создание новых сочинений. На исходе XVI столетия наиболее востребованными были комплексные труды, сочетавшие в себе элементы географического трактата и исторической хроники, приемлемые как с точки зрения формы, так и содержания. Хроника Кромера по целому ряду параметров не отвечала этим запросам. С одной стороны, она была слишком объемной, проигрывала из-за тяжеловесной «хронографической» структуры изложения материала. С другой стороны, это сочинение подверглось критике некоторых влиятельных интеллектуалов эпохи Возрождения из-за избыточного полоноцентризма и прокатолической направленности. Между тем, европейский читатель был заинтересован в появлении идеологически нейтрального, достаточно информативного, и в тоже время популярного очерка истории восточноевропейского региона.

Этим требованиям в немалой степени отвечало сочинение современника Кромера и Стрыйковского, натурализовавшегося в Польше итальянца Александра Гваньини (Alexander Guagninus, 1534–1614). Этот автор был одной из самых противоречивых фигур в истории европейской историографии конца XVI – начала XVII в. Несмотря на отсутствие специального гуманитарного образования, а также нелицеприятные обвинения в плагиате, ему удалось создать ученый трактат, в котором

в простой и доступной форме описывались история и актуальное положение стран «Европейской Сарматии»: Польши, Руси, Литвы, Московии, Пруссии, Ливонии и других земель.

Гваньини родился в 1534 г. в итальянской Вероне, принадлежавшей в те времена Венецианской республике. В Польшу он приехал вместе с отцом в 50-х гг. XVI в. с целью поступить на военную службу. В составе польской армии Гваньини принял участие в Ливонской войне и многие годы командовал гарнизоном приграничной витебской крепости. Именно в Витебске он собрал сведения об истории и современном положении стран Восточной Европы, что можно объяснить не только потребностями информационного обеспечения военных действий, но и честолюбивым стремлением прославить свое имя посредством написания ученого трактата. Гваньини имел все основания рассчитывать на успех именно на литературном поприще, поскольку в XVI в. на пике развития ренессансной интеллектуальной культуры в странах Европы наметился подъем в развитии научной географии, в связи с чем были крайне востребованы любые компетентные реляции, позволявшие получить достоверные сведения о малоизвестных землях.

О писательском и научном таланте Гваньини современному исследователю судить крайне сложно, поскольку публикация приписываемого ему сочинения сопровождалась обвинениями в плагиате со стороны Мачея Стрыйковского, который служил в Витебске под началом Гваньини. Стрыйковский утверждал, что его командир похитил принадлежавшую ему рукопись хроники и опубликовал ее как собственное сочинение. Обратившись с жалобой к королю Стефану Баторию, Стрыйковский получил грамоту, подтверждавшую его авторские права на спорное произведение, однако это не помешало Гваньини в дальнейшем публиковать его под своим именем за пределами Польши.

В научной литературе нет единого мнения по вопросу плагиата Гваньини. Различные точки зрения и аргументы, касающиеся данного вопроса, мы приведем в историографическом разделе данной главы. Вместе с тем, для анализа содержания ученого трактата, опубликованного под именем Гваньини, важно определиться в вопросе признания или непризнания самого факта использования этим автором материалов Стрыйковского. В пользу признания этого факта говорит немало обстоятельств, прежде всего тесное взаимодействие Гваньини и Стрыйковского в Витебске, масштабность задуманного проекта, которая требовала не только литературного таланта, но и кропотливой работы с источниками на протяжении длительного времени. Публикация хроники Стрыйковского

показала, что именно этот автор был способен провести такую работу. Еще одним косвенным подтверждением плагиата Гваньини мы можем признать тот факт, что после публикации своего сочинения каких-либо иных достойных внимания литературных трудов этот автор не создал. Последующие издания спорного произведения подвергались лишь незначительной редакторской правке, а существенно видоизмененная польская редакция была подготовлена, судя по указанию на титульном листе, переводчиком Марчином Пашковским «стараниями» Гваньини (przez Marcina Paszkowskiego za staraniem Autorowym z Łacińskiego na Polskie przełożona)[1].

Таким образом, есть все основания полагать, что Гваньини при создании своего трактата в той или иной степени воспользовался материалами Стрыйковского. Однако некорректно утверждать, что этот автор лишь опубликовал похищенную рукопись под своим именем Вероятнее всего, материал Стрыйковского был тщательно отредактирован, переведен с польского языка на латынь, а также «вписан» в структуру изложения, которая была разработана самим Гваньини, на что указывают принципиальные различия в способах организации информационного пространства в хронике Стрыйковского и сочинении Гваньини. Ниже мы постараемся рассмотреть эти особенности.

Впервые латинский трактат, на титульном листе которого значилось имя Александра Гваньини, был опубликован в 1578 г. в краковской типографии доктора Мачея Вижбенты под титулом *Описание Европейской Сарматии* (Sarmatiae Europeae Descriptio; далее по тексту – *Описание*) В 1581 г. это сочинение с некоторыми дополнениями было переиздано в немецком Шпейере[3]. Об интересе к *Описанию* свидетельствует предпринятая синхронно с его вторым изданием публикация «извлечения»

---

[1] Эта оговорка дала основание некоторым исследователям полагать, что истинным автором польской редакции был сам Пашковский (см : *Budka H* Gwagnin Alexander // Polski słownik biograficzny. Wrocław [etc.], 1961. T. 9. S. 203 204)

[2] Sarmatiae Europeae Descriptio, quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Masoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur. Alexandri Gwagnini Veronensis, equitis aurati, peditumque praefecti, diligenter conscriptae. Cracovia, 1578.

[3] Sarmatiae Europeae Descriptio. Quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam Russiam, Masoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam et Moschoviae Tartariaeque partem complectitur. Alexandri Gwagnini Veronensis, equitis aurati, peditumque praefecti. Cum supplementi loco ea quae gesta sunt superiori anno inter Serenissimum Regem Poloniae et Magnum Ducem Moschoviae breviter adiecta sunt. Item geneal gia Regum Polonorum. Spirae, M.D.LXXXI.

из сочинения Гваньини – фрагмента, посвященного эпохе Ивана Грозного – в латинской и немецкой языковых версиях[4].

В конце XVI в. фрагменты оригинального латинского текста *Описания* неоднократно переиздавались в сборниках историко-географических трудов, посвященных Польше[5]. В первой половине XVII в. это сочинение несколько раз было опубликовано в немецком Лейдене (1626, 1627, 1642). Последний раз латинская редакция трактата Гваньини была опубликована Мицлером де Колоф в первом томе сборника *Historiarum Poloniae* в 1761 г.[6] Полный текст, а также отдельные фрагменты *Описания* в разное время переводились на польский, итальянский, чешский и русский языки[7]. О масштабах интереса к этому сочинению читающей публики всей Европы говорит тот факт, что всего за два столетия, с момента первой публикации, полностью или частично оно было опубликовано девятнадцать раз[8].

Источниками знаний Гваньини об истории восточных славян, полученных через посредничество Стрыйковского, были ранее опубли-

---

[4] Gesta praecipua tyranniaque ingens Monarchae Moscoviae Joannis Basiliadis nuper perpetrata. Spirae, 1581; Etliche Historien Von des ietzigen Groszfürsten im der Moscha Johan Basiliadis grawsamer Tyranney. Ausz der Beschreibung Sarmatiae Europeae Alexandri Guagnini gezogen und verteutscht. Mit einem vorrede. Speir, M.D.LXXXII.

[5] Polonicae historiae corpus <...>. Basilia,1582. T. 1. P. 17–73 ; T. 2. P. 341–370, 880–897. Rerum Polonicarum tomi tres <...>. Francofurt, 1584. T. 2. P. 1–330 ; Rerum Moscoviticarum Auctores varii <...>. Francofurt, 1600. P. 154–205.

[6] Historiarum Poloniae et magni ducatus Lithuaniae scriptorum <...>. Varsaviae, 1761. T. 1. P. 36–114.

[7] Лишь польский и итальянский переводы были сделаны на основе полного текста этого сочинения. Его фрагменты неоднократно переводились на немецкий и чешский языки. Несмотря на повышенное внимание, уделенное на страницах *Описания* истории Руси и Московии, на русский язык переводились лишь отдельные фрагменты латинского текста этого сочинения. О русских переводах, сделанных с латинской и польской редакций сочинения Гваньини, кратко информируют А. И. Соболевский (см.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.: библиогр. материалы. СПб., 1903. С. 76–78), Г. Г. Козлова (см.: *Козлова Г. Г.* Александр Гваньини и его сочинения // Гваньини А. Описание Московии / пер. с лат. и коммент. Г. Г. Козловой. М., 1997. С. 8.) и О. А. Дячок (см.: *Дячок О А* Анализ рукописных переводов «Хроники Европейской Сарматии» А. Гваньини на русский и украинский языки // Исследования по археографии и источниковедению отечественной истории XVI–XX вв. Днепропетровск, 1990. С. 19–32).

[8] Подробнее о публикациях труда Гваньини см.: *Estreicher K.* Bibliografia Polska. T. 17: Stulecie XV–XVIII w układzie abecadłowym: G. Kraków, 1899. S. 480 486.

кованные польские исторические хроники – главным образом труды Меховия, Кромера и Бельского, а также записки иностранцев о Московии (Герберштейна, Шедела, Штадена и др.)[9]. Немаловажную роль для формирования исторической концепции «соавторов» *Описания* сыграли также личные наблюдения Стрыйковского и Гваньини.

Для более полной реконструкции концепции русской истории Гваньини целесообразно сопоставить латинскую и польскую редакции его сочинения. Различия между ними настолько существенны, что так называемый польский перевод М. Пашковского, опубликованный в Кракове в 1611 г. под титулом *Хроника Европейской Сарматии* (Kronika Sarmacyey Europejskiey), допустимо рассматривать в качестве самостоятельного произведения, в основу которого был положен оригинальный латинский текст *Описания*, значительно переработанный и дополненный[10].

Вводный раздел сочинения Гваньини содержит краткое географическое описание Восточной Европы[11], в том числе характеристику русских земель, а также концепцию происхождения «древних и воинственных народов Сарматии»[12], в том числе и русского народа. Источником представлений Гваньини о географическом положении восточноевропейского региона вероятнее всего было сочинение Меховия, поскольку этот автор, описывая границы Европейской Сарматии, перечисляет находившиеся в ней географические объекты, а также населявшие ее народы, в полном соответствии с *Трактатом о двух Сарматиях*[13].

---

[9] В отличие от своих предшественников, Гваньини не ссылается на труды своих современников, из которых он заимствовал исторические сведения.

[10] Первое латинское издание в формате фолио насчитывает 203 листа (406 страниц), тогда как объем польского текста в аналогичном формате превышает 800 страниц.

[11] Здесь и далее мы приводим параллельно формулировки названий содержательно идентичных глав в латинском 1578 г. и польском 1611 г. изданиях сочинения Гваньини с соблюдением орфографии оригинала: Sauromatiae Europeae situs / Opisanie samey Sarmacyey Europskiey w granicach i okolicznościach iey.

[12] Deductio et Origo antiquae bellicosaeque gentis Sauromaticae, ex qua Poloni ortum genusque suum ducunt / Wywod y początek starożytnego i walecznego narodu Sarmackiego, z którego Polacy i wszyscy Słowianie początek i rodzay swóy wiodą.

[13] Границами Европейской Сарматии Гваньини называет Волгу, озеро Меотис и Танаис, «берущий свое начало в рязанской области Московии», которыми она отделяется от Азиатской Сарматии, локализованную Гваньини на восточных берегах Волги и Дона, где, по мнению автора *Описания*, обитают орды татар и заволжских скифов. Эта реляция почти полностью соответствует описанию Меховия (см.: *Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях / введ., пер. и коммент С. А. Аннинского. М. ; Л., 1936. С. 191–192 ; Sarmatiae Europeae Descriptio <...>. Cracovia, 1578. F. 1v.).

Различие между латинской и польской редакциями данного фрагмента сочинения Гваньини состоит в вариантах названий рек (в первом случае греко-латинские, а во втором – славянские)[14]. Вызывает интерес также комментарий, отражающий политические реалии эпохи написания трактата Гваньини, в частности, указание на то обстоятельство, что большая часть обширных территорий Европейской Сарматии, в том числе многочисленные русские земли (multas regiones Russiae), находится под властью польского короля, границы владений которого простираются на север до земель, принадлежащих Швеции, и на восток вплоть «до Московского княжества» (ad Moschorum Principis)[15]. Тем самым Гваньини подтверждает право польской короны на западные русские земли, которое, как во время Ливонской войны, так и в последующий период, активно оспаривалось Московским государством.

В этногенетической концепции Гваньини объединены свидетельства, заимствованные из различных источников, происхождение которых не всегда очевидно. Здесь в общих чертах воспроизводится сарматская теория происхождения Руси. Гваньини ассоциирует русских с «жестоким народом роксолан или роксан», прародиной которого называет берега Танаиса и «Меотские болота» (a fluvio Tanai et paludibus Meotidis gens crudelis... Roxolani sive Rossani, et Rutheni Russiquae cognominati sunt)[16]. Прямых ссылок на труды польских историков, из которых заимствованы эти данные, в сочинении Гваньини нет – обосновывая их, итальянский автор напрямую апеллирует к трудам Геродота, Бероса, Плиния, Птолемея, Сабеллика и Кранца[17].

Единственным очевидным источником представлений Гваньини (посредничество Стрыйковского при этом также не вызывает сомнений)

---

[14] В латинской версии труда Гваньини обращает на себя внимание использование двух гидронимов, неизвестных Меховию: упоминаются реки Рибон (славянская Двина) и Кронон (славянский Неман). Таким образом, автор *Описания* мог привлечь в качестве источника либо хроники, либо картографические материалы немецкого происхождения, в которых широко применялись именно эти названия упомянутых рек.

[15] Sarmatiae Europeae Descriptio... 1578. F. 2.

[16] Ibid. F. 4v.

[17] Судя по набору аргументов, при написании вводного раздела Гваньини воспользовался отдельными догадками и гипотезами Стрыйковского. Однако, применительно к данному разделу *Описания*, нет оснований говорить о буквальном заимствовании всей этногенетической концепции Стрыйковского, которая в его собственных сочинениях выглядела иначе. В этой связи можно предположить, что идеи Стрыйковского были подчинены Гваньини его собственным взглядам на прошлое Европейской Сарматии.

об этногенезе восточных славян была *Хроника всего света* Бельского. На это указывает ряд обстоятельств: во-первых, упоминание родственных русским-роксоланам «волгар или волгинов», названия которых автор *Описания*, следуя Бельскому, производит «от мест их обитания на Волге» (Volgari... sive Volhini populi ex ijsdem sedibus a Volga amplissimo cognominati), во-вторых, пересказ представленной лишь в *Хронике всего света* гипотезы о переселении «волгар» на Волынь (в тексте *Описания* – Wolinia) и, в-третьих, почти дословное воспроизводство фрагмента сочинения Бельского, в котором упоминается о взаимоотношениях вандалов и русских-роксолан в Сарматии[18]. Вместе с тем, каких-либо ссылок на польский источник в данном случае Гваньини не дает. Именно эта особенность позволяет предположить, что приведенные выше тезисы концепции Бельского были восприняты Гваньини не напрямую, а через посредничество все того же Стрыйковского.

На выборочный характер использования Гваньини этногенетических гипотез Стрыйковского указывает то обстоятельство, что в концепции итальянского автора, изложенной в вводных разделах его сочинения, проигнорирован вопрос происхождения московитов, которому Стрыйковский уделял пристальное внимание. Московиты хотя и упоминаются Гваньини в перечне славянских народов, представленном под выносной глоссой «Gentes Slauonicae quantae et quot» (Славянские народы, какие и сколько), но при этом не удостоены «собственной» генеалогии[19]. В польской редакции 1611 г. существенных дополнений, касающихся вопроса их этногенеза, нет – появляется лишь краткое указание на происхождение московского народа «от Мошка, брата Яфетова» (Moszki od Moszka, brata Jafetowego)[20], которое в несколько искаженном виде было заимствовано из второй редакции все той же *Хроники всего света*[21].

Основная часть сочинения Гваньини состоит из историко-географических очерков, посвященных странам Восточной Европы: в латинской редакции они названы «описаниями», в польской – «хрониками»[22].

---

[18] Для сравнения: *Bielski M* Kronika wszytkyego świata na sześć wiekow, Monarchie cztery rozdzielona <...>. Kraków, 1551. L. 156 ; Sarmatiae Europeae Descriptio... 1578. F. 4v.

[19] Ibid. F. 5

[20] Kronika Sarmacyey Europskiey <...>. Kraków, 1611. L. ij v.

[21] *Bielski M.* Kronika wssythyego swyata na ssesc wieków a na czwory księgi takież Monarchie rozdzielona <...>. Kraków, 1554. L. 6v.

[22] Эти очерки мы можем рассматривать как самостоятельные сочинения, поскольку они не связаны друг с другом содержательно, более того, каждый из них имеет собственную фолиацию / пагинацию.

Количество таких очерков в латинской и польской редакциях не одинаково. В латинской редакции представлены «описания» Польши[23], Великого княжества Литовского[24], Пруссии[25], Ливонии[26], Московии[27] и Татарии[28], в польской редакции – «хроники» Польши (1-я книга)[29], Великого княжества Литовского (2-я книга)[30], «русской земли» (3-я книга)[31], «прусской земли» (4-я книга)[32], «инфлянтской и жмудской земли» (5-я книга)[33], «заморских земель» (6-я книга)[34], Великого княжества Московского (7-я книга)[35], «татарской земли» (8-я книга)[36], а также «Греции, земель славянских, Валахии и Паннонии» (9-я книга)[37]. Заключительная, 10-я книга хроники Гваньини включала рассказы о странах, окружающих Европейскую Сарматию, в том числе описание Венгрии, стран Ближнего Востока и Персии. Образцом такого рода организации материала для Гваньини, очевидно, послужила третья редакция *Хроники всего света* Бельского, в состав которой также включены очерки, посвященные отдельным странам.

Сведения по истории Руси содержатся во многих из этих очерков, поскольку Гваньини стремился показать не только прошлое самих

---

[23] Compendium Chronicorum Poloniae secundum seriem et successiones Principum Regumque gentis a Lecho primo duce authoreque Polonoram usqae ad modernum Regem Henricum Valesium, ordine servato // Sarmatiae Europeae Descriptio... 1578. F. 7–52.

[24] Magni Ducatus Lituaniae <...> compendiosa descriptio. Cracoviae, 1578. F. 1–33.

[25] Prussiae <...> compendiosa descriptio. Cracoviae, 1578. F. 1–13.

[26] Livoniae totius cum suis provinciis, civitatibus, castris etc. Addita est quoque brevis narratio <...>. Cracoviae, 1578. F. 1–9.

[27] Omnium Regionum Moschoviae Monarchae subjectarum, Tartarorumque campestrium arcium civitatum praecipuarum, illarum denique gentis, religionis et consuetudinis vitae sufficiens et vera descriptio <...>. Cracoviae, 1578. F. 1–47.

[28] Tartarorum Campestrium in Hordas divisorum <...> brevissima descriptio. Cracoviae, 1578. F. 1–10.

[29] Krotkie zebranie Kroniki Polskiey <...>. Kraków, 1611. S. 1–275.

[30] Kronika W.X.Litewskiego. Kraków, 1611. S. 1–116.

[31] Kronika ziemie Ruskiey <...>. Kraków, 1611. S. 1–40.

[32] Kronika ziemie Pruskiey <...>. Kraków, 1611. S. 1–61.

[33] Kronika abo krótkie opisanie ziemie Inflantskiey y Żmudzkiey <...>. Kraków, 1611. S. 1–30.

[34] Kronika ziem zamorskich <...>. Kraków, 1611. S. 1–46.

[35] Kronika W. X. Moskiewskiego y państw do niego należących. Kraków, 1611. S. 1–87.

[36] Kronika o ziemi Tatarskiey y o narodzie ich <...>. Kraków, 1611. S. 1–32.

[37] Kronika o Grecyey, Ziemiach Słowiańskich, Walachiey y Pannoniey <...>. Krakow, 1611. S. 1–32.

восточнославянских земель в специально посвященных им разделах, но и историю взаимоотношений русских с другими государствами и народами. Нашей задачей является выявление «русских» и «московских» фрагментов в различных разделах сочинения Гваньини, сопоставление их в его латинской и польской редакциях.

Очерк истории Польши Гваньини представляет в форме кратких жизнеописаний польских монархов (Vitae Regum Polonorum): от «первого князя и прародителя поляков» Леха до эпохи правления последнего короля династии Ягеллонов Сигизмунда Августа (в редакции 1578 г.). В польской редакции описание доведено до эпохи правления короля Сигизмунда III. Структурно латинская и польская версии этого раздела идентичны, однако по содержанию они существенно отличаются друг от друга.

Латинский вариант более компактен, содержащиеся в нем сведения не являются прямым заимствованием из ранее опубликованных сочинений. Заслуга Гваньини состояла именно в том, что ему удалось кратко изложить факты польской истории, содержавшиеся в более ранних латиноязычных сочинениях. Этот раздел является примером так называемого «компендиума», краткого изложения фактов, заимствованных, главным образом, из хроники Кромера[38]. Русские известия здесь представлены фрагментарно. Как правило, упоминаются отдельные факты, связанные с польско-русскими отношениями (войны, вмешательство польских монархов в междоусобицы русских князей, вопросы взаимодействия католицизма и православия, династические браки и т. д.). Польскоязычная версия данного раздела сочинения Гваньини более обстоятельна и представляет собой выборочную компиляцию очерка истории Польши из *Хроники всего света* Марчина Бельского[39].

В состав очерка польской истории Гваньини включено также описание отдельных регионов Польши. Латинская редакция этого раздела имеет важную особенность: наряду с польскими землями здесь характеризуются также вошедшие в состав Польши русские княжества, которым посвящена отдельная глава *О землях и округах Руси, присоединенных*

---

[38] Гваньини не был оригинален в стремлении кратко изложить факты польской истории. Подобного рода «сочинения» создавались и другими авторами. См., например: Chronica sive Historiae Polonicae compendiosa, ac per certa libroram capita ad facilem memoriam recens facta descriptio: Authore Magnifico Viro Joanne Herburto de Fulstin <...>. Basileae, 1571.

[39] Для сравнения см., например, фрагмент, посвященный эпохе правления Болеслава Храброго: *Bielski M.* Kronika, to iesth Historya swiata na szesc wiekow i na cztery Monarchie rozdzielona <...>. Kraków, 1564. L. 343–345v ; Krotkie zebranie Kroniki Polskiey... S. 29–31.

к Польскому королевству (De terris et districtibus Russiae, Regno Poloniae incorporatis)[40]. Она состоит из краткого очерка истории Руси, в котором излагаются ключевые факты ее этнической и политической истории, а также описания Львовской, Галицкой, Бельзской, Хелмской, Перемышльской земель и Подольского края. В польской редакции 1611 г. эта глава перенесена в *Хронику русской земли*.

Значительно больше сведений об истории Руси содержится в описании Великого княжества Литовского, которое представлено как в латинской, так и в польской редакциях сочинения Гваньини, но при этом, как содержательно, так и структурно эти разделы не идентичны.

В латинской редакции сочинения Гваньини посвященный Литве раздел *Краткое описание Великого княжества Литовского* (Magni Ducatus Lituania compendiosa descriptio) состоит из исторического и географического очерков. В историческом разделе излагается концепция происхождения литовского народа (deductio et origo celeberrimae gentis Lituanorum), а также «генеалогия» литовских князей (ordo ginealogiaque ducum Lituaniae) в форме кратких жизнеописаний – начиная от легендарного Палемона и заканчивая Великим князем Литовским Александром. В таких «персональных» очерках представлены также сведения об эволюции литовско-русских отношений от даннических форм зависимости литовцев от русских князей до полного подчинения Руси Литве.

Гваньини не указывает своих источников. Между тем, его реляции гораздо содержательнее свидетельств Длугоша, Меховия, Деция, Кромера и Бельского, которые в той или иной степени затрагивали вопросы литовско-русских отношений в контексте описания истории Польши, в частности, упоминали о размере и формах дани, уплачивавшейся литовцами русским князьям. С учетом преимущественно компилятивного характера других разделов сочинения Гваньини, очевидная содержательная новизна описания литовско-русских отношений позволяет нам полагать, что автор именно в *Кратком описании Великого княжества Литовского* в наибольшей степени использовал материалы Стрыйковского, что подтверждается содержательным сходством этого раздела с тремя главными сочинениями Стрыйковского, посвященными истории Литвы: повестями *Посланник добродетели* (Goniec Cnoty, 1574) и *О началах*, а также с соответствующими «литовскими» известиями его хроники. При этом Гваньини, судя по всему, вовсе не ставил перед собой задачи какой-либо верификации сведений, заимствованных у Стрыйковского. К примеру, он без каких-либо комментариев пересказывает свидетельство Стрыйковского о войне Ольгерда и московского

[40] Compendium Chronicorum Poloniae... F. 70–75.

князя Дмитрия Ивановича, в том числе повторяет его ошибочные суждения[41]. Таким образом, плагиат Гваньини, применительно к данному разделу его хроники, не вызывает сомнений. В заслугу этому автору можно поставить лишь перевод свидетельств Стрыйковского о Литве и литовско-русских отношениях на латинский язык, что сделало их доступными европейскому читателю.

В состав *Краткого описания Великого княжества Литовского* также включена характеристика русских земель, принадлежавших Литве. Здесь представлены краткие очерки, посвященные Троцкому, Минскому, Новогродскому, Брестскому, Киевскому, Мстиславскому, Витебскому, Полоцкому воеводствам (palatinatus) и Волынскому краю (Volinia terra) которые содержат описание важнейших городов, а также их местоположения (не во всех случаях)[42]. Исторические экскурсы здесь кратки. Вместе с тем, именно этот фрагмент сочинения Гваньини, по всей видимости является результатом его собственных изысканий, поскольку в сочинениях Стрыйковского, в том числе и в хронике такого рода свидетельств мы не обнаруживаем.

В польской редакции 1611 г. «литовский» раздел сочинения Гваньини был существенно переработан и расширен: его объем увеличен с 66 до 120 страниц, главным образом за счет добавления сведений о новейшей истории Великого княжества Литовского и подробного описания его взаимоотношений с Московским государством в первой половине XVI в. (изложение доведено до 1587 г. – даты смерти Стефана Батория)[43]. Структура «литовской хроники» осталась неизменной: в польской редакции исторический материал также излагался в рамках «жизнеописаний» литовских князей. Вошедшие в состав 2-й книги редакции 1611 г. фрагменты, отсутствовавшие в латинском тексте *Краткого описания Великого княжества Литовского*, представляли собой буквальный пересказ соответствующих разделов *Польской хроники* Иоахима Бельского[44]. Таким образом, в заслугу итальянскому автору здесь можно поставить лишь выборку «литовских», а также связанных

---

[41] Для сравнения: Magni Ducatus Lituaniae... F. 12v ; *Stryjkowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 419–424 ; *Stryjkowski M.* O początkach... S. 260–262.

[42] Magni Ducatus Lituaniae... F. 23v–28.

[43] Kronika W. X. Litewskiego... S. 107.

[44] Для сравнения см., например, фрагменты посвященные осаде Смоленска и битве под Оршей в 1515 г. в хрониках Бельского и Гваньини: Kronika polska, Marcina Bielskiego. Nowo przez Joach. Bielskiego syna ie o wydana. Kraków, 1597. S. 523–524 ; Kronika W.X. Litewskiego .. S. 84–86.

с ними «русских» и «московских» известий сочинения Бельского-младшего, которые были объединены в тексте польской редакции хроники Гваньини в рамках компактного тематического очерка.

Описание русских регионов Литвы в польской редакции 1611 г. также было существенно скорректировано: в составе «литовской хроники» сохранены рассказы лишь о тех областях, которые непосредственно примыкали к Литве, а именно о троцких (включая Гродно), минских, брестских и новогродских землях[45], тогда как описание киевской, мстиславской, витебской, полоцкой земель, а также Волыни перенесено в «русскую хронику». Каких-либо разъяснений по поводу этих изменений Гваньини не дает.

Наибольший интерес для исследователя концепции русской истории Гваньини представляет **3-я книга** польской редакции *Хроники русской земли* (Kronika ziemie Ruskiey), которая состоит из трех глав.

1-я глава «русской хроники» *О русских княжествах и их народах* (O ruskich Xsięstwach, i Narodziech ich) является уникальным для польской хронографии того времени памятником, поскольку это единственный в своем роде очерк истории Руси, в котором отражены все наиболее значительные достижения историографии предшествующего XVI столетия в области изучения истории славянского востока. По тексту латинской редакции здесь пересказаны лишь гипотезы о «начале роксолан или русского народа», а также версии происхождения их этнонима[46]. Были добавлены описание ареала расселения русского народа, а также характеристика культурных и религиозных особенностей Руси. В качестве иллюстративного материала в «русской хронике» приводится графическое изображение букв русского алфавита, с указанием на обстоятельства их «принятия» русским народом «от булгар». Здесь же уделено внимание сюжету основания древнерусской государственности: изложена легенда об основании Киева, описаны «генеалогия русских князей» и история крещения Руси, а также кратко упоминается о междоусобицах русских князей на рубеже X и XI вв.

Этот очерк не был результатом самостоятельных поисков Гваньини. Содержащийся в нем материал заимствован из главы *О русском народе* хроники Иоахима Бельского и дополнен сведениями последующих разделов этого же сочинения[47]. При описании эпохи удельной раздробленности на Руси, Гваньини ссылается на 3, 4, 5 и 9-ю книги хроники

[45] Kronika W.X. Litewskiego... S. 111–113.
[46] Kronika ziemie Ruskiey... S. 1.
[47] Kronika polska... S. 53–54.

Кромера[48]. Особое внимание здесь уделяется князьям юго-западных русских княжеств. Гваньини описывает генеалогию потомков Ярослава, причем наиболее скрупулезно – один из русских княжеских родов, основателем которого был князь Игорь Ярославич (следуя ошибочной номинации польско-латинских хроник Гваньини называет его Григорием: *Hrehory*), которому наследовали Давид, Мстислав, Роман, Даниил, Лев и другие князья юго-западной Руси. Сосредоточенность Гваньини на генеалогии русских князей не случайна: тем самым этот автор стремится обосновать древность и благородство происхождения лояльных польско-литовскои монархии князей Острожских, Заславских, Пронских, Радзивиллов и других известных русских княжеских родов современной ему Речи Посполитой, связанных кровным родством с киевской великокняжеской династиеи, описанием которых завершается 1-я глава *Хроники русской земли*[49].

2-я глава данного раздела хроники Гваньини содержит краткие историко-географические очерки, в которых характеризуются русские провинции и города, присоединенные к Польше и Великому княжеству Литовскому. Эти рассказы были перенесены в «русскую хронику» из описаний Польши и Литвы латинской редакции 1578 г. Содержательные различия между латинским и польским вариантами достаточно значительны. Прежде всего, обращают на себя внимание вводные замечания Гваньини, включающие более обстоятельное, по сравнению с аналогичным разделом текста латинской редакции, описание «положения границ русской земли»[50]. Здесь указываются не только «внешние», но и «внутренние» границы Руси, выделяются три русские области, дифференцированные по политической принадлежности – белая («литовская»), черная («московская») и красная («польская») Русь, кратко характеризуется каждая из них[51]. Вводные замечания содержат также сведения о религиозной ситуации на русских землях. Городам и землям Руси в польской редакции даны более подробные характеристики, особенно Львову[52], Киеву [3], Витебску[54] и Полоцку[55], а также Подольскому краю[56] и Волыни[57].

---

[48] Kronika ziemie Ruskiey... S. 5–6.
[49] Ibid. S. 6–10.
[50] Для сравнения: Compendium Chronicorum Poloniae... F. 70 70v ; Kronika ziemie Ruskiey... S. 13–14.
[51] Kronika ziemie Ruskiey... S. 13.
[52] Ibid. S. 14–15.
[53] Ibid. S. 23.
[54] Ibid. S. 25.
[55] Ibid. S. 26.
[56] Ibid. S. 19–21.
[57] Ibid. S. 22.

В 3-й главе «русской хроники» представлен отсутствовавший в латинской редакции 1578 г. материал, позволяющий получить представление о неславянских народах, населявших русские земли (половцах и ятвягах), а также запорожских и донских казаках, которые характеризуются как важный фактор защиты Польши от татарских набегов. Очерк истории половцев Гваньини воспроизводит по *Хронике всего света* Марчина Бельского, свидетельства о ятвягах – по хроникам Иоахима Бельского и Кромера. Украинские исследователи О. А. Дячок и Ю. А. Мыцык пришли к выводу, что источником заключительного раздела 3-й книги хроники Гваньини, в котором речь идет о «козаках» также была хроника Бельского-младшего, содержавшая рассказы о «низовых казаках», оказавших сопротивление туркам и татарам в 1569 г. во время похода на Астрахань, и походе запорожцев Сверчевского на Молдавию в 1574 г.[58]

Пожалуй, самым известным разделом сочинения Гваньини является *Достаточное и правдоподобное описание подданных всех местностей Московской монархии*, дополненное приложением, в котором дается, во многом предвзятая, характеристика «деяний могущественного московского монарха» Ивана Васильевича – главного врага польско-литовского государства в Ливонской войне. Латинский и польский тексты этого раздела не вполне идентичны как по структуре, так и по содержанию.

Латинский вариант «описания Московии» состоит из пяти глав, предисловия и эпилога. Исторические экскурсы здесь весьма лаконичны и имеют для Гваньини вспомогательное значение, они призваны помочь читателю понять особенности современной ситуации в московском государстве и сопредельных с ним странах. Источником представлений Гваньини об истории Московии были *Записки о Московитских делах* Герберштейна, а также хроника Кромера. В предисловии «описания Московии» по третьей редакции *De origine et rebus* почти буквально воспроизведена реляция автора этого сочинения о первоначальной неизвестности московитов, а также о способах и последствиях расширения их владений[59].

В 1-й главе «описания Московии» исторические сведения мы находим в рассказах, посвященных «провинциям и главным городам,

---

[58] Подробнее об этом см.: *Дячок О. О* Запорозьке козацтво в «Хроніці Європейської Сарматії» А. Гваньїні // Історія запорозького козацтва: сучасний стан проблеми вивчення. Дніпропетровськ, 1990 ; *Мицик Ю.* Опис молдавського походу козаків 1574 р. в хроніці Гваньїні // Гуманітарний журнал. 2005. Осінь. № 4. С. 133–140.

[59] Для сравнения: Martini Cromeri de origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Tertium ab autore diligenter recogniti <...>. Basileae, 1568. P. 9 ; Omnium Regionum Moschoviae Monarchae <...>. Cracovia, 1578. F. 1.

находящимся под властью Москвы». Гваньини кратко информирует читателя о прошлом провинций московского государства, отдавая предпочтение сведениям, касающимся обстоятельств присоединения к Москве Тверского[60], Ярославского[61], Суздальского[62] и Ростовского[63] княжеств, а также Вятки[64]. Упоминается также о старинном столичном статусе Владимира[65], излагается история борьбы между московскими и польско-литовскими монархами за Северское и Смоленское княжества[66]. Пристальное внимание Гваньини уделил историческому обоснованию принадлежности пограничных территорий и крепостей, права на которые оспаривались Литвой и Москвой (Можайск, Торопец, Дорогобуж, Брянск)[67].

Наиболее содержательны реляции, касающиеся истории подчинения московскими князьями Новгорода[68] и Пскова[69]. Здесь источником Гваньини были записки Герберштейна. На это указывают два обстоятельства: во-первых упоминание новгородского архиепископа Феофила (Theophilus) как главного союзника Ивана III в борьбе за контроль над Новгородом (польские историки не упоминали о нем)[70] и, во-вторых, ошибочная датировка смерти этого московского князя, которому Гваньини, вслед за Герберштейном, приписывает захват Пскова в 1509 г.[71] Поскольку на эту неточность автора *Записок о Московитских делах* в своей хронике указал Стрыйковский[72], едва ли данный раздел сочинения Гваньини был написан по его материалам. Таким образом, 1–4-я главы описания Московии Гваньини представляют собой переработку записок Герберштейна, в заключительной, 5-й главе дополненную свидетельствами иностранных очевидцев «тирании Великого князя Московии Ивана Васильевича»[73].

---

[60] Ibid. F. 8.
[61] Ibid. F. 11.
[62] Ibid. F. 11v.
[63] Ibid. F. 11–11v.
[64] Ibid. F. 12.
[65] Omnium Regionum Moschoviae Monarchae... F. 4v.
[66] Ibid. F. 6–7v.
[67] Ibid. F. 7–7v.
[68] Ibid. F. 8v–9v.
[69] Ibid. F. 8–8v.
[70] Для сравнения: Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain <...>. Basileae, 1551. P. 13 ; Omnium Regionum Moschoviae Monarchae... F. 9.
[71] Для сравнения: Rerum Moscoviticarum Commentarij... P. 74 ; Omnium Regionum Moschoviae Monarchae... F. 8.
[72] *Stryjkowski M* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska... S. 715.
[73] Подробнее об этом см.: *Козлова Г. Г.* Александр Гваньини и его сочинения... С. 7–8.

В эпилоге описания Московии мы находим краткий очерк древнейшей истории московитов, в котором их происхождение связывалось с народом каппадокийских москов, производившихся «от Мезеха». Как видим, Гваньини в данном случае ориентируется на мосохову генезу, обоснованную Кромером и Стрыйковским. Однако, в отличие от этих авторов, склонных оценивать сам факт происхождения московского народа от Мосоха либо позитивно (Стрыйковский), либо нейтрально (Кромер), Гваньини акцентирует жестокость нравов и склонность московитов к тирании, по его мнению унаследованную от древних москов, родственных «свирепым народам» – туркам и арабам[74]. В результате, используя сочинения своих предшественников в качестве источника сведений о древнейшем периоде истории московитов, итальянский автор интерпретировал их по-своему, ориентируясь на идеологические запросы читателей.

В польской редакции 1611 г. в первоначальный текст внесены определенные изменения. Описание географического положения московских земель и тирании Ивана Васильевича, которое приобрело общеевропейскую известность в латиноязычном варианте, в польской редакции 1611 г. воспроизводится в полном объеме[75], но при этом дополняется очерком новейшей истории Московии (описывается период после 1580 г.), в котором представлены события последних лет правления Ивана Васильевича, царствование Федора Ивановича и Бориса Годунова, а также первая «Дмитриада»[76].

Описанные нами сочинения Гваньини на рубеже XVI и XVII вв. приобрели репутацию ценнейшего источника исторических и географических сведений о землях восточных славян и представляли немалый интерес для современников с политической, пропагандистской и военной точек зрения. Росту их популярности в немалой степени способствовали переводы с латыни на национальные языки, использование простого и понятного стиля изложения материала, а также четкая и логичная структура организации текста. Эти особенности позволили значительно расширить читательскую аудиторию произведений Гваньини, которую составили не только представители интеллектуальной элиты стран Европы, но и мыслившие практическими категориями люди, нуждавшиеся в прикладной информации и стремившиеся использовать ее в интересах развития политических и торговых отношений с русскими землями и Московским государством.

---

[74] Omnium Regionum Moschoviae Monarchae... F. 47v.

[75] Kronika W. X. Moskiewskiego... S. 2–72.

[76] Ibid. S. 72–87.

Отношение современников к достижениям Гваньини было в большеи степени позитивным. Так, Симон Старовольский упоминает этого автора в каталоге польских писателей, опубликованном на латыни в 1627 г., характеризует его как «историка» и посвящает ему краткую биографическую статью, в которой вовсе не упоминает о спорности авторства сочинений Гваньини. Старовольский представляет «Сарматскую хронику» как труд, посредством которого итальянский автор доказал, что он «является настоящим гражданином Польши» и видит ценность этого сочинения в том, что оно способствовало «лучшему познанию страны», а также содержало «географические сведения о соседних с нами народах, прежде всего о варварах с севера»[77].

Критические оценки достижений Гваньини в области историографии можно обнаружить в предисловиях к публикациям его трудов[78], а также в обобщающих трудах по истории польской литературы и истории историографии[79]. Работы, непосредственно посвященные Гваньини, крайне немногочисленны и, как правило, носят биографический характер[80].

Главный вопрос, к которому обращались исследователи – авторство сочинений, приписываемых Гваньини, а точнее проблемы степени и характера заимствований у Стрыйковского содержавшихся в них сведений, а также степени авторского участия Марчина Пашковского в создании польской редакции труда Гваньини.

Варшавский просветитель второй половины XVIII в. Франтишек Богомолец, издатель многотомного *Собрания польских историографов*, коснувшись вопроса плагиата Гваньини, изложил точку зрения Стрыйковского, отраженную в предисловии к публикации его хроники 1582 г., а также отметил тот факт, что подобного мнения придерживаются

---

[77] *Starowolski S* Setnik pisarzów polskich albo pochwaly i zywoty stu najznakimitszych pisarzów polskich / przekł. i komentarz J. Starnawski, wstęp F. Bielak, J. Starnawski. Warszawa, 1970. S. 194–195.

[78] Przedmowa X. Franciszka Bohomolca Societatis Jesu / Zbiór dziejopisow polskich. Warszawa, 1768. T. 4. L.)2(–)2(v ; *Turowski K J* O zyciu i pismach Alexandra Gwagnina // Z Kroniki Sarmacyi Europskiej Alexandra Gwagnina z Werony. Kraków, 1860. S. 259–262.

[79] *Gołębiowski L.* O dziejopisach polskich, ich duchu, zaletach i wadach. Warszawa, 1826. S. 100–102 ; Wiszniewski M. Historia literatury polskiej. Warszawa, 1845. T. 7. S. 533–535 ; *Tymieniecki K* Zarys dziejow historiografii polskiej. Kraków, 1948. S. 28.

[80] Библиографическую справку о научных работах, посвященных Гваньини, подготовила И. Терещиньска. См.: *I T* Aleksander Gwagnin Dawni pisarze polscy. Od początków piśmiennictwa do Młodej Polski. Przewodnik biograficzny i bibliograficzny. Warszawa, 2000. T. 1. S. 391.

многие современные ему исследователи, хотя и не уточнил, кто именно. Характеризуя сочинение Гваньини в целом, Ф. Богомолец дал ему положительную оценку, подчеркнув его пользу и востребованность для изучения старинных городов, обычаев и истории всех тех народов, которые в нем описываются[81]. Современник Ф. Богомольца Мицлер де Колоф не сомневался в плагиате Гваньини и акцентировал это обстоятельство, опубликовав латинскую редакцию *Описания Европейской Сарматии* под именем Стрыйковского[82].

Л. Голембиовский признавал лишь факт использования Гваньини «дневников» (raptularzy) Стрыйковского, однако к обвинениям в «присвоении чужого собрания» и плагиате (udawanie za swoje tego, co sam nie pisał), выдвинутым Стрыйковским, относился скептически. Л. Голембиовский высказал предположение, что публикация трактата Гваньини, основанного на материалах Стрыйковского, сыграла для этого историка важную роль, а именно побудила его к «еще большему углублению в национальную историю, с целью написания чего-то лучшего и совершенного, нежели то, что у него подхватил Гваньини»[83]. Польский исследователь также обратил внимание на ряд существенных расхождений в подходах Стрыйковского и Гваньини, в частности отметил языковые различия, использование Стрыйковским стихотворной формы изложения исторического материала, не свойственной Гваньини, а также обратил внимание на «совершенно иной план написания» сочинения итальянского автора, который не имел ничего общего с планом сочинения Стрыйковского.

Особенностью «плана» Гваньини Л. Голембиовский называет упорядоченность материала и лаконичность повествования, тогда как для сочинения Стрыйковского, по наблюдениям исследователя, были характерны хаотичность и недостаток изящности в изложении, множество повторов, фантастических домыслов и анахронизмов[84]. Обобщив опыт своих современников – И. Лелевеля, Ф. Бентковского и П. Й. Солиньяка – Л. Голембиовский пришел к выводу о том, что «Гваньини не создал ничего экстраординарного, но предпринял попытку в небольшом сочинении охватить историю каждой провинции, входившей в состав Речи Посполитой, в деталях описать ее географическую номенклатуру».

---

[81] Przedmowa X. Franciszka Bohomolca... L.)2(v.

[82] Mat. Strykovii Descriptio Sarmatiae Europeae // Historiarum Poloniae et magni Ducatus Lithuaniae scriptorum <...> Tomus primus. Varsaviae, 1761. P. 36–114.

[83] *Gołębiowski Ł.* O dziejopisach polskich, ich duchu, zaletach i wadach. Warszawa, 1826. S. 101.

[84] Ibidem.

Польскую редакцию сочинения Гваньини Л. Голембиовский называет «неточным» переводом, поскольку, по его мнению, разница между латинским и польским вариантами «бросается в глаза». Исследователь обратил внимание на многочисленные заимствования в тексте польскои редакции «из Бельского и истории Стрыйковского», а также на расширение хронологических рамок сочинения до 1610 г. При этом Л. Голембиовский полагает, что фрагменты, посвященные эпохе, не описаннои в латинской редакции, были изложены самим М. Пашковским, хотя и не приводит в подтверждение этого тезиса каких-либо аргументов[85].

Исследователи второй половины XIX–XX в. также проявили интерес к достижениям Гваньини. В это время неоднократно переиздавались фрагменты польской и латинской редакций его сочинения, а также было предпринято несколько попыток их перевода на восточнославянские языки. Следует отметить переиздание ряда фрагментов хроники Гваньини, предпринятое К. Й. Туровским[86]; публикации перевода на русскии язык «описания Московии», осуществленного Г. Г. Козловой[87], и перевода на украинский язык полного текста польской редакции сочинения Гваньини[88].

В научной литературе второй половины XX – начала XXI в. роль Гваньини в истории польской историографии подверглась некоторои переоценке. Т. Улевич характеризует *Описание* Гваньини как «очевидный плагиат со Стрыйковского, слегка переработанный и, вероятно, дополненный компиляцией еще каких-то работ»[89]. Однако сама по себе проблема плагиата этого исследователя не привлекает. Наиболее значимым для него является отражение в сочинении Гваньини актуальных для его времени идей. По мнению Т. Улевича, вызывает интерес то обстоятельство, что именно в сочинении натурализовавшегося в Польше иностранца находят выражение «настроения современности и ее способ мышления». Польский исследователь усматривает противоречие между политической интерпретацией идей сарматизма в сочинении Гваньини (отождествление сарматского и польского политического пространства,

---

[85] Ibid. S. 102.

[86] Z Kroniki Sarmacyi Europskiej... 1860.

[87] *Гваньини А.* Описание Московии... С. 11–159. Публикация перевода Г. Г. Козловой включала также оригинальный латинский текст источника, вступительную статью и комментарий.

[88] *Гваньіні О.* Хроніка Європейської Сарматії / упорядкув. та пер. з пол о. Ю. Мицика. Київ, 2007.

[89] *Ulewicz T* Sarmacja: Studium z problematyki słowianskiej XV i XVI w Kraków, 1950. S. 115.

характеристика Стефана Батория как властителя всей Сарматии) и «географической» трактовкой понятия *Сарматия*, заимствованной из классических трудов античности и сочинений польских историков XVI в. Т. Улевич полагает, что политическая конъюнктура для Гваньини была более важна, нежели задачи сугубо научного плана, в результате чего «традиционная» географическая трактовка понятия *Сарматия* представлена на страницах его сочинения менее определенно, чем политическая.

По словам Т. Улевича, «современный политический смысл» понятия *Сарматия* определил идеологическую направленность концепции региональной истории, представленной в сочинении Гваньини. Именно это обстоятельство дало основание польскому ученому весьма скептически оценить научную значимость этого труда, важного лишь как «свидетельство эпохи», тогда как сам Гваньини, по словам Т. Улевича, «не имел ни ценности, ни значения как историк»[90]. Т. Улевич придерживался мнения, что главным источником представлений Гваньини о древнейшей истории славянских народов была концепция Марчина Бельского, воспроизведенная в *Описании Европейской Сарматии* в ранней интерпретации Стрыйковского, содержавшейся в присвоенных Гваньини записках этого автора[91].

Аналогичные оценки можно встретить в работах В. Будки[92], И. Н. Голенищева-Кутузова[93] и А. Бернацкого[94]. Эти авторы по-разному характеризуют влияние приписываемых Гваньини сочинений на политическую и культурную жизнь эпохи, но при этом повторяют традиционный тезис о плагиате, не утруждая себя какой-либо аргументацией. Попытки глубже разобраться в данном вопросе были предприняты лишь в работах Ю. Раджишевской, З. Войтковяка и Я. Юркевича.

Ю. Раджишевская трактовала латинскую редакцию сочинения Гваньини как публикацию «утерянного сочинения Стрыйковского», точнее целого ряда незаконченных очерков, написанных этим автором в Витебске в первой половине 70-х гг. XVI в. В своей монографии Ю. Раджишевская обосновывает использование Гваньини четырех очерков Стрыйковского – описания Европейской Сарматии, описания Литвы, описания Московии и тирании Великого князя Московского,

---

[90] *Ulewicz T.* Sarmacja... S. 116.

[91] Ibid. S. 118.

[92] *Budka W.* Gwagnin Aleksander... S. 202–204.

[93] *Голенищев-Кутузов И. Н.* Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI вв. М., 1961. С. 315.

[94] *Bernacki A.* Sarmatiae Europeae Descriptio. Histoire d'un plagiat // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1979. № 3. S. 657–660.

а также описания Венгрии[95]. Польской исследовательницей выдвинута гипотеза о том, что Стрыйковский, отправляясь в небезопасное путешествие на Балканы в 1574 г., либо передал Гваньини «на сохранение» свои сочинения, которые считал недостаточно подготовленными для публикации, либо оставил их без должного присмотра, не подозревая, что они могут быть похищены[96].

Допуская возможность «переработки» Гваньини материалов Стрыйковского, сам факт плагиата Ю. Раджишевская также не подвергала сомнению, и предприняла попытку определить, «что нового внес Гваньини в труд Стрыйковского». Польская исследовательница выявила, что значительная часть «исторической канвы» латинской редакции сочинения, опубликованного Гваньини в 1578 г., находит соответствие в трудах Стрыйковского. Различаются лишь «взгляды», оценки этих двух авторов, дававшиеся отдельным историческим событиям и фактам. Кроме того, итальянским автором были добавлены составленные им самим географические описания некоторых регионов Польши и Литвы[97].

Ю. Раджишевская справедливо обратила внимание на отсутствие сравнительных исследований латинской и польской редакций сочинения Гваньини, сопоставив *Описание* и хронику 1611 г., характеризовала последнюю как «подшивку» (klocek) различных по тематике произведений, которые, по мнению исследовательницы, не издавались отдельно в связи с тем, что Гваньини не считал их своими собственными сочинениями[98]. Ю. Раджишевская отметила также изменение в «методе работы» Гваньини, характерное для польской редакции: прежде всего, появление ссылок на труды Стрыйковского, которые, по ее мнению, были призваны посредством характеристики этого автора как «поэта» принизить в глазах читателей своей *Хроники* заслуги Стрыйковского в области историографии и, тем самым, отвлечь внимание от нежелательных для итальянского автора ассоциаций, указывавших на несамостоятельный характер опубликованных под его именем исторических сочинений[99].

Любопытен подход к разрешению вопроса плагиата Гваньини, представленный в монографии З. Войтковяка. Этот исследователь призвал отказаться от стереотипного восприятия творческих взаимоотношений Стрыйковского и Гваньини и попытался разрешить интересующую

---

[95] *Radziszewska J* Maciej Stryjkowski: historyk-poeta z epoki Odrodzenia Katowice, 1978. S. 71–79.

[96] Ibid. S. 72–73.

[97] Ibid. S. 74.

[98] Ibid. S. 75.

[99] Ibidem.

нас проблему посредством проведения «междисциплинарного» исследования данного вопроса.

З. Войтковяк отметил субъективность негативной трактовки действий Гваньини, основанной лишь на жалобах самого Стрыйковского, и косвенно подтверждаемой отсутствием иных, достойных внимания, собственных сочинений итальянского автора. Польский исследователь допускал возможность партнерства Гваньини и Стрыйковского при подготовке к публикации *Описания Европейской Сарматии,* поскольку «выпускник бжезиньской школы» едва ли мог владеть латинским языком на том достаточно высоком уровне, на котором было написано это сочинение. Таким образом, полагает З. Войтковяк, итальянский автор мог изначально принять на себя роль переводчика и редактора польскоязычных записок Стрыйковского[100]. Вместе с тем, З. Войтковяк отмечает, что окончательно разрешить вопрос предполагаемого плагиата Гваньини можно лишь сопоставив текст *Описания* с двумя важнейшими сочинениями Стрыйковского – повестью *О началах* и хроникой 1582 г.[101]

Сравнительный анализ этих сочинений Стрыйковского и *Описания* Гваньини был предпринят в одной из работ Я. Юркевича. Этот ученый отметил, что развернувшиеся на страницах научных публикаций дискуссии на тему плагиата Гваньини, повышенный интерес к фигуре Стрыйковского, а также априорное признание его авторских прав на *Описание Европейской Сарматии* оставили это сочинение на периферии интереса исследователей. Не согласившись с такой постановкой вопроса, Я. Юркевич пришел к выводу о том, что «сомнения, касающиеся его авторства, по существу глубже, нежели следует из представленных в историографии вопроса мнений», тогда как главное противоречие в подходах ученых заключалось в том, что оценки, дававшиеся на основе анализа лишь одного из фрагментов *Описания Европейской Сарматии*, а именно раздела, посвященного Литве, переносились на произведение Гваньини в целом[102].

Я. Юркевич посредством сопоставления текстов трех произведений Стрыйковского – поэмы *Посланник добродетели,* повести *О началах* и хроники 1582 г. с текстом *Описания Европейской Сарматии* аргументированно доказал, что основным источником, которым пользовался

---

[100] *Wojtkowiak Z.* Maciej Stryjkowski – dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego· kalendarium życia i działalności. Poznań, 1990. S. 178–179.

[101] Ibid. S. 180.

[102] *Jurkiewicz J* Czy tylko plagiat? Uwagi w kwestii autorstwa Sarmatiae Europeae Descriptio (1578) // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystes istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. S. 71.

Гваньини при написании своего сочинения была уже опубликованная работа Стрыйковского, а именно *Посланник добродетели*. Именно из этого сочинения были заимствованы фрагменты, касающиеся происхождения и ранней этнической истории литовцев, а также описание начальной истории литовского государства (отмечается сходство личных имен и топонимов, которые в более поздних произведениях Стрыйковского в некоторых случаях изменялись). Я. Юркевич также обратил внимание на то обстоятельство, что очерк ранней истории Литвы в повести *О началах* менее информативен, чем аналогичные по содержанию разделы в *Посланнике добродетели* и *Описании* Гваньини[103].

Это и ряд других обстоятельств дали основание польскому исследователю утверждать, что Гваньини не был знаком с более поздними сочинениями Стрыйковского, в том числе с рукописью повести *О началах*, в период подготовки к публикации *Описания*. Я. Юркевич показывает на конкретных примерах, что при написании трактата Гваньини непосредственно использовались сочинения Меховиты[104] и Герберштейна[105], хотя и допускает возможность того, что посредником в таких заимствованиях мог быть Стрыйковский.

Общий вывод Я. Юркевича сводится к тому, что посвященный Литве фрагмент латинской редакции труда Гваньини, являющийся преимущественно компиляцией с сочинений Стрыйковского, Меховия и Герберштейна, в то же время не лишен оригинальных черт, которые состоят не только в различиях в содержании, достигнутых благодаря «искусной комбинации фрагментов различных трудов, но и щегольской подчиненной теме сочинения наррации»[106]. В результате, вместо многословного и объемного труда, за счет «обеднения» его содержания, исключения «побочных сюжетов» и «отступлений», был создан краткий очерк, по стилю приемлемый, прежде всего, для западноевропейского читателя.

Я. Юркевич не готов определенно ответить на вопрос, были ли отношения Гваньини и Стрыйковского «сотрудничеством» в вопросах перевода и редактирования, или же замысел итальянского автора был исключительно его частной инициативой. В любом случае тезис о плагиате Гваньини Я. Юркевич склонен отвергать по причине совершенно иного видения этим автором предназначения историка. Польский ученый полагает, что, в отличие от «дотошного» историографического подхода Стрыйковского, деятельность Гваньини «можно сравнить с работой энциклопедиста и популяризатора науки», в которой «первостепенное

[103] Ibid. S. 73–74.
[104] Ibid. S. 79, 89.
[105] Ibid. S. 87, 89–90.
[106] Ibid. S. 90.

значение имела передача в привлекательной манере большого количества информации, собранной наиболее простым способом, посредством использования плодов чужого труда, даже если это было сопряжено с обвинениями в плагиате»[107].

Не обошел Я. Юркевич вниманием и вопрос общественно-политической направленности *Описания*. Как и многие из его предшественников, исследователь подчеркнул существенную пропагандистскую роль этого сочинения в период войн Речи Посполитой с Москвой в баторианскую эпоху, оценил его как важный феномен в истории – труд, познакомивший читателей на Западе Европы со странами восточной части континента[108].

Особенности отражения в сочинениях Гваньини истории русских земель и проблематика их рецепции в восточнославянской историографии рассматриваются в работах Ф. Щелицкого[109], О. Купранца[110], Н. П. Ковальского[111], О. А. Дячка[112], Ю. А. Мыцыка[113], Г. Г. Козловой[114] и Е. В. Чистяковой[115].

---

[107] *Jurkiewicz J* Czy tylko plagiat... S. 91.

[108] Ibid. S. 93.

[109] *Sielcki F* Kronikarze polscy w latopisarstwie i dawniej historiografii ruskiej Slavia Orientalis. 1966. T. 14.

[110] *Купранець О* Походження назви «Русь» в «Хроніці Руської землі» Олександра Гванінуса з 1611 року. Рим; Торонто, 1977.

[111] *Ковальский Н П.* Известия по истории и географии Украины XVI в. в «Хронике Сарматии Европейской» Александра Гваньини // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1972. Вып. 1. С. 107–128.

[112] *Дячок О О* «Хроніка Європейської Сарматії» А. Гваньїні як джерело з історії України. – Дніпропетровськ, 1992 ; *Дячок О О* Проблема авторства «Опису Європейської Сарматії» в історіографії // Осягнення історії. Збірник наукових праць на пошану професора Миколи Павловича Ковальського з нагоди 70-річчю. – Острог ; Нью-Йорк, 1999. С. 251–262 ; *Дячок О. О.* Хроніст Алессандро Гваньїні // Український археографічний щорічник. Нов. сер. 2004. Вип. 8/9. С. 299–321.

[113] Ю. А. Мыцык известен как переводчик польской версии хроники Гваньини и автор вступительных статей и комментариев к своим переводам. К сожалению, нередко публикации фрагментов источника осуществлялись под именем Ю. А. Мыцыка, что создало некоторые сложности при составлении библиографии нашей работы. См., например: *Мицик Ю* Опис України у хроніці Олександра Гваньїні // Всесвіт. 2000. № 12 ; *Мицик Ю.* Історико-географічний опис Польщі у хроніці О. Гваньїні // Істор. журн. 2004. № 4 ; *Мицик Ю.* Опис молдавського походу козаків 1574 р. в хроніці Гваньїні // Гуманіт. журн. 2005. № 4 ; *Мицик Ю.* Опис Московської держави у хроніці О. Гваньїні // Іст. журн. 2006. № 1–4.

[114] *Козлова Г. Г.* «Описание Московии» Александра Гваньини // Античность и современность. К 80-летию Федора Александровича Петровского. М., 1972 ; *Козлова Г. Г* Александр Гваньини и его сочинения // *Гваньини А.* Описание Московии. М., 1997.

[115] *Чистякова Е В.* «Скифская история» А.И. Лызлова и труды польских историков XVI–XVII вв. // Тр. Отд. древнерус. лит. 1963. Т. 19.

Польский историк Ф. Щелицкий уделил внимание вопросу рецепции польской редакции труда Гваньини в российской и украинской историографии XVII–XVIII вв. Основываясь на результатах исследовании А. И. Соболевского и Н. П. Жинкина, описавших переводы фрагментов латинской и польской редакций сочинения Гваньини на русский язык, сделанные в XVII в., в том числе обнаруживших переводы разделов, посвященных Руси и Московии[116], Ф. Щелицкий отметил существенное влияние работ этого автора на исторические представления восточнославянских интеллектуалов конца XVI–XVII в.[117] В частности, раздел, посвященный «тирании царя и московского князя Ивана Васильевича», по мнению польского исследователя, оказал решающее влияние на Андрея Курбского, автора политического памфлета, созданного в интересах польского короля Стефана Батория[118]. Ф. Щелицкий отметил факт использования описания Сарматии авторами некоторых сочинений, в частности, целые фрагменты труда Гваньини были им обнаружены в составе *Повести о двух монархиях (Русской Московской и Лядской Польской)*, из которой эти сведения впоследствии были перенесены в украинские летописи XVII в. Фрагменты сочинений Гваньини, по наблюдениям польского исследователя, послужили материалом для составителей Густынской летописи, были использованы в *Палинодии* Захария Копыстенского, *Синопсисе* Иннокентия Гизеля, *Скифской истории* Андрея Лызлова[119] и ряде других сочинений.

Ф. Щелицкий обратил внимание на весьма неоднозначное отношение российской имперской историографии Нового времени к отдельным разделам сочинения Гваньини, прежде всего к описанию Московии. Подчеркивается, в частности, неприятие «антирусского тона» итальянского автора В. Н. Татищевым и близость подхода Гваньини духу и идеологии исторического сочинения Н. М. Карамзина, который осуждал тиранию Ивана Грозного и в связи с этим позитивно воспринял аргументы своего предшественника[12] .

В работах, посвященных описанию Московии, Г. Г. Козлова называет этот фрагмент сочинения Гваньини «самостоятельным», «законченным» и «оригинальным» произведением, характеризует его как «замечательный образец европейской публицистической прозы XVI в.», при написании которого, по мнению исследовательницы, Гваньини была поставлена

---

[116] См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.: библиогр. материалы. СПб., 1903. С. 76–78 ; *Жинкин Н. П.* Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского государственного университета им. А. М. Горького // Тр. / Отд. древнерус. лит. 1953. Т. 9. С. 472

[117] *Sielcki F.* Kronikarze polscy... S. 170.

[118] Ibid. S. 171.

[119] Об этом см. также: *Чистякова Е. В.* «Скифская история» А. И. Лызлова... С. 354–355.

[120] *Sielcki F.* Kronikarze polscy... S. 72.

двоякая задача: дать историко-географический очерк Московии и описать тиранию Ивана Грозного[121]. Исследовательница склонна оценивать подход итальянского автора к описанию прошлого Московского государства как отражение его политических воззрений, тесно связанных с «традициями шляхетской вольности и философскими принципами гуманизма», под влиянием которых и была дана «суровая оценка русского народа и русского царя». К источникам описания Московии Г. Г. Козлова относит публикацию «комментариев» Герберштейна, рукопись сочинения Альберта Шлихтинга, записки Альберта Кампенского и Рафаэля Барберини, а также усматривает совпадения с данными очевидцев, описываемых в трактате о Московии событий, – Генриха Штадена, Элерта Краузе и Иоганна Таубе[122]. Вместе с тем, она не отвечает на вопрос о происхождении исторических экскурсов Гваньини, в частности, гипотезы о происхождении московского народа, описаний истории русских земель, подчиненных московскими государями, а также московско-литовских войн конца XV – начала XVI в.

Значительный вклад в изучение «русских» и «московских» известий Гваньини внесли украинские исследователи, которые рассматривали его сочинения (преимущественно польскоязычную хронику 1611 г.) как источник по истории западно-русских земель, оказавший огромное влияние на развитие польской, украинской, белорусской и российской историографии, а также во многом сформировавший исторические представления о Руси других славянских народов XVII–XVIII вв. На украинский язык во второй половине XX – начале XXI в. были переведены, прежде всего, те книги хроники Гваньини, в которых содержались сведения об истории восточнославянских земель[123]. Важнейшим достижением современной украинской историографии является уже упоминавшаяся нами публикация украинского перевода полного текста польской редакции сочинения Гваньини, осуществленного Ю. А. Мыцыком и дополненного научным комментарием[124].

Украинские авторы уделяют особое внимание историко-географическим экскурсам итальянского автора, касавшимся событий, происходивших на территории, занимаемой современным украинским государством, и представленным, главным образом, в 3-й книге хроники Гваньини. В их числе трактовка истории средневековой юго-западной Руси[125], взаимоот-

---

[121] *Козлова Г. Г.* Александр Гваньини... С. 6.

[122] Там же. С. 7.

[123] См.: Хроніка Землі Руської (Української) <...> / пер. с пол. мови інж. О. Мазурок. Едмонтон, 1969 ; Об этом также см. примеч. 113.

[124] *Гваньині О.* Хроніка Європейської Сарматії / упорядкув. та пер. з пол. о. Ю. Мицика. – Київ, 2007.

[125] *Ковальский Н. П.* Известия по истории и географии Украины XVI в... С. 111–128.

ношения русских княжеств с Польшей и Литвой[126], роль казачества в истории Руси-Украины[127], а также особенности использования в хронике Гваньини этнополитического термина «Русь»[128]. Говоря о последнем аспекте, следует отметить значительную степень политизации вопроса применения «русской» этнонимической номенклатуры в украинской историографии. Тем самым открываются широкие возможности не только для научной дискуссии, но также для многочисленных спекуляции, весьма востребованных в политическом дискурсе современной Украины[129].

Отдельные украинские ученые склонны прибегать к некоторой «модернизации» в оценках общественно-политического значения восточнославянских фрагментов сочинения Гваньини, содержание которых нередко рассматривается не как *продукт* интеллектуальной культуры своего времени, а как *материал,* пригодный для историографического моделирования исторического самосознания современной этнополитическои общности украинцев. При этом зачастую игнорируется то обстоятельство, что в эпоху создания *Хроники Европейской Сарматии* процесс размежевания восточного славянства еще не был завершен, в связи с чем восприятие просвещенными элитами этнокультурной ситуации в регионе не было выражено в категориях национальных общностей современного типа.

Действуя в русле данной тенденции, автор вводной статьи к публикации украинского перевода хроники Гваньини Ю. А. Мыцык, проанализировав содержание 3-й книги этого сочинения, характеризует население «русской земли» посредством двойного этнического наименования «русины-украинцы» и этнополитического термина «Русь-Украина»[130]. В тексте хроники украинский исследователь усматривает «четкую связь» истории Киевской и Галицко-Волынской держав с историеи Руси-Украины XIV–XVII вв. и, в результате, приписывает самому Гваньини тезисы о преемственности «государственных традиций» Киевскои Руси и Украины (так!), а также иноэтничности московитов, их очевидном

---

[126] *Мицик Ю* Історико-географічний опис Польщі у хроніці О. Гваньині // Іст. журн. 2004. № 4. С. 73.

[127] *Дячок О О.* Запорозьке козацтво в «Хроніці Європеиської Сарматіі» А. Гваньіні // Історія запорозького козацтва: сучасний стан проблеми вивчення Дніпропетровськ, 1990.

[128] *Купранець О.* Походження назви «Русь»... С. 28–67.

[129] Характерным примером спекулятивного подхода являются тенденция «украинизации» русской этнонимии, проявившаяся в 3-й книге в переводе Гваньини О. Мазурка (Хроніка Землі Руської (Української)... Едмонтон 1969), а также получившие широкое распространение в наше время сочинения относящиеся к разряду псевдонаучной публицистики, авторы которых охотно апеллируют к сочинению Гваньини (см., например: *Наконечнии Є* Украдене ім'я Чому русини стали українцями. Львів, 1998).

[130] *Мицик Ю* Вступ // *Гваньині О* Хроніка Європеиської Сарматіі С 18

отличии от русского народа (украинцев и белорусов), что служит основанием для умаления претензий Москвы на «наследство Киевской Руси», которые, как полагает Ю. А. Мыцык, опять же апеллируя к представлениям Гваньини, были менее значительны в сравнении с претензиями украинцев[131]. Проявившаяся в данной работе неконструктивная, на наш взгляд, в источниковедческих и историографических исследованиях «внешняя» политизация вопросов культурно-исторического размежевания восточных славян и применения «русской» номинации, обернувшаяся подменой исторических понятий современными терминами (в данном случае дихотомия Русь/Украина), едва ли способствует корректному научному определению специфики трактовки феноменов «русской земли» и «русского народа» в исторической мысли Польши интересующей нас эпохи.

Вместе с тем, достижения украинских ученых в изучении историографического наследия Гваньини не исчерпываются анализом текста польскоязычной версии его сочинения как источника по истории стран Восточной Европы. Несомненную научную ценность имеют предпринятые О. А. Дячком исследования вопроса распространения этого сочинения Гваньини в различных странах Европы[132], а также изыскания, позволяющие выявить степень влияния *Хроники Европейской Сарматии* на развитие украинского летописания XVII в.[133]

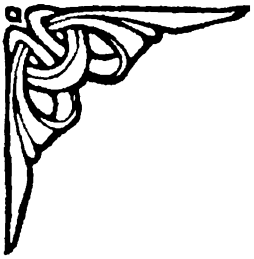
На фоне достижений украинской и польской историографии в области изучения историографического наследия Гваньини, результаты исследований российских ученых выглядят гораздо скромнее. Между тем, потенциал проведения изысканий в данном направлении довольно велик. Прежде всего, нуждается в осмыслении пропагандистская роль высказанных итальянским автором взглядов на историю восточных славян в целом и русской государственности, в частности, которые во многом скорректировали представления европейских читателей о славянском востоке, сформировавшиеся после публикации записок Герберштейна, и отразили те геополитические изменения, которые произошли в Восточной Европе в результате Ливонской войны.

---

[1] *Мицик Ю* Вступ // *Гваньині О* Хроніка... С. 19.

[1 2] *Дячок О О* Археографія видань твору А. Гваньїні та фрагментів з нього Дніпропетровськии історико-археографічний збірник. Дніпропетровськ, 2001.

[3] *Дячок О А* Анализ рукописных переводов «Хроники Европейской Сарматии» .. С. 19 21 ; *Дячок О А* Використання «Хроніки Європейської Сарматії» як джерела українськими авторами XVII–XVIII ст. // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Дніпропетровськ, 2003.



Заключение

Проведенное нами исследование позволяет проследить процесс «открытия» польскими учеными эпохи Возрождения истории славянского востока для читающей публики Польши и Западной Европы. По времени он совпал с рядом важных событий в истории интеллектуальной культуры Старого Света – распространением книгопечатания, началом постепенной эмансипации ученых от церкви, а также стремительным расширением умопостигаемого пространства просвещенных европейцев, вызванного Великими географическими открытиями и предопределили рост интереса к новым неизведанным землям, их истории, богатству природных и человеческих ресурсов.

Переход от характерных для средневековой хронографии отрывочных представлений о прошлом восточных соседей поляков к системному восприятию их истории, формированию полноценного и идеологически ангажированного исторического образа Руси, был обусловлен не только общими тенденциями развития ученой мысли в Европе, но и коренным изменением политической ситуации. Начиная с XIV в., Польша постепенно превращается из конгломерата слабых удельных княжеств в региональную сверхдержаву. Решающую роль в этом процессе сыграло включение в состав Польского королевства Юго-Западной (Червонной) Руси и заключение династической унии между Польшей и Литвой в 1385 г. По условиям этого соглашения, польская корона передавалась литовской династии Ягеллонов, что положило начало процессу политического и культурного сближения польского и литовского государств, завершившемуся их объединением в 1569 г.

В новых исторических условиях коренным образом изменились концепция внешней политики Польши на славянском востоке и отношение к православному населению русских земель, оказавшихся под властью Польши и Литвы. Этнические русские (*Rusini*, *Russy*), превратившиеся в подданных Ягеллонской монархии и считавшиеся «младшими партнерами» двух титульных народов – поляков и литовцев, нередко

подвергались политической и культурной дискриминации. Для легитимации гегемонистской внешнеполитической доктрины польско-литовского союза, рассматривавшей славянский восток как покоренную территорию, ключевую роль должны были сыграть исторические аргументы – именно они стали мощнейшим инструментом обоснования прав Польши на владение русскими землями. В этой связи «русская» тема оказывается в центре внимания выдающихся польских историков Ягеллонской эпохи, многие из которых в той или иной степени были связаны либо с польским королевским двором, либо с высшими церковными иерархами Польши.

Ключевую роль для обоснования ягеллонской концепции истории славянского востока сыграла хроника Яна Длугоша. Заслугой этого автора было привлечение огромного массива фактического материала из русских летописей, его упорядочение, перевод на латинский язык и истолкование в соответствии с основополагающими идеями концепции национальной истории польского государства. Именно Длугошу удалось «вписать» историю русских земель в историю Польши, создать «пантеон» героев и антигероев истории взаимоотношений двух стран, выделить ключевые моменты в историческом развитии Руси и ее взаимоотношений с соседними государствами и народами.

Созданный Длугошем «исторический синтез» имел существенный недостаток: в его сочинении была применена устаревшая «анналистическая» техника изложения исторического материала в форме «погодных» статей. Из-за того, что «русские» известия в хронике были «рассеяны» по тексту, понять логику исторического развития Руси неискушенному читателю было весьма сложно. Еще одним фактором, препятствовавшим популяризации представлений Длугоша об истории славянского востока, была рукописная форма его хроники. В результате, свидетельства Длугоша об истории Руси до массового читателя дошли преимущественно в интерпретациях его последователей – польских ренессансных историков XVI в., комбинировавших заимствованные из хроники Длугоша «русские» свидетельства по своему усмотрению и трактовавших их с учетом стремительно менявшейся политической ситуации в региональных международных отношениях, лейтмотивом которых в это время становится бескомпромиссная борьба польско-литовского союза и Московского государства за гегемонию в Восточной Европе, достигшая кульминации в годы Ливонской войны.

Между тем, представленная на страницах хроники Длугоша трактовка истории Руси, получившая широкую известность благодаря опубликованным сочинениям Матвея Меховия, совершенно не учитывала «московского» фактора. Именно это обстоятельство привело к некоторой

коррекции представлений Длугоша в трудах польских историков второй половины XVI в. – Мартина Кромера, Марчина и Иоахима Бельских, Мачея Стрыйковского и Александра Гваньини.

Важнейшим катализатором таких изменений стала публикация *Записок о Московитских делах* Сигизмунда Герберштейна, содержавших непривычную для поляков трактовку истории славянского востока, которая в значительной степени была ориентирована на интересы Московского государства и потому существенно отличалась от интерпретации Длугоша и Меховия. Авторитет Герберштейна среди европейских интеллектуалов был настолько велик, что проигнорировать его «взгляд» на историю Руси польские авторы не могли. Попытки согласования двух различных подходов обернулись тем, что каждый из упомянутых нами историков продемонстрировал индивидуальный подход к «интеграции» изложенных Герберштейном «альтернативных» свидетельств об истории русских земель в собственную концепцию истории Польши и польско-русских отношений.

Мартин Кромер, в целом сохранивший приверженность «историческому синтезу» Длугоша при описании истории Польши и польско-русских отношений, заимствует у Герберштейна лишь отдельные факты новейшей истории Московии XIV–XVI вв. Это позволило ему разделить историю «польско-литовской» и «московской» Руси и представить Московию как относительно молодое образование, не связанное с традициями древнерусской государственности.

Марчин Бельский на страницах третьей редакции *Хроники* всего света представил обе трактовки истории славянского востока: в очерке истории Польши этот автор воспроизвел соответствующие фрагменты сочинения Длугоша, а в очерке истории Московского государства – передал на польском языке основные элементы концепции Герберштейна, тем самым сделав ее доступной широкому кругу польских и восточнославянских читателей, не владевших латынью.

Мачей Стрыйковский при написании своего сочинения, как и Длугош, использовал материалы восточнославянского летописания, а также привлек литовские источники. Таким образом, он предпринял попытку согласования польского, литовского, русского и московского «прочтений» региональной истории. В его хронике нашли отражение «гегемонистские» претензии сразу трех держав – Польши, Литвы и Московского государства; для обоснования их исторических прав на русские земли Стрыйковский, опираясь на источники различного происхождения, зачастую приводит противоречащие друг другу аргументы.

Александр Гваньини, воспользовавшийся достижениями своих предшественников, представил историю русских земель с прагматических позиций иностранного наблюдателя, находившегося на польской службе.

Этот автор опубликовал свой труд на заключительном этапе Ливонской войны, и, в связи с этим, созданный им исторический образ славянского востока в немалой степени был согласован с результатами передела сфер влияния в Восточной Европе в интересах Речи Посполитой. Гваньини, следуя Кромеру, сводит исторический очерк истории Московии Герберштейна к описанию захвата московскими князьями русских княжеств, тогда как история древнерусской Киевской державы рассматривается им как ранний период истории «Русской земли», ограниченной пределами польско-литовского государства.

Аналогичная трактовка истории русских земель представлена также и на страницах хроники Иоахима Бельского, возродившего традицию «полоноцентристского» взгляда на историю восточных славян. Он заимствовал из сочинений своих предшественников преимущественно те фрагменты, которые позволяли акцентировать необратимость интеграции русских земель в структуру польско-литовского государства.

Как видим, подходы польских авторов к описанию истории восточных славян были разнообразны, что обусловлено не только изменчивостью политической обстановки, но и самой природой ренессансной интеллектуальной культуры, позволявшей историкам выходить за рамки средневековых моделей описания прошлого. Польские ученые обратились к потенциалу античной историографии и воспользовались достижениями ведущих мастеров исторического жанра европейского Ренессанса. В результате, созданные ими концепции истории славянского востока отражали передовые тенденции в развитии исторического знания того времени и на протяжении столетий были образцом для подражания. К ним обращались многие поколения интеллектуалов, представлявшие разные страны Европы.

Вплоть до конца XVIII столетия к польским историческим хроникам эпохи Возрождения апеллировали не только польские, но и зарубежные ученые, обращавшиеся к изучению истории средневековой Руси. По мере развития критической историографии, все чаще в адрес этих сочинений высказывались замечания, однако создать труды, сопоставимые по содержательной полноте с хрониками Длугоша, Кромера и Стрыйковского, историкам Нового времени удалось лишь во второй половине XVIII – начале XIX в. После того, как памятники польской ренессансной хронографии утратили репутацию достоверного исторического источника, начинается изучение их роли историографами и историками литературы Польши.

«Русские» известия польских хроник конца XV – начала XVII в., интерес к которым проявили польские, российские, белорусские и украинские исследователи, оценивались представителями различных научных школ по-разному.

Проблематика формирования представлений об истории славянского востока в сочинениях польских ренессансных хронографов не относилась к числу приоритетных направлений исследований польских ученых. В немногочисленных работах польских авторов, посвященных данному вопросу, главным образом были изучены «образ Руси» и стереотип восприятия православных русских в исторической литературе ренессансной Польши (А. Гейштор, Е. Клочовский, С. Гавлас), проанализированы свидетельства польских историков того времени об отдельных регионах Руси (В. Големан, А. Кияс), а также нашла отражение проблема взаимного влияния восточнославянской летописной традиции и польской хронографии (Ф. Щелицкий).

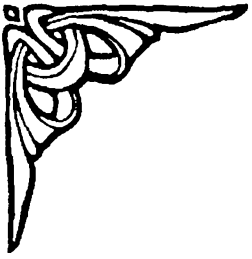
Представители российской, а позже советской исторической школы неизменно порицали «полоноцентризм» и неприязненное отношение к восточным славянам в трудах Длугоша и Гваньини, а также всячески подчеркивали русо- и славянофильские мотивы в сочинениях М. Бельского и Стрыйковского. В современной отечественной историографии представлены два взаимодополняющих подхода к изучению этих вопросов. С одной стороны, важную роль сыграли исследования польских исторических хроник как источников, содержащих заимствования из русских летописных памятников. Подобный «текстологический» подход, отразившийся в работах М. Н. Тихомирова, Ю. А. Лимонова и А. И. Рогова, позволил разобраться в структуре представлений о прошлом Руси, определить приоритеты польских историков, выявить взаимные связи между различными источниками, а также степень и характер их влияния друг на друга. С другой стороны, в исследовательской традиции был представлен более широкий по охвату проблематики «культурологический» подход, представленный работами А. Н. Робинсона, Б. Н. Флори, А. С. Мыльникова и К. Ю. Ерусалимского, в рамках которого исследователи рассматривали историографический источник в контексте породившей его интеллектуальной культуры, а также специфической социально-политической ситуации, требовавшей от историка гибкости и ориентации на конъюнктуру в трактовке тех или иных событий прошлого.

Следует отметить также достижения в изучении данного спектра вопросов современной белорусской и украинской историографии, во многом унаследовавших традиции советской исторической школы. Особенностью их подхода является стремление рассмотреть «русские» фрагменты сочинений польских авторов в качестве источника сведений по истории Беларуси и Украины в их современных границах. Внимание белорусских исследователей (А. Семянчук, А. Белый) привлекли описания истории русских провинций Великого княжества Литовского в трудах польских историков конца XV – начала XVII в. Украинские ученые (Н. И. Ковальский, О. А. Дячок, Ю. А. Мыцык) проявили повышенный

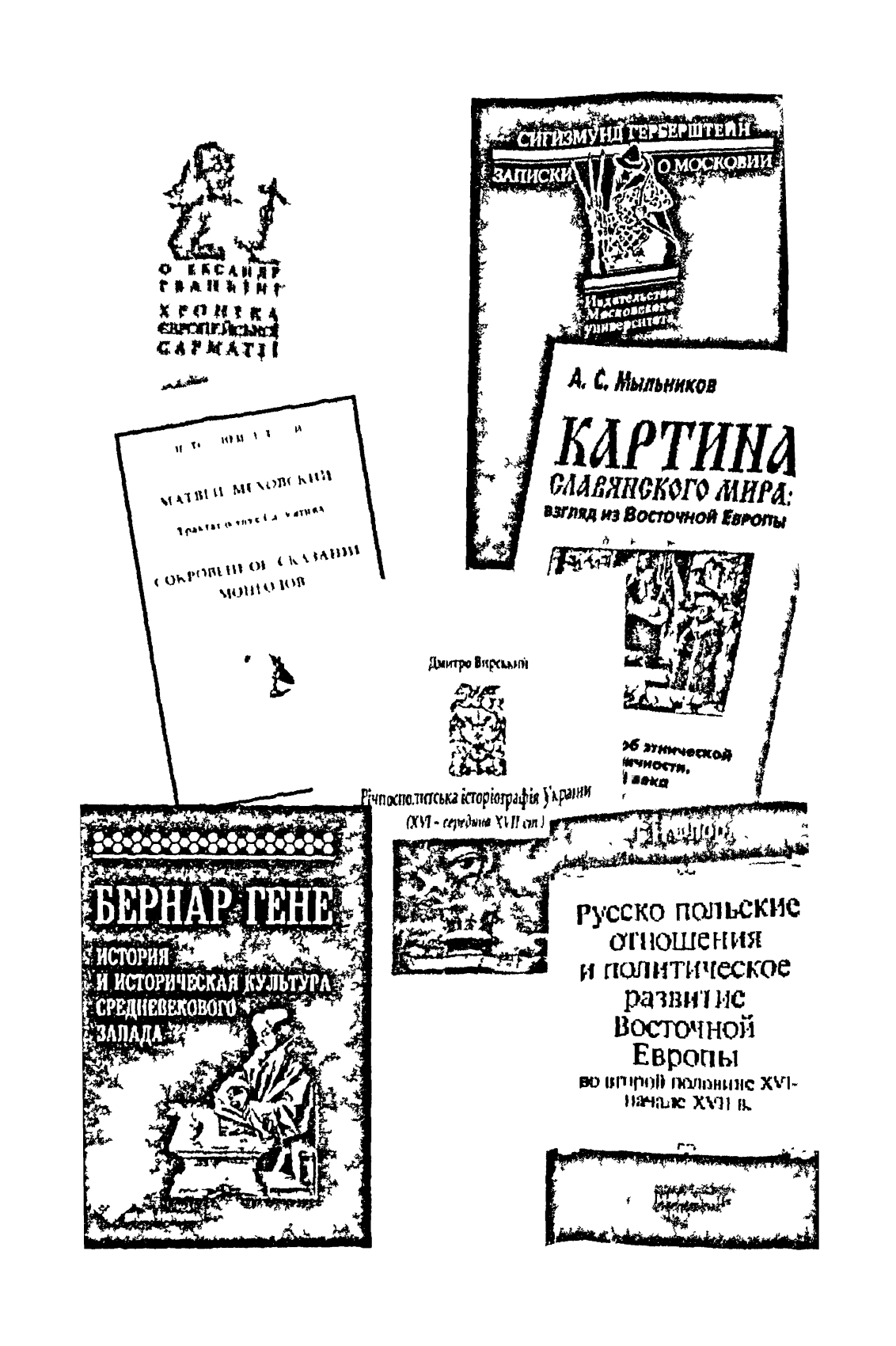
интерес к «русским» известиям в польской редакции хроники Гваньини, идеологическая направленность которых в немалой степени отвечает приоритетам исторической политики современного украинского государства.

Вместе с тем, следует обратить внимание на неравномерность исследования проблемы формирования исторического образа Руси в польской историографии конца XV – начала XVII в., которая проявляется как в избирательном изучении наследия отдельных историков, так и историографической традиции в целом. Например, труды Длугоша, Меховского и Стрыйковского, содержащие сведения по истории Руси, изучены крайне однобоко. При глубочайшей проработке фрагментов, посвященных отражению в этих источниках истории Киевской Руси, в значительно меньшей степени изучен мощнейший пласт восточнославянских этногенетических легенд и протогипотез, нашедших отражение в польских хронографических памятниках. Также отметим, что крайне поверхностно исследовались представления польских авторов о прошлом русских земель (М. Бельский, Гваньини), а некоторые авторские концепции вовсе были обойдены вниманием (Кромер, И. Бельский).

В этой связи мы полагаем перспективным проведение комплексных обобщающих исследований, посвященных истории польской историографии, а также изучение отдельных авторских концепций истории Руси. Актуальность работы в данном направлении едва ли может вызвать сомнение, поскольку расширение научных знаний в сфере данной проблематики не только обогатит наши знания по истории исторической науки, но и позволит проследить эволюцию представлений о России, сложившихся на столь важной стадии формирования европейской идентичности, каковой является эпоха Возрождения.



Список использованных источников и литературы


ОЛЕКСАНДР ГВАНЬЇНІ
ХРОНІКА ЄВРОПЕЙСЬКОЇ САРМАТІЇ
МАТВІЙ МЕХОВСЬКИЙ
СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНІЕ МОНГОЛОВ
СИГИЗМУНД ГЕРБЕРШТЕЙН
ЗАПИСКИ О МОСКОВИИ
Издательство Московского университета
А. С. Мыльников
КАРТИНА СЛАВЯНСКОГО МИРА:
взгляд из Восточной Европы
Дмитро Вирський
Річпосполитська історіографія України
(XVI - середина XVII ст.)
БЕРНАР ГЕНЕ
ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАПАДА
Русско польские отношения и политическое развитие Восточной Европы
во второй половине XVI-начале XVII в.

Оригинальные издания и переводы трудов польских историков конца XV – начала XVII в.

Ян Длугош (1415–1480)

1615

Historia Polonica Joannis Długossi seu Longini Canonici Cracovien. In 3 t. digesta // Autoritate et sumptibus Herbulti Dobromilski edita. – Dobromili, in Officina Ioannis Szeligae, 1615.

1711

Ioannis Długossi seu Longini, canonici quondam Cracoviensis, Historiae Polonicae libri XII, quorum sex posteriores nondum editi, nunc simul cum prioribus ex mscripto rarissimo in lucem prodeunt ex bibliotheca et cum praefatione Henrici L. B. ab Huyssen Russorum Caesari a Consiliis intimis, bellicis et justitiae etc. Praemittitur praeter vitam autoris et doctorum de eo testimonia Samuelis Joachimi Hoppii, Schediasma de scriptoribus historiae Polonicae, plurimis annotationibus auctum Gabrielis Groddeckii P. P. ac Bibliothecarii Gedanensis, accedunt utrobique indices locupletissimi. – Francofurti sumptibus Joannis Ludovici Gleditschii et Mauritii Georgii Weidmanni, 1711.

1712

Ioannis Długossi seu Longini, canonici quondam Cracoviensis, Historiae Polonicae liber XIII, et ultimus, in msctis codicibus tantum non omnibus desideratus, nunc tandem in lucem publicam productus ex bibliotheca Henrici l. b. ab Huyssen Russorum Caesari a consiliis intimis, bellicis et justitiae etc. <...>. T. 2. – Lipsiae, Sumptibus J. O. Ludov. Gleditschii et Mauritii Georgii Weidmanni, 1712.

1776

Ioannis Długossi seu Longini, canonici quondam cracoviensis, Historiae Polonicae... // Historiarum Poloniae et magni Ducatus Lithuaniae scriptorum quotquot ab initio reipublicae Polonae ad nostra usque tempora extant omnium Collectio magna ordine chronologica digesta ob exemplarium raritatem iterum typis exscriptorum suppeditante celeberrima bibliotheca Zalusciana, edidit, varias annotationes adiecit ac praefatus est Laur. Mizlerus de Kolof, Regni Poloniae historiographus, in Sereniss. Regis Polon. aula consiliarius et medicus. Cum indice locupletissimo. Varsaviа, 1776. T. III–IV. Cum Serenissimi Regis Polonіarum privilegio.

1867

Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / przekł. K. Mecherzyńskiego. T. I. Ks. I–IV // Opera omnia. – Krakow, 1867. – T. II.

1868

Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście... T. II. Ks. V–VIII // Opera omnia. – Krakow, 1867. – T. III.

1868

Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście... T. III. Ks. X–IX // Opera omnia. – Krakow, 1867. – T. IV.

1869

Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście... T. IV. Ks. XI–XII // Opera omnia. – Krakow, 1867. – T. V.

1873

Joannis Długossii seu Longini canonici Cracoviensi Historiae Polonicae libri XII. Ad veterrimorum librorum manuscriptorum fidem recensuit, variis lectionibus annotationibusque instruxit Jignatus Żegota Pauli. Cura et impensis Alexandri Przezdziecki. T. I. Lib. I–IV // Opera omnia. – Cracovia, 1873. – T. X.

1873

Joannis Długossii seu Longini canonici Cracoviensi Historiae Polonicae... T. II. Lib. V–VIII // Opera omnia. – Cracovia, 1873. – T. XI.

1876

Joannis Długossii seu Longini canonici Cracoviensi Historiae Polonicae... T. III. Lib. IX–X // Opera omnia. – Cracovia, 1876. – T. XII.

1877

Joannis Długossii seu Longini canonici Cracoviensi Historiae Polonicae... T. IV. Lib. XI–XII // Opera omnia. – Cracovia, 1877. – T. XIII.

1878

Joannis Długossii seu Longini canonici Cracoviensi Historiae Polonicae... T. V. Lib. XII (XIII) // Opera omnia. – Cracovia, 1878. – T. XIV.

1961

Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królewstwa Polskiego [T. I]. Ks. 1, 2 / red. i wstęp J. Dąbrowski ; przekł. S. Gawęda, Z. Jabloński, A. Jochelson, J. Radziszewska, K. Stachowska, A. Strzelecka ; koment. K. Pieradzka, B. Modelska-Strzelecka. – Warszawa : Państw. Wyd-wo Nauk., 1961 (переизд.: 1962).

1962

Длугош Я Грюнвальдская битва / пер. с лат. Г. А. Стратановский, Б. В. Казанский, Л. Разумовская. – М. ; Л., 1962 (переизд.: 2008).

1964

Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae [T. I]. Lib. 1, 2. – Varsavia : Państw. Wyd-wo Nauk., 1964.

1969

Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królewstwa Polskiego [T. II]. Ks. 3, 4 / red. i koment. K. Pieradzka ; przekł. J. Mrukówna. – Warszawa : Państw. Wyd-wo Nauk., 1969.

1970

Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae [T. II]. Lib. 3, 4. Varsavia : Państw. Wyd-wo Nauk., 1970.

1973

Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae [T. III]. Lib. 5, 6. Varsavia : Państw. Wyd-wo Nauk., 1973.

1973

Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królewstwa Polskiego [T. III]. Księga 5, 6. – Varsavia : Państw. Wyd-wo Nauk., 1973.

1974

Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki Sławnego Krolewstwa Polskiego [T. IV]. Ks. 7, 8. – Varsavia : Państw. Wyd-wo Nauk., 1974.

1975

Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królewstwa Polskiego [T. V]. Ks. 9 dziewiąta / red. i koment. J. Garbaczyk, K. Pieradzka ; koment. S. Gawęda, Z. Perzanowski ; przekł. J. Mrukówna. – Warszawa : Państw. Wyd-wo Nauk , 1975.

1975

Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae [T. IV]. Lib. 7, 8 Varsavia : Państw. Wyd-wo Nauk., 1975.

1978

Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae [T. V]. Lib. 9 Varsavia : Państw. Wyd-wo Nauk., 1978.

1981

Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królewstwa Polskiego [T. VI/1] Ks. 10: 1370–1405 / red. i koment. Z. Perzanowski ; przekł. J. Mrukówna. Warszawa : Państw. Wyd-wo Nauk., 1981.

1982

Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królewstwa Polskiego [T. VI/2]. Ks. 10, 11: 1406–1412 / red. i koment. J. Garbaczyk, K. Pieradzka ; przekł J. Mrukówna. – Warszawa : Państw. Wyd-wo Nauk., 1982.

1985

Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królewstwa Polskiego [T. VII]. Ks. 11: 1413–1430 / red. i koment. S. Gawęda ; przekł. J. Mrukówna. – Warszawa : Państw. Wyd-wo Nauk., 1985.

1985

Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae [T. VI/1]. Lib. 10· 1370–1405. – Varsavia: Państw. Wyd-wo Nauk., 1985.

1997

Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae [T. VI/2]. Lib. 10, 11: 1406–1412. – Varsavia: Państw. Wyd-wo Nauk., 1997.

2000

Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae [T. VII]. Lib 11: 1413–1330. – Varsavia : Państw. Wyd-wo Nauk., 2000.

2001

Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae [T. VIII]. Lib. 11, 12: 1431–1444. – Varsavia : Państw. Wyd-wo Nauk., 2001.

2003

Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae [T. IX]. Lib. 12: 1455–1461. – Cracovia : Pol. Akad. Umiętności, Wyd-wo nauk. PWN, 2003.

2004

Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królewstwa Polskiego [T. VIII]. Ks. 11, 12: 1431–1444 / red. J. Wyrozumski ; koment. L. Korczak ; przekł. J. Mrukówna. – Warszawa : Państw. Wyd-wo Nauk., 2004.

2004

Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królewstwa Polskiego [T. IX]. Ks. 12: 1445–1461 / red. J. Wyrozumski ; koment. K. Ozóg; przekł. J. Mrukówna. – Warszawa : Państw. Wyd-wo Nauk., 2004.

2005

Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae [T. X]. Lib. 12: 1462–1480. – Cracovia : Pol. Akad. Umiętności, Wyd-wo nauk. PWN, 2005.

2006

Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królewstwa Polskiego [T. X]. Ks. 12: 1462–1480 / koment. K. Baczkowski ; przekł. J. Mrukówna. – Warszawa : Państw. Wyd-wo Nauk., 2006.

Матвей Меховий (1457–1523)

1517

Tractatus de duabus Sarmatijs Asiana et Europeana et de contentis eis. – Impressum Cracovię opera et impensis providi viri dni Ioannis Haller, 1517.

1518

Tractatus de duabus Sarmatijs Asiana et Europeana et de contentis eis. – Excusa Auguste Vindelicorum, 1518.

1518

Tractat von beiden Sarmatien und anderen anstossenden landen, in Asia und Europa, von sitten und gepräuchen der völcker so darinnen wonen. Ain anders von den landen Scithia vnd den innwonern des selben lands, genannt die Ciarchassi, vast wunderparlich zuhören. Mit Rö. Kayss. Mayestat Freyhait. – Getruckt und vollendet in der kayserliehen Statt Augspurg, 1518.

1519

Tractatus de duabus Sarmatijs Asiana et Europeana et de contentis eis. – Augustae Vindelicorum per Sigism. Grimm et Marc. Virsung, 1519.

1519

Chronica Polonorum. – Craccoviae, per Hieronymum Vietorem, 1519–1521.

1521

Descriptio Sarmatiarum Asianae et Europianae et eorum que in eis continent. Sola sum occiduo virtus manet orbe perennis. Omnia mortali cetera sorte cadunt. – Cracoviae apud Dnm Joannem Haller, 1521.

1532

Mathiae a Michov De Sarmatia Asiana atque Europea, libri duo / Novus Orbis regionum ac insularum veteribus incognitarum una cum tabula cosmographica et aliquot alijs consimilis argumenti libellis, quorum omnium catalogus sequenti patebit pagina. – Basilea, 1532. – P. 485–531 (переизд.: 1537, 1582).

1533

Zwei Büchlein Mathis von Michau von beeden Sarmatiis inn Asia und Europa belegen // Die new welt der landschaften und insulen, so bis hie her allen Altweltbeschreybern unbekannt, Jungst aber v.d. Portugiesen und Hispanern im Niedergegentlichen Meer herfunden ect. Do bey find man auch hie der Ursprung und altherkummern der Fürnembsten und Gewaltigsten Völker der Altbekannten Welt, als do seind die Tartern, Moskoviten, Reussen, Preussen, Hungern, Schlaven ect. – Strassburg, 1533. – S. 153–169.

1535

Polskie wypisanie dwoiey krainy świata: która po łacinie Sarmatią, takiez y lud tam przebywaiąci zowa Sarmatę, iakoby zawsze gotowi a zbroyni. Gdziez tez obiawione są niektóre dawne dzieie polskie. Z wypisania Da Macieia Miechowity dopiro wyłożone. – Kraków : Flor. Ungler, 1535.

1541

Polskie wypisanie dwoiey krainy swiata: która po łacinie Sarmatią, takiez y lud tam przebywaiąci zowa Sarmatę, iakoby zawsze gotowi a zbroyni. Gdziez tez obiawione są niektóre dawne dzieie polskie. Z wypisania Da Macieia Miechowity dopiro wyłożone. – Kraków : Hier. Vietor, 1541.

1545

Polskie wypisanie dwoiey krainy swiata : która po łacinie Sarmatią, takiez y lud tam przebywaiąci zowa Sarmatę, iakoby zawsze gotowi a zbroyni. Gdziez też obiawione są niektóre dawne dzieie polskie. Z wypisania Da Macieia Miechowity dopiro wyłożone. – Prasowano w Krakowie przez Marka Scharffenberga, 1545.

1555

Zwei Büchlein Mathis von Michau von beeden Sarmatiis inn Asia und Europa belegen // Die new welt der landschaften und insulen , so bis hie her allen Altweltbeschreybern unbekannt, Jungst aber v.d. Portugiesen und Hispanern im Niedergegentlichen Meer herfunden ect. Do bey find man auch hie der Ursprung und altherkummern der Fürnembsten und Gewaltigsten Völker der Altbekannten Welt, als do seind die Tartern, Moskoviten, Reussen, Preussen, Hungern, Sschlaven ect. – Basiliae, 1555.

1561

Historia delle due Sarmatie di Mattheo dic. Micheovo dottor fisico et canonico Cracoviense, tradotta per il signore Annibal Maggi besciano. Con la travola delle cose notabili. Con privilegio. – In Venegia appresso Gabriel Giolito de Ferarri, 1561 (переизд.: 1562).

1582

Matthiae a Michovia Medicinae doctoris et Canonici Cracoviensis De Sarmatia Asiana atque Europea, libri duo // Polonicae Historiae Corpus... hoc est

Polonicarum Rerum Latini recentiores & veteres scriptores, quotquot extant, uno volumine compraehensi omnes, et in aliquot distributi Tomos. Ex Bibliotheca Ioan. Pistorii Nidani D. Opus omnibus pernecessarium, ad perfecte cognoscendam Regionis Polonicae, Vicinarvmque Ditionvm descriptionem:. et ad rerum a Polonis per omnes aetates gestarum intelligendam historiam: et Summatim ad eorum omnium eompraehendendam notitiam, quae uel ad terram, uel ad gentem, uel ad res caeteras Poloniae, et subjectarum cumq; Polonia continentium provinciarum, pertinent. Cum gratia & privileg. Caes. Maiest. – Basileae, 1582. – T. 1. In quo omnia sunt, quae ad chorographicam Poloniae et subjectarum sub illius imperio prouinciarum considerationem pertinent ut versa pagina, in scriptorum Elencho uidere potes. – P. 121–150.

1582

Mathiae de Michovia Chronica Polonorum, a prima propagatione et ortu Polonorum usq; ad annum Christi M.D.IIII compraehensa lib. IIII // Polonicae Historiae Corpus... – Basileae, 1582. – T. 2. In quo universales historiae, scriptae de regno Polonico, vel de integra regum aut principum Poloniae et Lithuaniae familia continentur. – P. 1–259.

1584

Historia delle due Sarmatie di Mattheo Michevo dottor fisico et canonico Cracoviense , tradotta per il signore Annibal Maggi. Di novo ricoretta et ristampata. Con privilegio. – In Venetia appresso i Gioliti, 1584.

1600

De Moschovia Matthiae a Michovia, desumpta ex corpore historia Polonicae Ioh. Pistorii, edite Basileae ab H.Petri, anno 1582 // Rerum Moscoviticarum Auctores varii: unum in corpus nunc primum congesti. Quibus et Gentis Historia continentur: Et regionum accurata descriptio. – Francofurt, 1600.

1761

Mathiae a Miechov descriptio Sarmatiae Asianae et Europeae // Historiarum Poloniae et magni Ducatus Lithuaniae scriptorum... – Varsavia, 1761. – T. I. Continens Scriptores Topographicos. Cum Serenissimi Regis Poloniarum privilegio. – P. 177–216.

1776

Chronica Polonorum // Historiarum Poloniae et magni Ducatus Lithuaniae scriptorum... – Varsavia, 1776. – T. III.

1829

Kronika Polska Stanisława Chwalczewskiego // Zbiór pisarzow polskich. Część trzecia. – Warszawa, 1829. – T. IX.

1936

Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / введ., пер., коммент. С. А. Аннинского. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1936. – (Известия иностранцев о народах СССР).

1972

Maciej z Miechowa. Opis Sarmacji Azjatyckiej i Europejskiej / wstęp H. Barycz, przekł. i koment. T. Bieńkowski. – Wrocław [etc.], 1972.

Мартин Кромер (1512–1589)

1555

Martini Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Adiecta est in fine, eiusdem autoris funebris Oratio, Sigismundi, Regis vitam compendiose complexa. Cum Caes. Maiest. Gratia et Peivilegio ad annos decem. Basileae per Joannem Oporinum, MDLV.

1558

Martini Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Recogniti ab autore. Una cum funebri ejusdem Autoris Oratione, Sigismundi Regis vitam compendiose complexa et aliquoties iam prius edita. Accessit modo iudicium Francisci Robortelli Utinensis de authore et libro. Cum Caes. Maj. gratia & Privilegio ad annos decem. – Basileae per Joannem Oporinum 1558.

1562

Mitnächtischer Völckeren Historien in welcher viler Nationen, als nammlich der Polen, deren Slauen, Pomeren, Reüssen, Moscoviten, Preüssen, Ungaren, Walachen, Schlesier, Littauweren, Wenden, Behemen, Tartaren, Türcken, Lyfflanderen, Oesterreicheren, Podolier, Brandenburgere, Ursprung, mancherley Gebreüche namhaffte Historien, Regiment, uund Ritterliche taathen, biss auff dise unsere Zeyt, auff das kürzeste, waarhafftig uund ordentlichen in dreyssig Bücheren begriffen. Erstlich durch den Hochgelerten Herren Martinum Chromer auss Poland zu latein fleyssig beschrieben: Jetzzumalen aber durch Heinrich Pantaleon der Artzney uund freyer künsten Doctor zu Basel, zu gutem gemeiner Teutscher nation, auff das treüwlichest verteütschet, gemehret, und in truck verordnet. Mit Kay. May. gnad und freyheit in fünff iaren nit nach zu-trucken. – Basel, 1562.

1568

Martini Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Tertium ab autore diligenter recogniti. Funebris eiusdem autoris Oratio Sigismundi Regis vitam compendiose complexa et aliquoties iam prius edita. Accessit iudicium Francisci Robortelli Utinensis de authore et libro. Cum gratia et privilegio Caes. Maies. ad novem annos. – Basileae ex Officina Oporiniana, 1568.

1582

Martini Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum Chronicon Polonicae Historiae Corpus... – Basileae, 1582. – T. II. – S. 402–833.

1589

Martini Cromeri, Varmensis episcopi Polonia, sive De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Oratio funebris Sigismundi primi regis. Deque situ, populis, moribus, magistratibus et republica regni Poloniae, libri duo. Omnia nunc ultimo ab ipsomet auctore recognita, ac multis iocis emendata et aucta. His accesserunt recens ad historiae continuationem, quae sequens pagina demonstrat et chartae geographicae cum Poloniae, Prussiae, Masoviae, Russiae etc. tum etiam Lituaniae, Liuoniae et Moscoviae, aeneis formis expressae. Cum indice rerum memorabilium locupletissimo. – Coloniae Agrippinae in officina Birckmannica sumptibus Arnoldi Mylij, Anno M.D.LXXXIX.

1611

Kronika Marcina Kromera Biskupa Warmińskiego O sprawach, dziejach y wszystkich inszych potocznościach koronnych polskich: ksiąg XXX przez Marcina Błazowskiego na polski język przetłumaczone przydatkami i dowodami niektóremi poniekąd utwierdzone y własnym onegoż kosztem z druku na świat podane. Cum gratia et privilegio S.R.M. – W Krakowie w drukarni Mikołaia Loba, 1611.

1767

Kronika Marcina Kromera Biskupa Warmińskiego na polski język przełożona przez Marcina Błazowskiego niegdyś jego kosztem w Krakowie roku 1611 drukowana teraz za pozwoleniem Starszych przedrukowana // Zbiór dziejopisów polskich we czterech tomach zawarty. – Warszawa, 1767. – T. 3.

1857

Kronika Polska Marcina Kromera Biskupa Warmińskiego ksiąg XXX dotąd w trzech językach, a mianowicie w łacinskim, polskim i niemieckim wydana, na język polski z łacińskiego przełożona przez Marcina z Błażowa Błażowskiego. I wydana w Krakowie w drukarni M. Loba r. 1611. Obecne wydanie w języku polskim drugie. – Sanok, nakład i druk Karola Pollaka, 1857.

1982

Marcin Kromer. Mowa na pogrzebie Zygmunta I oraz O pochodzeniu i o dziejach Polaków księgi XXIX i XXX : wstęp, przekł. i oprac. J. Starnawski. – Olsztyn, 1982.

Марчин Бельский (1495–1575); Иоахим Бельский (1550–1599)

1551

Kronika wszytkyego swyata, na ssesc wyekow, Monarchie czterzy rozdzielona, s Kozmographia nowa y z rozmaitemi Krolestwy tak pogańskimi Zydowskyemi yako y krześciańskyemi, s Sybillami y proroctwy ich po polsku pisana s figurami. W ktorey też zywoty Cesarskye, Papyeskye, y thych królów z ich Krolestwy, Asyryskich, Egipskich, Żydowskich, Greckich, Perskich, Tureckich, Węgyerskich, Czeskich, y inych rozmaitych thak Krolow, Kxyążat, yako inych przełożonych od początku swyata az do thego roku ktory się pisze 1551 są napisane. Myędzy ktoremi też nasza Polska na ostatku zosobna yest wypisana. – [Kraków, 1551].

1554

Kronika Wssythyego swyata na ssesc wieków a na cżwory księgi takież Monarchie rozdzielona, rozmaitych historij, tak w swyętym piśmye yako w prostym, s Kosmografia nową y rozmaitemi krolestwy, tak pogańskimi zydowskimi, yako krzesciyanskimi: w ktorey tez zywoty Papyeskye, Ceserskye, y królów inych takyez Ksyażat, od początku swyata aż do tego roku który sye pisse 1554. Myedzy ktoremi tez nassa Polska yest z osobna położona, y swyata nowego wypisanye. Dostatecznyey niż pirwssa s pisana y pilnyey figurami ochędożnemi. Cum gratia et privilegio. – Drukowano w Krakowye przez Hieronima Scharffenberga, 1554.

1564

Kronika, tho iesth, Historya swiata na sześć wieków, a cżterzy Monairchie, rozdzielona z rozmaitych Historyków, tak w świętym piśmie krzescijanskim, żydowskim,

iako y Pogańskim, wybierana y na Polski ięzyk wypisana dosthatheczniey niz pierwey, s przydanim wiele rzeczy nowych: Od początku świata, aż do tego roku, ktory się pisze 1564 s figurami ochędożnymi y własnymi. – Drukowano w Krakowie u Matthe-usza Siebeneychera, 1564 (репр. переизд.: 1976).

1597

Kronika polska, Marcina Bielskiego. Nowo przez Joach. Bielskiego syna iego wydana. Cum gratia et priuilegio S. K. M. – W Krakowie, w Drukarni Jakuba Sibeneychera, 1597.

1764

Kronika Marcina Bielskiego niegdyś w Krakowie drukowana, teraz z nowa z doprowadzeniem aż do Augusta III. Przedrukowana // Zbiór dzieiopisow polskich we czterech tomach zawarty. – Warszawa, 1764. – T. 1.

1829

Marcina Bielskiego Kronika Polska [T. 1] // Zbiór pisarzow polskich. – Warszawa, 1829. – T. XI.

1830

Marcina Bielskiego Kronika Polska [T. 2–6] // Zbiór pisarzow polskich. – Warszawa, 1830. – T. XII–XVI.

1832

Marcina Bielskiego Kronika Polska [T. 7–8] // Zbiór pisarzow polskich. – Warszawa, 1832. – T. XVII–XVIII.

1856

Kronika Polska Marcina Bielskiego / wyd. Kazimierza Józefa Turowskiego. – Sanok, nakład i druk Karola Pollaka, 1856.

Мачей Стрыйковский (1547–1590)

1582

Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiey Rusi Kijowskiey, Moskiewskiey, Siewierskiey, Wołynskiey, Podolskiey, Podgorskiey, Podlaskiey, etc. Y rozmaite przypadki woienne y domowe, Pruskich, Mazowieckich, Pomorskich, y inszych krain Krolestwu Polskiemu y Wielkiemu Xięstwu Litewskiemu przyległych, według istotnego y gruntownego zniesienia pewnych dowodow z rozmaitych Historikow y Autorow postronnych, y domowych, y Kijowskich, Moskiewskich, Sławiańskich, Liflatnskich, Pruskich starych, Dotąd ciemnochmurną nocą zakrytych Kronik, y Latopiszow Ruskich, Litewskich, y u Długosza Oyca dzieiow Polskich z inszymi, z wielką pilnoscią y węzłowatą pracą (Osobliwie około Dzieiow Litewskich y Ruskich od żadnego przedtym niekuszonych) przez Macieia Osostewicivsa Striykowskiego dostatecznie napisana, złozona, y na pierwsze swiatło z wybadanim prawdziwie dowodniey starodawnosci własnym wynależieniem, przeważnym dochcipem, y nakładem nowo wydźwigniona przez wszystki starożytnie wieki, az do dzisieyszego Roku 1582. A tu przod wszystkich ile ich kolwiek iest ludzkich na Swiecie Narodow gruntowne wywody. Z łaską i Priwilieiem Kro: J: M: – Drukowano w Krolewcu u Gerzego Osterbergera, 1582.

1846

Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszyskiej Rusi Macieja Stryjkowskiego. Wydanie nowe, będące dokładnem powtórzeniem wydania pierwotnego królewieckiego z roku 1582, Poprzedzone wiadomością o życiu i pismach Stryjkowskiego przez Mikołaja Malinowskiego, oraz Rozprawą o Latopiscach Ruskich Przez Daniłowicza Pomnożone przedrukiem dzieł pomniejszych Stryjkowskiego według pierwotnych wydań. T. I–II. – Warszawa, nakład Gustawa Leona Glücksberga, Księgarza, 1846 (репр. переизд.: 1985).

1978

Stryjkowski M O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od zadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia / oprac. i koment. J. Radziszewska. – Warszawa : Państw. Inst. Wyd-wo, 1978.

Александр Гваньини (1534–1614)

1578

Sarmatiae Europeae Descriptio, quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Masoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur. Alexandri Gwagnini Veronensis, equitis aurati, peditumque praefecti, diligenter conscriptae. – Cracoviae, 1578.

1578

Magni Ducatus Lituaniae cum suis ducibus, provinciis, palatinatibus, civitatibus et castris praecipuis, morumque gentis, originis, religionis antiquae compendiosa descriptio. – Cracoviae, 1578.

1578

Prussiae cum suis provinciis, Civitatibus et Castris, omniumque Magistrorum Crucigerorum Thewtonici ordinis, juxta seriem et saccessionera compendiosa descriptio. – Cracoviae, 1578.

1578

Livoniae totius cum suis provinciis, civitatibus, castris etc. Addita est quoque brevis narratio, quomodo haec regio in jus invictissimi Regis Poloniae Sigismundi Augusti, Magni Ducis Lituaniae cesserit, et quo pacto a Moschorum Principe et Swetiae Rege diminuta fuerit. – Cracoviae, 1578.

1578

Omnium Regionum Moschoviae Monarchae subjectarum, Tartarorumque campestrium arcium civitatum praecipuarum, illarum denique gentis, religionis et consuetudinis vitae sufficiens et vera descriptio. Adjuncta praeterea gesta praecipua Tyrannisque ingens moderni Monarchae Moschoviae Joannis Basilidis nuper perpetrata, vera fido descripta. – Cracoviae, 1578.

1578

Tartarorum Campestrium in Hordas divisorum, morumque et consuetudinis vitae eorundem brevissima descriptio. – Cracoviae, 1578.

1581

Sarmatiae Europeae Descriptio. Quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam Russiam, Masoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur. Alexandri Gwagnini Veronensis, equitis aurati, peditumque praefecti. Cum supplementi loco ea quae gesta sunt superiori anno inter Serenissimum Regem Poloniae et Magnum Ducem Moschoviae breviter adiecta sunt Item genealogia Regum Polonorum. – Spirae, 1581.

1581

Gesta praecipua tyranniaque ingens Monarchae Moscoviae Joannis Basiliadis nuper perpetrata. – Spirae, 1581.

1582

Etliche Historien Von des ietzigen Groszfürsten im der Moscha Johan Basiliadis grawsamer Tyranney. Ausz der Beschreibung Sarmatiae Europeae Alexandri Guagnini gezogen und verteutscht. Mit einem vorrede. – Speir, 1582.

1582

Alexandri Guagnini Veronensis, equitis aurati exactissima et diligenti sima Chorographia totius Poloniae, Lithuaniae, Livoniae et Prussiae Polonicae Historiae Corpus... – Basileae, 1582. – T. 1. – P. 17 73.

1582

Alexandri Guagnini Veronensis Compendium Chronicorum Poloniae secundum seriem et successionos omnium principum, regumq; gentis, a Lecho primo duce authoreq; Polonorum, usq; ad regem Henricum Valesium ordine servato Polonicae Historiae Corpus... – Basileae, 1582. – T. II. – P. 341–370.

1582

Deductio et origo celeberrimae gentis Lithuanorum probabilis. hactenus a nomine historicorum Latinorum explanata / Polonicae Historiae Corpus... Basileae, 1582 T. II. – P. 880–897.

1590

Kronyka Mozkewská. Wypsánij přednjch zemj, Kragin, Naroduw, Knjzetstwj, Mést Welikému Knjžeti Mozkewskému poddanych [...] To wsse z gazyka Latinského w Český přeloženo, od Matauss Hosia z Wysokeho Města Praha 1590 (переизд.: 1602).

1600

Omnium Regionum Moschoviae Monarchae subjectarum, morum et religionis descriptio et gesta, tyrannisq; Iohannis Basilidis ex Sarmatia Alexandri Gwanini Veronensis edita Spirae a Bernh. Albino anno 1581 Rerum Moscoviticarum Auctores varii... – Frankfurt, 1600. – P. 154–205.

1611

Kronika Sarmacyey Europskiey, w ktorey się zamyka Krolestwo Polskie, ze wszystkiemi Państwy, Xięstwy, y prowincyami swemi; tudziez tez Wielkie Xięsstwo Lithew[skie]: Ruskie, Zmudzkie, Inflantskie, Moskiewskie y częsc Tatarow, przez Alexandra Gwagnina z Werony, Hrabię Pałacu lateranskiego Rycerza pasowanego y Rotmistrza Jego K. M. pierwey roku 1578 po łacinie wydana Ą teraz zaś z przyczynieniem tych Królów, których w łacinskiey niemasz Tudzież królestw, Państw, Insuł, ziem y Prowinciy ku tey Sarmacyey przyległych iako

Graecyey, ziem Słowiańskich, Wołoszey, Pannoniey, Bohemiey, Germaniey, Daniey, Szwecyey, Gotyey etc. Przez tegoż Authora z wielką pilnością rozdziałami na X ksiąg krociuchno zebrana: A przez Marcina Paszkowskiego za staraniem Authorowym z Łacińskiego na Polskie przełożona. – Kraków, 1611.

1611

Krotkie zebranie Kroniki Polskiey: według własności i następowania jednego po drugim, wszystkich Xiążat i Krolow narodu tego: począwszy naprzod od Lecha perwszego Monarchy i sprawce narodu Polskiego aż do dzisieyszego Krola Zygmunta III porządek zachowując. – Kraków, 1611.

1611

Kronika W. X. Litewskiego. – Kraków, 1611.

1611

Kronika ziemie Ruskiey: W którey się zamyka wszystkich miast, zamków y prowincicy do niey należących, krótkie opisanie / Tudzież też Xiążąt y Monarchów onych dawnych, z których się zacne y wielkie Familie na Rusi, y w Wielkim X. Litewskim rozrodziły, genealogia: A to są księgi III. – Kraków, 1611.

1611

Kronika ziemie Pruskiey: W którey się zamyka wszystkich miast, zamków y prowincicy, do niey należących. Tudzież też Mistrzów y Kontorów wszystkich Krzyzackich y walk, które przez długi czas z Polaki y z Litwa wiedli, według własnego porządku krótkie opisanie. A to są księgi IV. – Kraków, 1611.

1611

Kronika abo krótkie opisanie ziemie Inflantskiey y Żmudzkiey ze wszytkiemi zamki, miasty, prowincyami y Państwy do nich należącymi. A to są księgi V. Przyczyniono są niektóre woyny godne pamięci, które Inflantczycy z Moskwą y z innymi postronjnymi narody miewali: na ostatku iako ta zacna Prowincya w ręce Niezwyciężonego króla Polskiego przyszła. – Kraków, 1611.

1611

Kronika ziem zamorskich, w którey się zamyka, (Szwecyey, Finlandyey, Laponiey, Grunlandiey, Gothyey, Islandyey, Daniey, Nordwegiey, Helwecyey, Alsacyey, Bawaryey, Frankoniey, Pannoniey wyzszey, Westphaliey, Bohemiey, Sylezyey, i inszych ziem Niemieckich krociuchne opisanie: A to są księgi VI. – Kraków, 1611.

1611

Kronika W. X. Moskiewskiego y państw do niego należących. – Kraków, 1611.

1611

Kronika o ziemi Tatarskiey y o narodzie ich: w ktorey się zamyka opisanie Scythiey dwoiakiey, historya o Amazonkach, przyszcie Tatar do Europy, a co są z lud: mieszkał przed tym w ziemi tey, kędy dziś Tatarowie mieszkaią. Tudzież te Hordy królestwa, zycie, obyczaie ich, y sposoby wojenne opisuia się: A to są księg VIII. – Kraków, 1611.

1611

Kronika o Grecyey, Ziemiach Słowiańskich, Walachiey y Pannoniey. W którey si zamyka wszytkich królestw, państw, Xięstw, Miast, Zamków i Provinciy do nie należących: Tudziez też praw, wolności, walk y obyczaiow obywatelow tamecznyc z hospdarmi ich krociuchne opisanie. A to są księgi IX. – [Kraków, 1611].

1761

Mat. Strykovii Descriptio Sarmatiae Europeae // Historiarum Poloniae et magni Ducatus Lithuaniae scriptorum... – Varsavia, 1761. – T. I. – P. 36 114.

1768

Kronika Sarmacyey Europskiey... // Zbiór dzieiopisow polskich we czterech tomach zawarty. – Warszawa, 1768. – T. IV.

1786

Wytah z kronyky Mozkewské [...]. – Praha, wydał Frant. Faustyn Prohazká, 1786.

1860

Z Kroniki Sarmacyi Europskiej, Alexandra Gwagnina z Werony (hrabie pałacu laterańskiego, rycerza pasowanego i rotmistrza J. K. M.). Opisanie Polski, W. Ks. Litewskiego, Ziemie Ruskiej, Ziemie Pruskiej, Ziemie Intflantskiej, Ziemie Zmudzkiej / wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego. – W Krakowie, nakładem Wydawnictwa Biblioteki Polskiej, 1860.

1969

Хроніка Землі Руської (Української) де описано всі міста, замки в провінціях до них приналежних. Також міститься тут опис князів і монархів, з яких починається Велика Родина на Русі (Україні) у Великому Князівстві Литовському де саме зродилась ця генеалогія. Книжка III / пер. с пол. мови інж. Осип Мазурок. – Едмонтон, 1969.

1997

Гваньини А. Описание Московии / пер. с лат. и коммент. Г. Г. Козловои. – М., 1997.

2000

Гваньіні О Хроніка Руської землі // Всесвіт. – 2000. – № 11 12.

2007

Гваньіні О. Хроніка Європейської Сарматії / упорядкув. та пер. з пол. о. Ю. Мицика. – Київ, 2007.

Историографические источники

Полное собрание русских летописей. Т. I. – М., 1926.

Полное собрание русских летописей. Т. XVII. – СПб., 1907.

Ad serenissimum principem Ferdinandum Archiducem Austriae, Moscovitarum iuxta mare glaciale religio, a de Ioanne Fabri aedita // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. – М., 1997. – P. 143–150.

Bernardi Vapovii Fragmentum Sigismundi Senioris Regis Poloniae, res gestas Cromeri discriptioni posteriores, continuans. Nunc primum in lucem editum. – Coloniae Agrippinae in officina Birckmannica sumptibus Arnoldi Mylij, Anno M.D LXXXIX

Chronica sive Historiae Polonicae compendiosa, ac per certa libroram capita ad facilem memoriam recens facta descriptio: Authore Magnifico Viro Joanne Herburto de Fulstin, Regni Polonici Senatore. Cum gratia et privilegio Caes. Maiest, ad decem et Regis Galiarum ad novem annos. – Basileae : Offic. Oporiniana, 1571.

Chronica Poloniae Majoris // Monumenta Polonica Historica. N. S. T. 8. – Warszawa, 1970.

Decius I L De vetistatibus Polonorum. Lib. I. – Cracoviae, 1521.

Decius I L De Iagiellonum Familia. Lib. II. – Cracoviae, 1521.

Decius I L. De Sigismundi Regis Temporibus. Lib. III. – Cracoviae, 1521.

Demitrowicz P Compendium abo Krotkie opisanie tak Książąt y Krolow Polskich jako spraw przypadkow y dawnych dziejow krolestwa Polskiego z Kroniki Marcina Kromera Biskupa Warmińskiego y inszych [...]. – Lubicz, 1625.

De Moscovia ad Clementem VII. Pont. Max. Albertus Campensis. Venetiis Apud Paulum Girardum. M.D.XLIII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. – М., 1977. – Р. 75–94.

Galli Anonymi Cronica et Gesta Ducum sive Pricnipum Polonorum // Monumenta Polonica Historica. N. S. T. 2. – Cracoviae, 1952.

Joannis de Czarnkow Chronicon Polonorum // Monumenta Polonica Historica. Pomniki dziejowe Polski. T. 2. – Lwów : Druk. zakł. nar. im. Ossolińskich, 1871.

Pauli Iovii Nouocomensis libellus de legatione Basilii magni Principis Mo schouiae ad Clementem. VII. Pont. Max. in qua situs Regionis antiquis incognitus, Religio gentis, mores, et causae legationis fidelissime referuntur. Caeterum ostenditur error Strabonis, Ptolemaei, aliorumque Geographiae scriptorum, ubi de Rypheis montibus meminere, quos hac aetate nusquam esse, plane compertum est. Roma // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. – М., 1977. – Р. 227–254.

Rocznik kapitulny krakowski // Monumenta Polonica Historica. Pomniki dziejowe Polski. T. 2. – Lwów : Druk. zakł. nar. im. Ossolińskich, 1871.

Rocznik Traski // Monumenta Polonica Historica. Pomniki dziejowe Polski. T. 2. – Lwów : Druk. zakł. nar. im. Ossolińskich, 1871.

Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain, Neyperg et Guettenhag. In hijs commentarijs sparsim contenta habebis, candide Lector, Russiae et, que nunc ejus metropolis est, Moscoviae brevissimam descriptionem. De religione quoque varia inserta sunt et quae nostra cum religione non conveniunt. Chorographiam denique totius imperij Moscici et vicinorum quorundam mentionem. Quis denique modus excipiendi et tractandi oratores disseritur. Itineraria quoque duo in Moscoviam sunt adjuncta. – Basileae, 1551.

Starowolski S. Setnik pisarzów polskich albo pochwaly i żywoty stu najznakomitszych pisarzów polskich / Przekł. i koment. J. Starnawski, wstęp F. Bielak, J. Starnawski. – Warszawa, 1970.

Литература

Алпатов М А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XII XVII вв.). – М., 1973.

Базылев Л Россия в польско-латинской политической литературе XVI в // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. – М., 1976.

Белы А. Хроніка Белай Русі. Chronicon Russiae Albae. Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. – Мінск, 2000.

Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. – СПб., 1868.

Бибиков М. Б. Древняя Русь в свете зарубежных источников: учеб. пособие для студентов вузов / М. Б. Бибиков [и др.] ; под ред. Е. А. Мельниковой. М., 2003.

Вайнштейн О Л. Западноевропейская средневековая историография. – М. ; Л., 1964.

Вирський Д. Річпосполитська історіографія України (XVI – середина XVII ст.). Ч. 1. – Київ, 2008.

Гейштор А Образ Руси в средневековой Польше // Культурные связи России и Польши. XI–XX вв. – М., 1998.

Гене Б История и историческая культура средневекового Запада / пер. с фр. Е. В. Баевской и Э. М. Береговской ; ред. И. И. Соколова. – М., 2002.

Голенищев-Кутузов И Н Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI вв. – М., 1961.

Дячок О. А. Анализ рукописных переводов «Хроники Европейской Сарматии» А. Гваньини на русский и украинский языки // Исследования по археографии и источниковедению отечественной истории XVI–XX вв. – Днепропетровск, 1990.

Дячок О О. Археографія видань твору А. Гваньїні та фрагментів з нього // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. – Дніпропетровськ, 2001.

Дячок О О. Використання «Хроніки Європейської Сарматії» як джерела українськими авторами XVII–XVIII ст. // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. – Дніпропетровськ, 2003.

Дячок О. О. Запорозьке козацтво в «Хроніці Європейської Сарматії» А. Гваньїні // Історія запорозького козацтва: сучасний стан проблеми вивчення. – Дніпропетровськ, 1990.

Дячок О. О Проблема авторства «Опису Європейської Сарматії» в історіографії // Осягнення історії. Збірник наукових праць на пошану професора Миколи Павловича Ковальського з нагоди 70-річчю. – Острог ; Нью-Йорк, 1999.

Дячок О. О. «Хроніка Європейської Сарматії» А. Гваньїні як джерело з історії України. – Дніпропетровськ, 1992.

Дячок О Хроніст Алессандро Гваньїні // Укр. археогр. щорічник. – Нов. сер., 2004. – Вип. 8/9.

Ерусалимский К Ю Идеология истории Ивана Грозного: взгляд из Речи Посполитой // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории М. 2008.

Ерусалимский К. Ю История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI века // История и память: историческая культура Европы до начала нового времени. – М., 2006.

Жинкин Н. П. Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского государственного университета им. А. М. Горького // Тр. Отд. древнерус. лит. – 1953. – Т. 9.

Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв.: из истории международных культурных связей России. – Л., 1980.

Казакова Н. А. Полные списки русского перевода «Хроники всего света» Марцина Бельского // Археографический ежегодник за 1980 г. – М., 1981.

Карнаухов Д. В. История русских земель в «Описании Европейской Сарматии» и «Хронике Европейской Сарматии» Александра Гваньини // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2006. – Т. 5, вып. 1 (доп.).

Карнаухов Д. В Латиноязычная историография в интеллектуальной культуре польского ренессанса // Философия образования. – 2006. – Спец. вып. 2.

Карнаухов Д. В. Легенда о славянских прародителях как фактор этнокультурной самоидентификации чешского и польского народов // Восточная Европа: концерт культур. – СПб., 2004.

Карнаухов Д. В. Мифологема происхождения восточных славян в интерпретации польской просвещенной элиты XVI в. // Вестн. Евразии. – 2000. – № 3.

Карнаухов Д. В Польский историк XVI в. Мачей Стрыйковский о происхождении восточных славян // Российско-польский исторический альманах. – Ставрополь [и др.], 2006. – Вып. 1.

Карнаухов Д. В Публикации «Трактата о двух Сарматиях» Мачея Меховского и развитие научных знаний о восточноевропейских землях в эпоху Возрождения // Вспомогательные исторические дисциплины: Специальные функции и гуманитарные перспективы : тез. докл. и сообщ. XIII науч. конф. (1–2 февр. 2001 г.). – М., 2001.

Карнаухов Д. В. Формирование исторического образа Руси в польской хронографии XV–XVI вв. (источники и историография исследования) // История и историки: историогр. вестн. – 2005. – М., 2006.

Клосс Б. М. Русские источники I–VI книг Анналов Яна Длугоша // *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): текст, пер., коммент. – М., 2004.

Ковальский Н. П. Известия по истории и географии Украины XVI в. в «Хронике Сарматии Европейской» Александра Гваньини // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. – Днепропетровск, 1972. – Вып. 1.

Козлова Г. Г. Александр Гваньини и его сочинения // *Гваньини А.* Описание Московии. – М., 1997.

Козлова Г. Г. «Описание Московии» Александра Гваньини // Античность и современность. К 80-летию Федора Александровича Петровского. – М., 1972.

Крашевский Ю. О Стрыйковском и его хронике // Фин. вестн. – 1847. – Т. 18, ч. 2.

Кудрявцев Р. Ф Базельское книгопечатание XVI в. в распространении сведений о Московском государстве // Россия и Швейцария: развитие научных и культурных связей: (по материалам двусторонних коллоквиумов историков России и Швейцарии). – М., 1995.

Купранець О. Похождення назви «Русь» в «Хроніці Руської землі» Олександра Гванінуса з 1611 року. – Рим; Торонто, 1977.

Лимонов Ю А Московия в западноевропейской картографии и сочинениях иностранных авторов XVI в. // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в.: [VI Междунар. семинар ист. исслед. «От Рима к Третьему Риму» (Москва, 28 30 мая 1986 г.)]. – М., 1997.

Лимонов Ю. А. Польский хронист Ян Длугош о России Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. – М., 1972.

Лимонов Ю. А Русские летописи и польская историография XV XVI вв // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. – М., 1976.

Лимонов Ю А Культурные связи России с европейскими странами в XV XVII вв. – Л., 1978.

Лимонов Ю А. «Хроніка Польщі» Матвія Меховського та її давньоруські джерела // Укр. іст. журн. – 1976. – № 3.

Матвей Меховский и его сочинение «О двух Сарматиях» Отеч. зап. 1854. – Т. 12.

Михаловская Л Л. Жизнь и творчество Мацея Стрыйковского Вопр. ист. – 1978. – Вып. 5.

Мицик Ю Історико-географічний опис Польщі у хроніці О. Гваньїні Іст. журн. – 2004. – № 4.

Мицик Ю Опис молдавського походу козаків 1574 р. в хроніці Гваньїні // Гуманіт. журн. – 2005. – № 4.

Мицик Ю Опис Московської держави у хроніці О. Гваньїні Іст. журн. 2005. – № 6 ; 2006. – № 1–4.

Мицик Ю Опис України у хроніці Олександра Гваньїні Всесвіт. – 2000. № 11/12.

Мыльников А С Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы· Представления об этнической номинации и этничности. XVI – начало XVIII в. СПб., 1999.

Мыльников А С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII в. СПб., 1996.

Мыльников А. С. Об истоках становления славяноведения в России: к вопросу об изучении «предыстории» славистики // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. – М., 1984.

Мыцык Ю. А Украинские летописи XVII в. – Днепропетровск, 1978.

Неедлы З История славяноведения до XVIII в. / Историк-марксист 1941. – № 2.

Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв.: текст, пер., коммент. – М., 1993.

Наконечний Є Украдене ім'я: Чому русини стали українцями. – Львів, 1998.

Оболевич В Б Идейно-художественная основа «Истории Польши» Яна Длугоша (1415–1482) / Славянская филология. – Л., 1972. – Вып. 2.

Первольф И Славяне, их взаимные отношения и связи. Т. 2. Славянская идея в литературе до XVIII в. – Варшава, 1888.

Пташицкий С Западно-русские переводы хроник Бельскаго и Стрыйковскаго: Библиографические заметки // Новый сборник статей по славяноведению. – СПб., 1905.

Пташицкий С Длугош, польский историк XV столетия. – СПб., 1888.

Робинсон А Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. – М., 1963.

Рогов А И. Известия по истории Киевской Руси в хронике Мацея Стрыйковского и их источники / Краткие сообщения Института славяноведения. – 1964. – Вып. 42.

Рогов А И Известия по истории России в «Хронике всего света» Мартина Бельского Новое о прошлом нашей страны. – М., 1967.

Рогов А И Основные особенности развития русско-польских культурных связей в эпоху Возрождения // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. – М., 1976.

Рогов А И Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). – М., 1966.

Рогов А И Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. / Источники и историография славянского средневековья. – М., 1967.

Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. – Л., 1986.

Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / сост., авт. вводн. ст., примеч., указ. О. Ф. Кудрявцев. – М., 1997.

Семянчук А А Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі. – Гродна, 2000.

Соболевский А И Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.: библиогр. материалы. – СПб., 1903.

Стефанович П С Володарь Перемышльский в плену у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. – 2006. – № 4.

Татищев В История Российская. Т. 1. – М., 2003.

Творогов О В Хроника Мартина Бельского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1989. – Вып. 2, ч. 2.

Тихомиров И О составе западно-русских, так называемых литовских летописеи Журн. М-ва народ. просвещения. – 1901. – Ч. 2.

Тихомиров М Н Русский летописец в «Истории Польши» Яна Длугоша Исторические связи России со славянскими странами и Византией. – М., 1969.

Улащик Н Белая и Черная Русь в «Кронике» Матвея Стрыйковского // Імя тваё Белая Русь. – Мінск, 1991.

Флоря Б Н Об одном из источников «Трактата о двух Сарматиях» М твея Меховского / Сов. славяноведение. – 1965. – № 2

Флоря Б Н Русское государство и русский народ в оценке шляхетских публицистов XVI в. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976.

Флоря Б. Н Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978

Флоря Б Н Русь и «русские» в историко-политической концепции Яна Длугоша / Славяне и их соседи: этнопсихологические стереотипы в средние века. – М., 1990.

Флоря Б Н Самосознание польской народности в XV в Этническое самосознание славян в XV столетии. – М., 1995.

Хорошкевич А Л Россия и Московия: Из истории политико-географической терминологии // Acta Baltico-Slavica. – 1976. – Т. 10.

Хорошкевич А Л Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // *Герберштейн С.* Записки о Московии. – М., 1988.

Хорошкевич А Л. Термины «Руссия» и «Московия» в 9–13 книгах «Анналов Польши» Яна Длугоша «Cultus et cognitio»: studia z dziejow sredniowiecznej kultury. – Warszawa, 1976.

Чистякова Е. В «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI XVII вв. / Тр. Отд. древнерус. лит. 1963 Т 19.

Шахматов А А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах СПб., 1908.

Щавелева Н И Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): текст, пер , коммент. – М., 2004.

Щавелева Н. И Князь Роман Галицкий в культурно-исторической традиции Польши и России // Культурные связи России и Польши XI XX вв – М , 1998

Щавелева Н И Польки – жены русских князей / Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1987 год. – М , 1989

Щавелева Н И Польские латиноязычные средневековые источники текст, пер., коммент. – М., 1990.

Bardach J Kronika Macieja Stryjkowskiego i jej rozpowszechnienie w Rosji // Przegl. Hist. – 1967. – Z. 2.

Bardach J. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV XVII w. – Warszawa, 1970.

Barycz H. Bielski Joachim // Polski słownik bioraficzny. – Warszawa, 1936 T 2

Barycz H Kromer Marcin // Polski slownik biograficzny. – Warszawa [etc] 1970. – T. 15.

Barycz H. Szlakami dziejopisarstwa staropolskiego: studia nad historiografią w. XVI–XVIII. – Wrocław [etc.], 1981.

Bazylow L Rosja w polsko-łacińskiej literaturze politycznej XVI wieku Slavia Orientalis. – 1974. – № 1.

Bernacki A Sarmatiae Europeae Descriptio Histoire d'un plagiat Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. – 1979. – № 3.

Bibliografia Polska XV–XVI stólecia: zestawienie chronologiczne 7200 druków w kształcie rejestru do bibliografii, tudzież spis abecadłowy tych dzieł, który dochowały się w bibliotekach polskich przez K. Estreichera. – Kraków, 1875.

Bibliografia literatury polskiej: nowy korbut. T. 2. Pśmemmictwo staropolskie: hasła osobowe A-M. – Warszawa, 1964.

Bibliografia literatury polskiej: nowy korbut. T. 3. Pśmemmictwo staropolskie: hasła osobowe N-Ż. – Warszawa, 1965.

Bobrzyński M Jan Długosz. Jego życie i stanowisko w piśmiennictwie / M. Bobrzyński, S. Smolka. – Kraków, 1893.

Borek P Ruś w Kronice Macieja Stryjkowskiego // Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей. – Київ, 1998. – T. 5.

Borkowska U. Historiograficzne poglądy Jana Długosza // Dlugossiana: studia historyczne w pięćsetlecie śmierci Jana Długosza. – Warszawa, Kraków, 1985. – Cz. 2.

Borzemski A Kronika Miechowity: rozbiór krytyczny. – Kraków, 1890.

Braun D De scriptorum Poloniae et Prussiae historicorum, politicorum et ictorum typis impressorum ac manuscriptorum in Bibliotheca Brauniana collectorum, virtutibus et vitiis, Catalogus, et judicium, post evolutionem exactam, sine odio aut studio, limatissimum. – Coloniae, 1723.

Buczek K. Dzieje kartografii polskiej od XV do XVIII w. – Warszawa, 1963.

Budka W Gwagnin Alexander // Polski słownik biograficzny.– Wrocław [etc.], 1961. – T. 9.

Budzyk K. Szkice i materialy do dziejów literatury staropolskiej. – Warszawa, 1935.

Caro J. Johannes Longinius. Ein Beitrag zur Literärgeschichte des fünfzehnten Jahrhunderts. – Jena, 1863.

Chrzanowski J. Bielski Marcin // Polski słownik bioraficzny. – Warszawa, 1936. – T. 2.

Chrzanowski J. Marcin Bielski: Studium literackie. – Warszawa, 1906.

Cynarski S Uwagi nad problemem recepcji «Historii» Jana Długosza w Polsce XVI i XVII w. // Dlugossiana: studia historyczne w pięćsetlecie śmierci Jana Długosza. – Warszawa, 1980. – Cz. 1.

Dąbrowski D. Romanowicze w Kronice Polskiej, Litewskiej, żmudzkiej i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego (ze szczególnym uwzględnieniem kwestii genealogicznych) // Senoji Letuvos Lit. – 2006. – T. 22.

Dąbrowski J. Dawne dziejopisarstwo polskie. – Wrocław, 1964.

Daniłowicz I Wiadomość o właściwych litewskich latopiscach // Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszyskiej Rusi Macieja Stryjkowskiego. – Wydanie nowe. – 1846. – T. I.

Dawni pisarze polscy: od początków piśmiennictwa do Młodej Polski: przew. biogr. i bibliogr. T. 1. – Warszawa, 2000.

Dawni pisarze polscy od początków piśmiennictwa do Młodej Polski: przew. biogr. i bibliogr. T. 2. – Warszawa, 2001.

Dawni pisarze polscy od początków piśmiennictwa do Młodej Polski: przew. biogr. i bibliogr. T. 4. – Warszawa, 2003.

Dziuba A Wczesnorenesansowa historiografia polsko-łacińska. – Lublin, 2000.

Estreicher K. Bibliografia Polska. T. 12–33 : Stulecie XV–XVIII w układzie abecadłowym / K. Estreicher, S. Estreicher – Kraków, 1891–1939.

Finkel L. Marcin Kromer. Historyk Polski XVI wieku: Rozbiór krytyczny. Kraków, 1883.

Gawlas S. Świadomość narodowa Jana Długosza // Studia Źrodłoznawcze. 1983. – T. 28.

Goleman W Wielkie Księstwo litewskie i jego mieszkańcy w oczach Macieja Stryjkowskiego // Uniwersalizm i regionalizm w kronikarstwie Europy Srodkowo-Wschodniej: średniowiecze – początek czasów nowozytnych. – Lublin, 1996.

Gołębiowski Ł. O dziejopisach polskich, ich duchu, zaletach i wadach. Warszawa, 1826.

Grabski A F. Dzieje historiografii. – Poznań, 2006.

Grabski A F. Zarys historii historiografii polskiej. – Poznań, 2000.

Grygel S Proba rekonstrukcji zaginionej cześci Kroniki Bernarda Wapowskiego // Studia źródłoznawcze. – 1964. – T. 9.

Grzybowski S. Jan Długosz. – Kraków, 2003.

Grzybowski S Marcin Kromer czyli Kariera snoba // Pisarze staropolscy. – Warszawa, 1997. – T. 2.

Hajdukiewicz L Miechowita Maciej // Polski słownik biograficzny. – Warszawa [etc.], 1974. – T. 19.

Jakubowski J Kroniki Litewskie // Rocznik towarzystwa przyjaczół nauk w Wilnie. – Wilno, 1909.

Jurkiewicz J Czy tylko plagiat? Uwagi w kwestii autorstwa Sarmatiae Europeae descriptio (1578) // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystes istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija. – Vilnius, 2007.

Kijas A Nowogród Wielki w Rocznikach Jana Długosza // Europa Orientalis: Polska i jej wschodni sąsiedzi od średniowiecza po współczesność. – Toruń, 1996.

Kijas A. Moskwa w relacjach polskich XVI i pierwszej połowy XVII wieku // Oblicza Wschodu w kulturze polskiej. – Poznań, 1999.

Kłoczowski J. Polacy i cudzoziemcy w XV wieku // Swoiskość i cudzoziemszczyzna w dziejach kultury polskiej. – Warszawa, 1973.

Korolko M. Pioner sarmackiego dziejopisarstwa – Marcin Bielski // Pisarze staropolscy. – Warszawa, 1991. – T. 1.

Kuczyński M. Miechowita jako historyk // Studia i Materiały do Dziejow Nauki Pol. Ser. A. – 1965. – Z. 7.

Łatyszonek O Od Rusinów Białych do Białorusinów. U źródeł białoruskiej idei narodowej. – Białystok, 2006.

Maciejowski W.A Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych az do roku 1830. T. 1. – Warszawa, 1851.

Malinowski M. Wiadomość o życiu i pismach Macieja Stryjskowskiego Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszyskiej Rusi Macieja Stryjkowskiego. – Wydanie nowe. – 1846. – T. 1.

Michałowska T. Kronika // Słownik literatury staropolskiej (Średniowiecze Renesans – Barok). – Wrocław [etc.], 1990.

Mrukówna J. Jan Długosz. Życie i twórczość. – Kraków, 1972.

Nadolski B Kierunki razwojowe dziejopisarstwa staropolskiego. – Lwów, 1938.

Nehring W O życiu i pismach Joachima Bielskiego. – Poznań, 1860.

Ostrowski J. B. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka, i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego // Badania krytyczne-historyczne i literackie. – Berlin ; Poznań, 1870. – T. 4.

Papée F. Długosz Jan // Polski słownik biograficzny. – Warszawa, 1939–1946. – T. 5.

Rozbiór krytyczny «Annalium Poloniae» Jana Długosza z lat 1385–1444. T. 1 / oprac. St. Gawęda, K. Pieradzka, J. Radziszewska, K. Stachowska, pod kier. J. Dąbrowskiego. – Wrocław [etc.], 1961.

Rozbiór krytyczny «Annalium Poloniae» Jana Długosza z lat 1445–1480. T. 2 / oprac. St. Gawęda, K. Pieradzka, J. Radziszewska pod kier. J. Dąbrowskiego. – Wrocław [etc.], 1965.

Perfeckij E. Historia Polonica Jana Długosze a ruské letopisectvi // Práce Slovanského ustavu v Praze. – 1932. – Sv. 7.

Plezia M. Jan Długosz // Pisarze staropolscy. – Warszawa, 1991. – T. 1.

Radziszewska J Maciej Stryjkowski: historyk-poeta z epoki Odrodzenia. – Katowice, 1978.

Radziszewska J Maciej Stryjkowski i jego dzieło // *Stryjkowski M.* O początkach, wywodach, dzielnosciach, sprawach rycerskich i domowych slawnego narodu litews kiego, zemojdzkiego i ruskiego. – Warszawa, 1978.

Radziszewska J Warsztat naukowy Marcina Kromera [1512–1589] w jego dziele «De origine et rebus gestis Polonorum» // Pr. Nauk. Uniw. Śląskiego w Katowicach. – 1982. – № 525: Historia i Współczesność. – T. 6.

Radziszewska J W sprawie korzystania przez Długosza z «Powieści minionych lat» // Ziemia Częstochowska. – 1984. – T. 14.

Radziszewska J. Źródła Marcina Kromera do dzieła «De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX» // Studia Warmińskie. – 1989 [druk: 1994]. – T. 26.

Rogow A Maciej Stryjkowski i historiografia ukraińska XVII w. // Slavia Orientalis. – 1965. – № 3.

Semiańczuk A , Semiańczuk H. Oblicza Wschodu w dziejopisarstwie polskim do końca XVI wieku // Oblicza Wschodu w kulturze polskiej. – Poznań, 1999.

Semkowicz A. Krytyczny rozbiór «Dziejów Polski» Jana Długosza (do roku 1384). – Kraków, 1887.

Semkowicz-Zarembina W. Przedmowa // Jana Długosza Roczniki Sławnego Królewstwa Polskiego. – Warszawa, 1961. – Ks. 1/2.

Serczyk J 25 wieków historii: historycy i ich dzieła. – Toruń, 1994.

Sielicki F Jan Długosz i latopisy ruskie // Opuscula Polonica et Russica. – 1997. – T. 5.

Sielicki F. Kronikarze polscy w latopisarstwie i dawniej historiografii ruskiej // Slavia Orientalis. – 1966. – T. 14.

Sielicki F Kroniki staroruskie w dawniej Polsce na tle polsko-ruskich stosunków kulturalnych // Slavia Orientalis. – 1964. – T. 13.

Solicki S Metoda pracy nad dziejami obcymi w Annales Poloniae Jana Długosza // Studia Źródłoznawcze. – 1977. – T. 22.

Śniezko D. Kronka wszystkiego świata Marcina Bielskiego: pogranicze dyskursów. – Szczecin, 2004.

Turowski K. J. O zyciu i pismach Alexandra Gwagnina Z Kroniki Sarmacyi Europskiej Alexandra Gwagnina z Werony. – Kraków, 1860.

Tymieniecki K. Zarys z dziejów historiografii polskiej. – Krakow, 1948.

Ulewicz T. Sarmacja: Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w Kraków, 1950.

Walewski C Marcin Kromer. – Warszawa, 1874.

Winarska A. Historiografia radziecka o Janie Długoszu // Jan Długosz. W pięcsetną rocznicę śmierci. Mater. z sesji (Sandomierz 24–25 V 1980). – Olsztyn, 1983.

Wiszniewski M Historia literatury polskiej. T. VII. – Kraków, 1845

Wojtkowiak Z. Maciej Stryjkowski – dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego kalendarium życia i działalności. – Poznań, 1990.

Zabłocki S. Od Renesansu do Oświecenia: Z dziejów inspiracji klasycznych w literaturze polskiej. – Warszawa, 1976.

Zeissberg H. Dziejopisarstwo polskie wieków średnich: przekł. z niem. T I Warszawa, 1877.

Оглавление

Предисловие 3
Глава 1. История славянского востока в хронике Яна Длугоша 13
Глава 2. История Руси в сочинениях Матвея Меховия 43
Глава 3. «Русские» и «московские» известия в хронике Мартина Кромера 69
Глава 4. История русских земель в трудах Марчина и Иоахима Бельских 97
Глава 5. Мачей Стрыйковский об истории восточных славян 123
Глава 6 История «Русской земли» и Московии в сочинениях Александра Гваньини 167
Заключение 197
Список использованных источников и литературы 205
Оригинальные издания и переводы трудов польских историков конца XV – начала XVII в. 207
Историографические источники 219
Литература 221

Научное издание

Карнаухов Дмитрий Владимирович

История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII в.

Редактор *Н. В Вишнякова*
Корректор *А. В. Овечкина*
Верстка *Н А. Айгаровой, Н В Вишняковой*
Дизайн *Н. В Вишняковой*

Подписано в печать 10.08. 09. Формат 60x84/16. Бумага писчая Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,5 Уч.-изд. л. 13,5 Тираж 250 экз. Заказ № 190
Редакционно-издательский отдел ГПНТБ СО РАН
630200, Новосибирск-200, ул. Восход, 15
E-mail: rio@spsl.nsc.ru
Полиграфический участок ГПНТБ СО РАН
630200, Новосибирск-200, ул. Восход, 15

Карнаухов, Д. В.

К24 История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII в. / Д. В. Карнаухов ; Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; Новосиб. гос. пед. ун-т ; науч. ред. А. Л. Посадсков. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2009. – 232 с.

ISBN 978-5-94560-161-1

Монография посвящена проблеме формирования и эволюции исторического образа Руси в польской хронографии позднего Средневековья и эпохи Возрождения Исследованы латино- и польскоязычные труды семи наиболее известных польских историков этого времени (Яна Длугоша, Матвея Меховия, Мартина Кромера, Марчина и Иоахима Бельских, Мачея Стрыйковского, Александра Гваньини), содержащие свидетельства о происхождении восточных славян, возникновении и развитии древнерусской государственности, культурной жизни Руси, ее взаимоотношениях с соседними странами и народами В монографии обобщен опыт изучения концепций истории Руси, созданных польскими историками конца XV – начала XVII в , в отечественной и зарубежной критической историографии нового и новейшего времени.

Монография адресована историографам, литературоведам и культурологам, интересующимся проблематикой зарубежной исторической россики.

УДК 94(47):930+930(091)(438)
ББК 63.3(2)4г+63.1(4Пол)4

Karnaukhov, D. V.

History of Russian lands in Polish chronography of late 15th to early 17th centuries / State public scientific-technical library of Siberian branch of Russian Academy of Science; Novosibirsk State Pedagogical University. – Novosibirsk, 2009. – 232 p.

ISBN 978-5-94560-161-1

The monograph is dedicated to the problem of formation and evolution of Rus' historical image in Polish chronography of late Middle Ages and Renaissance. The author studied works of seven most famous Polish historians – Jan Długosz, Mathias Mechovius, Martin Kromer, Marcin and Joachim Bielski, Maciej Stryjkowski, Alexander Guagnini – written at the time in Polish and Latin. These works contain evidence regarding the origins of Eastern Slavs, nascence and growth of ancient Rus' state, Rus' culture, its relations with neighboring countries and nations. The monograph summarizes the experience of investigation of concepts of Rus' history formulated by Polish historians of late 15th to early 17th centuries, in national as well as foreign modern and contemporary historiography.

The monograph is addressed to historiographers, theorists of literature and cultural studies experts interested in foreign Russian historiography.